

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В этой рубрике мы представляем четыре работы, принадлежащие перу значимого для Камчатки человека — Антона Петровича Сильницкого: «Краткий очерк современного состояния Петропавловской округи (Камчатки)» (1896 г.), «Поездка в Камчатку и на реку Анадырь» (1897 г., её первая глава «Из Владивостока в Петропавловск. Впечатления Камчатки» опубликована в третьем выпуске «Вопросов...»), «Поездка в северные округи Приморской области» (1903 г.) и «Четырнадцать месяцев службы на Камчатке (1909 г.).

Антон Петрович Сильницкий (8 ноября 1864 — 27 октября 1910). Краевед, литератор, член Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества (ИРГО), один из первых редакторов газеты «Приамурские ведомости», первой официальной газеты Приамурского края. Надворный советник, поручик запаса.

Родился в Смоленской губернии в семье православного священника, но по стопам отца не пошёл. Окончил Московское пехотное училище. С октября 1894 г. служил в Хабаровске в 10-м Восточно-Сибирском линейном батальоне. По приказанию командующего войсками Приамурского военного округа занялся изучением архивов в Мариинске, Софийске, Николаевске-на-Амуре и Владивостоке. С лета 1896 г. в отставке, перешёл на гражданскую службу. В 1897 г. за участие в первой Всероссийской переписи населения награждён бронзовой медалью.

Вскоре после приезда в Хабаровск А. П. Сильницкий стал членом местного отделения ИРГО. Он начал серьёзно изучать край, собирать этнографический материал. Из командировки в Анадырский округ привёз переданные в дар музею Приамурского отдела ИРГО 28 ящиков с ценной коллекцией, собранной начальником округа Н. Л. Гондатти.

А. П. Сильницкий регулярно писал отчёты о своих поездках, выступал с ними на заседании общества. В 1896 г. отдельным изданием вышел его «Краткий очерк современного состояния Петропавловской округи (Камчатки)». В 1897 г. в Хабаровске издана книга «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847—1855 гг., извлеченные из дел Владивостокского портового архива», воспроизведённая нами в предыдущем выпуске «Вопросов...» В этом же году «Записки Приамурского отдела ИРГО» опубликовали в отдельном томе его «Поездку в Камчатку и на реку Анадырь». В конце сентября 1897 г. А. П. Сильницкий стал редактором «Приамурских ведомостей». Редакторскую работу он совмещал с исследовательской. В 1901 г. побывал в Петропавловском, Охотском и Гижигинском округах, после чего в «Записках

Приамурского отдела ИРГО» появилась публикация «Поездка в северные округа Приморской области». В 1901 г. в Хабаровске вышла книга «Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край» с подробным изложением истории заселения и освоения края с 1860 г.

В апреле 1903 г. назначен Петропавловским уездным начальником. Находясь на этом посту по июнь 1904 г. пытался остановить спаивание местного населения и обеспечить справедливую торговлю с ним, введя меховые аукционы, чем нажил себе много недоброжелателей. В 1904 г. местное «высшее общество» предприняло попытку сместить его с занимаемого поста под предлогом «сумасшествия». Тем не менее, он возглавил оборону Камчатки от японцев в начавшейся войне и действовал весьма успешно. Из-за происков недоброжелателей осенью 1904 г. ему с семьёй пришлось покинуть Камчатку. После медицинского освидетельствования признан абсолютно здоровым. О своих попытках навести порядок в Петропавловском уезде он написал в очерке «Четырнадцать месяцев службы на Камчатке», вышедшем в 1909 г.

С 1 января 1905 г. А. П. Сильницкий вернулся к редактированию «Приамурских ведомостей». За заслуги в русско-японской войне 25 июля 1905 г. награждён орденом Святой Анны второй степени и чином надворного советника. В качестве ревизора в 1905 г. снова побывал на Камчатке и Командорах. Вернувшись в Хабаровск, он вновь занял пост редактора «Приамурских ведомостей». В 1906 г. вышел в отставку, редактировал первую в Хабаровске частную газету «Приамурье», был владельцем фирмы «Товарищество “Приамурье”». Избран гласным Хабаровской городской думы. Скончался в 1910 г. от инфаркта. Похоронен в Хабаровске.

А. П. СИЛЬНИЦКИЙ

КРАТКИЙ ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ОКРУГИ (КАМЧАТКИ)

Кроме печатных источников, как, например, Э. Реклю Т. VI. Полное собрание учёных путешествий по России. Издательство Императорской Академии Наук, 1818—1825 гг.; Записки гидрографического Департамента Морского Министерства, 1852 г. Ч. 10; Современное состояние Камчатки и Сахалина. Владивосток, 1890 г. № 40, 41 и 42, и другие, мы при составлении этой статьи пользовались отчётами начальника округа с 1891 по 1894 г.

Петропавловская округа занимает собою полуостров Камчатку между 50° и 60° северной широты и 125° и 135° восточной долготы. Северную границу Петропавловской округа составляет

Гижигинская округа. Естественными границами между этими двумя округами служат реки: Лесная, впадающая в Охотское море, и Карачинская, впадающая в Великий океан.

По приблизительному исчислению, Петропавловская округа занимает площадь около 210 000 квадратных верст.

Горы, соединяющие полуостров Камчатку с материком, составляют отдельную орографическую систему.

По устройству поверхности Камчатка состоит из болотистых, низменных тундр и горных кражей, тянущихся вдоль всего протяжения полуострова. В общем рельефе полуострова Камчатки западные высоты, господствующие над Охотским морем, более возвышены, чем правильные цепи и горные массы восточного берега, омываемого Тихим океаном.

К хребтам из гранита, порфира и палеозейских сланцев, составляющих древний остов полуострова, впоследствии прибавились вулканические горные породы: трахиты, базальты, лавы, шлаки новейшей формации, которые поднялись на высоту, гораздо большую, сравнительно с возвышением других горных цепей. Эти конусообразные горы недавнего образования иззубрили мысами берега Камчатки, омываемые Тихим океаном, а потому восточные берега Камчатки мало имеют удобных пристаней, между тем как западная сторона полуострова изрезана бухтами и бухточками самых разнообразных форм. Один из этих маленьких заливов, находящийся недалеко от южной оконечности Камчатки, знаменитая Авачинская губа по справедливости оспаривает у Сан-Франциско и у Рио-де-Жанейро право названия «лучшего порта в свете».

В Камчатке около сорока гор, и все оне вулканического происхождения. Это видно из того, что форма всех гор конусообразная; на вершинах существуют кратеры, остатки потоков лавы, вылившейся когда-то из их трещин. Многочисленные камчатские сопки послужили основанием к тому, что изображение двух сопкок вошло в герб Приморской области.

В настоящее время число гор, подземный огонь которых не потух, доходит до десяти. Колосс этих дымящихся гор, Ключевская сопка, до 10 131 футов высоты, находится близ моря на юг от большой долины, по которой протекает река Камчатка. Основание Ключевской сопки имеет около 310 вёрст в окружности. Вершина сопки постоянно дымится и выбрасывает пепел по два и по три раза в год. Одно извержение, о котором рассказывает Крашенинников, продолжалось четыре года, с 1827 по 1831 г. Огненная река, спустившаяся с вершины Ключевской сопки в 1854 г., по

своей величине и энергии, по свидетельству очевидцев, была так значительна, что превосходила подобные явления, имеющие место на Везувии и Этне.

В 1737 г. одно из землетрясений, часто колебавших Камчатку, было так значительно, что подняло морской вал на громадную высоту. Этот вал обрушился на берег, смыл юрты камчадалов и обнаружил на дне морском скалы, которых туземцы прежде никогда не видели. Осенью 1878 г. Ключевская сопка сильно горела и по временам выбрасывала камни, падавшие на большом от сопки расстоянии, а временами из нея текла лава. При выбрасывании камней обыватели Ключевского и других селений ощущали сильное колебание почвы, до такой степени сильное, что тряслись дома, и двери самопроизвольно отворялись, что и заставило часть жителей выехать из селения, куда они вернулись по миновании опасности. Огонь, выбрасываемый из жерла сопки, был настолько яркий, что в Ключевском селении, отстоящем от сопки в 45 верстах, по ночам было совершенно светло. Вытекающая же лава казалась небольшими огненными змейками. Обывателями Ключевского селения наблюдается, что все три близлежащие сопки: Шевелюч, Ключевская и Толбинская никогда не горят в одно и тоже время, а всегда одна после другой. Осенью и зимою 1887 г. из Ключевской сопки несколько раз был выбрасываем пепел.

Вулканические силы Камчатки сказываются в существовании больших горячих ключей и многих источников минеральных вод.

В Петропавловской округе известны по своим целебным свойствам Паропирские и Манкинские горячие ключи. Кроме этих ключей находятся ещё много совершенно неизследованных горячих ключей. Ключи, имеющие наибольшую температуру, находятся в вершинах рек: Налычевой, в расстоянии 150 верст от г. Петропавловска и Двух-Юртенной, впадающей в реку Еловку около Харчинского селения.

Вокруг Двух-Юртенных ключей находится выбрасываемый с водою песок стального цвета, похожий на олово. Налычевские горячие ключи находятся между гор, и площадь, занимаемая ключами, около 50 квадратных саженей. Диаметр самого кратера около двух саженей, вода в кратере кипит, как на огне, и, разливаясь по окружающим кратер камням, стекает вниз в протекающую вблизи речку с холодною водою. Запах горячей воды не отличается от запаха гнилого яйца. Камни, окружающие кратер, весьма мягки, поздраваты и, вероятно, образовались из частиц, выбрасываемых водою кратера. На отвердевшей почве, по которой течёт вода из

кратера, находятся ясно отпечатанные окаменелые следы копыт оленя и лап медведя.

Какого-либо исследования этих вод никогда не было. Главная река полуострова, впадающая в Тихий океан, называется Камчатка, и от имени этой реки полуостров получил своё название. Река протекает по равнине, отличающейся своим плодородием. По этой равнине расположено около двадцати селений камчадалских и русских, и у всех почти селений имеются возделанные поля. Из других рек полуострова Камчатки заслуживает внимания река Большая, впадающая в Охотское море у южной оконечности полуострова.

Климат Петропавловской округи таков: средняя температура +2,8 °С. Самый холодный месяц — 7,9 °С; самый теплый — +14,5 °С; разность 22,4°. В течение зимы выпадает громадная масса снега; глубокие снега тают поздно. В мае месяце случаются очень холодные утренники. Лето — сырое, холодное, дождливое. К осени дожди усиливаются. Иней выпадает рано, а за инеем наступает и зима. С 20-го мая устанавливается короткое, но жаркое камчатское лето. Земля камчатских тундр от действия солнечного тепла высыхает и нагревается очень сильно.

Камчатская флора включает большую часть сибирских древесных пород: лиственницу и различные породы других хвойных; берёзу, рябину, тополь, иву. Многочисленные ягодные кусты растут в подлесьях и составляют один из источников продовольствия для местных жителей. Есть в Камчатке растения, корни которых употребляются туземцами в пищу, а из некоторых корней приготавливаются опьяняющие напитки. По растительному царству восточный берег Камчатки богаче западного. Западный берег представляет из себя сплошная тундры, изредка прерываемая тальником, ветлой, ольхой, растущими по берегам небольших рек и речек. Камчатские горы западного берега в большинстве покрыты плохорастущей берёзой, тополем, ветлой и другими мелкими кустарниками, не дающими населению хорошего строительного материала.

По восточному берегу местность с верховьев реки Камчатки до Озерковского селения лесиста. Кроме берёз и прочих пород деревьев западного берега растёт ель, лиственница и пихта. Хребты камчатских гор каменисты и лишены растительности.

Наиболее богата растительностью долина реки Камчатки. Здесь травы часто превышают рост человека, и русские поселенцы, случается, косят по три раза в год. В этой долине (600 вёрст длины) возможна культура хлебных растений и разведение огородов.

Из пушных животных, доставляющих драгоценные меха, водятся соболи, горностаи, росомахи, лисицы. Кроме этих зверей есть в Камчатке: волки, медведи, горные бараны и другие. В настоящее время численность пушных зверей сильно уменьшилась. В прошлом столетии, по свидетельству Стеллера, лисицы разных пород, а в особенности песцы, водились в таком множестве, что камчадалы отгоняли их от своих юрт палками. Когда давали корм собакам, лисицы всегда принимали участие в собачьей трапезе. Всего сильнее и заметнее истребление животных в Камчатке видно в области моря. Некоторые виды животных, существовавших когда-то в большом числе, ныне совершенно исчезли, например, стеллерова морская корова. По сведениям, собранным Нордешильдом, последние особи стеллеровой коровы были убиты в 1880 г.

Морской кот тоже мог бы совершенно исчезнуть с лица земли, если бы не были приняты меры к охранению этого ценного зверя от беспощадного хищнического истребления. Кроме пушных зверей в Камчатке в большом количестве водятся олени; из морских — моржи, сивучи, нерпы.

Народонаселение. Общая численность населения Петропавловской округи в настоящее время доходит до 8 000 чел. Эта цифра составляется так: русских 2 200 обоого пола; оседлаго инородческаго племени: камчадал 4 000 чел., бродячих инородцев (коряк, ламут, чукчей) около 2 000 душ обоого пола.

В числе иностранцев, проживающих в Петропавловской округе, считается: германских подданных четыре мужчины и одна женщина, американских граждан шесть мужчин и две женщины.

Из Камчатскаго населения первое место, как по численности, так и по умственному развитию, принадлежит русским крестьянам. Крестьяне, населяющие Камчатку, суть потомки крестьян, привезённых в Камчатку в самом начале ея заселения. Русские люди, заброшенные в отдаленнейший уголок нашего отечества, в Камчатку, окруженные инородцами, сохранили все свои обычай и язык.

В то время как инородцы ищут пропитания исключительно в промыслах лесного и водяного зверя, в ловле рыбы, русские, занимаясь промыслом зверя, не забыли совершенно и исконнаго своего русскаго промысла — хлебопашества. Занимаясь хлебопашеством, хотя и в ничтожных размерах, они промышляют и зверя, а потому и быт их является более обеспеченным: русское население Камчатки незнакомо с голодовками. Довольство — вот общий признак русскаго населения далёкой Камчатки. Близлежа-

ция инородческие селения, имея ясные и неоспоримые доказательства, что при некотором с их стороны усилии, даже при отсутствии хорошего промысла на пушного зверя, они могут земледелием поддерживать своё существование, занялись разведением огородов и скота, но, к сожалению, в ничтожном количестве.

Следующее за русскими место занимают камчадалы. Камчадалы — аборигены округа. Отличаются они флегматическим темпераментом, религиозны, добры, строго уважают чужую собственность. Камчадалы, живущие в местностях, расположенных к югу от Тигиля и Ключевского селения, говорят русским языком и совершенно забыли свой родной язык. В местностях же к северу от Тигиля и Ключевского селения говорят на камчадалском наречии. Образ жизни у этих камчадалов остался в первобытном состоянии. Русская культура почти не коснулась их. Всё новое представляется им чем-то необыкновенным, от чего они отстраняются. Привычка к старым обычаям и способам промыслов так укоренилась у северных камчадалов, что объяснения и разъяснения об улучшении их выслушиваются ими с явным недоверием.

За камчадалами следуют ламуты. Ламуты или тунгузы ничего общего с русскими не имеют, кроме исповедуемой ими православной веры. Ламуты — народ добрый, честный, трудолюбивый. Их занятие — охота, рыбный промысел и оленеводство. Живут они вдали от селений отдельными, переносимыми с места на место юртами и приходят в селение только для приобретения от торгующих необходимых для них припасов: табаку, пороха, свинца, чаю, ситцев.

Последнее место занимают бродячие оленные коряки, пришедшие из Гижигинской округи. Это грязный, полудикий, грубый народ, подчиняющийся только физической силе, придерживающийся язычества и почти не подающий никаких надежд на принятие православной веры. Постоянных мест жительства они не имеют, а перекочевывают со своими стадами с места на место по хребтам камчатских гор и вершинам рек. Главные занятия коряк — оленеводство, промысел пушного зверя и рыболовство.

Как ламутам, так и корякам русская речь совершенно неизвестна и весьма туго прививается. Причина заключается в том, что сказанные инородцы, завися в своей жизни от оленей, идут со своими стадами туда, где есть основание предположить обильный корм. Вследствие чего ламуты и коряки, мало соприкасаясь с русским населением, остаются чужды русскому языку и русской культуре.

БЫТ НАСЕЛЕНИЯ

Земледелие. Центром жизни Петропавловской округи можно считать долину реки Камчатки. Долина реки во всех отношениях для заселения удобна. Селения, расположенные по течению этой реки, имеют в достаточном количестве лес, луга и пашни. В реку Камчатку вверх по течению входит из моря во время метания икры масса рыбы. Жизнь населения долины Камчатки вполне обеспечена. Местность Кроноцкого и Камчатского заливов и долины реки Камчатки изобилует хорошим, годным на постройки лиственничным и еловым лесом. В лесах этих водится разного рода пушной зверь, дающий населению возможность удовлетворить свои неотложные денежные нужды и поддерживать хозяйство. Эти леса, к чести населения, ревниво охраняются от пожаров и хищнических порубок. Население, расположенное в долине реки Камчатки, занимается, частью, земледелием.

Засевают ячмень, коноплю и с успехом разводят огороды. Засевом ячменя занимаются преимущественно крестьяне селения Ключевского и смежных с ним. Сеют ячмень и камчадалы, соседних с русскими селениями, камчадалских острожков. По сведениям, данным администрацией округи, всей земли, находящейся в эксплуатации населения, состоит: огородов около 300 десятин, пахотной 800 десятин, лугов 35 651 десятин. Из этого количества находится под ячменем 570 десятин, под огородами — 230 десятин, под коноплю — 5 десятин. В 1890 г. средняя цифра посева выражалась так: ячменя в Петропавловской округе засевалось до 3 000 пудов, урожай около 20 000 пудов, прочих огородных овощей (репы, редьки, брюквы, капусты) снимается ежегодно около 3 000 пудов. Конопля засеивается около 75 пудов. Урожай около 150 пудов.

Сена в последние годы заготовлялось в Петропавловской округе средним числом до 100 000 пудов. Урожай ячменя колеблется между сам 5,5 и сам 7. Посев ячменя и конопли производится обыкновенно не позже 10 мая, но зависит от того, как освободится земля от снега. Огородные овощи и картофель сеются немного позже 10 мая. Уборка ячменя и конопли производится в половине или конце августа, смотря по степени созревания. За уборкою хлеба следует уборка огородных овощей и затем картофеля.

Обработка полей производится самыми первобытными орудиями. Агрономические усовершенствования не коснулись пока далекой Камчатки. Средняя цена пуду ячменя от 2—3 руб. Из ко-

нопли обыватели Ключевского селения и соседних камчадальских селений выделывают неводное прядево, употребляемое ими для рыболовных сетей и неводов. Конопля засеивается в размере, нужном для собственного употребления, и производство конопли не составляет в округе особой отрасли промышленности. Картофель сеется на восточном и западном берегах полуострова, но преимущественно в долине реки Камчатки. Средняя цена одного пуда картофеля от 1 руб. — 1 руб. 50 коп. Остальные овощи возделываются исключительно для собственного потребления населения и в продаже не существуют.

Скотоводство. Разведением скота занимается преимущественно русское крестьянское население округа и в самых незначительных размерах оседлое инородческое население. Бродячие инородцы — ламуты и коряки — имеют табуны оленей. На успешность скотоводства имеет важное влияние климат страны. В 1889 г. за зиму выпало громадное количество снега. Растаял снег поздно. Вследствие этого заготовленного сена оказалось недостаточно. Лошади проводят зиму на подножном корму, но в зиму 1889 г. лошади не только не могли доставать себе корм из-под снега, но не могли даже переходить с места на место (вязли в снегу).

Обыватели селений, расположенных по реке Камчатке, должны были привозить своих лошадей ко дворам на собаках. Последствием злополучной зимы 1889 г. было сильное уменьшение численности скота Петропавловской округи. Породы рогатого скота и лошадей определить весьма трудно, но полагают, что это есть акклиматизировавшаяся в Камчатке порода, завезенная сюда из Иркутской губернии и Якутской области крестьянами и якутами, переселенными в Камчатку через Аян.

Рогатый камчатский скот небольшого роста, неразборчив в сене, плохо переносит холод, требует тёплых помещений, даёт молоко весьма недолго и в самом ограниченном количестве. Лошади, преимущественно якутской породы, низкорослы, слабосильны, невыносливы, с короткими шеями, небольшой головой и толстыми ногами, рысистых совсем нет. Камчадалское население имеет лошадей только верховых для поездок по промыслам разного рода пушного зверя до тех пор, пока снег ещё мелок и не мешает ходу лошади. Лошади камчатские не знают подков. По тундрам и гористым местам они идут очень осторожно, большею частью шагом, делая три или четыре версты в час.

Около Толбачинского и Козыревского Камчадалских селений замечены два табуна одичавших лошадей — всего около двухсот

голов. Одичавшие лошади чутки, сторожки, не допускают человека, и поймать их никому не удастся. В настоящее время во всей Петропавловской округе насчитывается: лошадей 800, рогатого скота 2 900 штук, оленей 45 тысяч, езжалых собак 6,5 тысяч. Цены на скот существуют в настоящее время следующие: лошадь от 30—60 руб.; корова от 15—60 руб.; олень от 6—10 руб.; езжалая собака от 3—15 руб. Цена на мясо: говядина от 6—8 руб. пуд, оленина от 3—4 руб. пуд.

Бродячее население Петропавловской округи — ламуты и коряки — имеют табуны домашних оленей, служащих им для пищи и как перевозочная сила. Олень как перевозочная сила бродячаго инородца выгоден для своего хозяина тем, что не заставляет его заготавливать на зиму сена. Олень круглый год на подножном корму. Камчатский олень гораздо ниже ростом и меньше севернаго оленя, малосилен и при перекочевках скоро утомляется. Коряки и ламуты при перекочевках запрягают в особаго устройства сани не менее двух оленей, кладя на каждую сани не более четырёх пудов груза. Переходы делаются не более 30 вёрст в сутки с остановкой в пути для отдыха и кормёжки оленей.

Бродячие инородцы, при всём своём желании увеличить свои табуны оленей, не достигают желаемых результатов по следующим причинам: у инородцев, кочующих по западному берегу Камчатки, случаются частые голодовки. Для поддержания своего существования инородец режет своих оленей и питается ими. В стаде получается не прирост, а убыль. Вторая причина — большое истребление оленьих стад волками. Стаи волков перекочевывают с места на место, следом за табунами оленей. Инородец беспомощен против такого хитраго, выбирающего тёмные ночи врага, не стреляет в волка из суеверия, а отравы, которой, по мнению инородца, волк не отравляется, а угощается, у него нет.

Кроме истребления оленьих табунов самим хозяином в дни голодовок и волками во всякое время, много оленей гибнет от эпизоотической, заразной болезни копыт, при появлении которой владелец лишается почти всего табуна, не зная и не имея средств предотвратить заболевания. По словам оленных ламут и коряк, болезнь копыт, от которой часто погибает всё стадо, является последствием неудобных пастбищ и мест стоянки табунов. Табуны оленей, находясь на мокрых тинистых местах, набивают копытными частями мокрою глиною, которая при переходе оленей на более сухое место, засыхает в канале и производит воспаление и нагноение, которые, быстро увеличиваясь, прекращают жизнь оленя.

Больной олень, ходя по траве, оставляет на ней часть нагноения, а проходящий по следам больного здоровый олень, наступая на заражённую гноем траву, заражается и заболевает. Некоторым паллиативом эпизоотии служит у инородца следующее средство: заболевший табун вгоняется в быструю горную речку. Текучая вода, промывая гной у заболевших, несколько предохраняет стадо от дальнейших заболеваний. Случая же, чтобы уже заболевший олень выздоровел, никогда не было. В 1892 г. от копытной болезни пало в Петропавловской округи 2 000 оленей.

Для всего населения Петропавловской округи, как русского, так и инородческого, необходимейшим домашним животным является собака. Вследствие местных климатических условий собака заменяет населению лошадь, не требуя никаких особых расходов на своё содержание. Без собак обыватель Камчатки совершенно беспомощен. Без собак он не может выезжать на промыслы пушного зверя, дающего ему средство к существованию. Без собак обыватель Камчатки не может заработать что-либо по перевозке купеческих грузов в селения округи. В округе существует две породы собак: езжалая и зверовая.

Езжалая собака небольшого или среднего роста, на крепких мускулистых ногах, с хорошо развитою грудью. Голова средняя, рыло узкое, уши стоячие, короткия. Шерсть различной пушистости и цветов. Хвост, обыкновенно на втором году, подрезается между третьим и четвёртым позвонком от основания. Собаки этой породы сильны, крепки, не требуют почти никакого ухода, ласковы, привязчивы к своему хозяину. Оне могут пробегать с грузом без остановки 60—70 вёрст в сутки. Безпрерывной, каждодневной езды оне не переносят. Во время переездов необходимо давать небольшой отдых, а через каждые двое суток езды — день отдыха.

Обыкновенная езжалая собака ценится от 5 до 10 руб., а передняя от 10 до 20 руб. Порода зверовых собак, выслеживающих и загоняющих соболя, известна под названием «ламутской», и эта порода в округе считается лучшею. Ламутская собака роста среднего, на тонких, стройных высоких ногах, с сильно развитыми грудными мускулами. Голова с узким рылом, глаза выразительные, нос развитой, шерсть средней величины — чёрная.

Отличительный признак ламутской собаки — желтоватая, небольшие, круглые пятна под каждым глазом. Рот, грудь, брюхо и оконечности опушены желтоватого цвета шерстью. Ламутская собака весела, ласкова, быстра на бегу, неутомима, понятлива, сильна и обладает прекрасным чутьём. Хорошая собака ламутской породы

ценится не менее 100 руб. По отзывам старожилов, порода езжалых и зверовых собак в Петропавловской округе с каждым годом постепенно ухудшается вследствие плохих кормов по количеству и качеству. Собак зачастую кормят рыбою, пролежавшею по два и по три года в земляных ямах, вполне испортившеюся и издающею сильное зловоние.

Болезни собак весьма различны. До 1870 г. преимущественно замечалось тихое бешенство, происходящее от небрежного ухода за собаками их владельцев. В жаркие камчатские летние дни, когда собаки сидят на привязи, хозяин не позаботится даже переменить собакам воду для питья. В начале 1890 г. в округе появилась совершенно новая, не бывавшая ранее болезнь, отличительными признаками которой были кашель, насморк и болезнь глаз. Заболевшая собака худела и затем пропадала. Все принимавшиеся населением меры не помогали. Болезнь эта сильно распространилась по всей округе, не пощадив и зверовых собак. К числу причин, служащих к ухудшению породы собак, служит то обстоятельство, что население не желает оставлять лучших самцов.

Для езды употребляются холощёные собаки, и потому каждый, имеющий годовых щенков, холостит оказавшихся лучшими, но для приплода не оставляет, надеясь, что кто-нибудь оставит. Оставляют на приплод обыкновенно самых худших щенков, для езды негодных. Дело грозит окончиться вырождением некогда знаменитых камчатских собак. В настоящее время в Петропавловской округе числится езжалых собак 6 500 штук, а в 1889 г. числилось около 11 тысяч. Так велика за последние годы убыль собак.

Жилища. Все население Петропавловской округи, как сказано выше, разделяется на бродячее и оседлое. А потому и жилища обывателей Камчатки приспособлены к их образу жизни.

Во всей Петропавловской округе нет ни одного каменного здания. Все жилыя постройки города Петропавловска одноэтажные, крытые в большинстве случаев соломой или сухою травою. Материалом для постройки служит ель и лиственница. Эти деревья, вполне удовлетворяющие условиям строевого леса, растут на восточном берегу полуострова, начиная от Пущенского селения до Озерковского, на протяжении 579 вёрст. В остальных же местах Камчатки жилыя помещения строятся преимущественно из ветлового и тополевого леса.

В округе плотников нет, с пилами население обращаться не умеет. Плахи и тёс выделяются топорами. Все жилыя помещения оседлого населения строятся из тонких деревьев, строятся

неопытными руками, а потому на вид некрасивы, и деревня камчатская имеет вид самый плохой, бедной, разоренной каким-либо бедствием деревушки. Сложенные на мху и непроконопаченные постройки летом пробивает дождь, а зимою стены промерзают. Окна двойных рам не имеют, и в большей половине камчатских окон стекла заменены выделанными и спитыми в продолговатых полотнища кишками медведя или нерпы. Все почти дома сыры, холодны, угарны, содержатся крайне грязно и неряшливо.

Камчадалы, обитающие к северу от Тигиля и Озерковского селения, живут в земляных юртах и находятся в ещё худших гигиенических условиях. Их юрты не имеют деревянных полов и не защищены от дождя крышей. Юрты бродячих инородцев округи легкия, удобно перевозимыя с места на место при перекочевках. Для устройства юрты одновременно заготавливается несколько десятков тонких палочек, полвершка в диаметре и около двух аршинов длины. Каждая три палочки в верхнем конце скрепляются через небольшие отверстия ремнём. Срубаются также несколько штук длинных жердей.

При постановке юрты четыре жерди связываются в вершине, а толстые концы раздвигаются в противоположные стороны, смотря по требующейся величине юрты. Концы двух жердей с каждой стороны раздвигаются до такого размера, чтобы человек в теплой одежде мог пройти свободно, так как пространство между жердями служит входом в юрту. От одной крайней жерди до другой разставляются, смотря по нужной величине, на расстоянии одного и одной трети аршина скрепленные по три палочки. Концы двух палочек в косвенном направлении втыкаются в землю, а третья накладывается в развилину следующих трёх палочек и так далее до жерди, к которой привязываются. То же делается и с другой стороны жерди. Установленные так палочки обтягиваются ламутами выделанной оленьей кожей без шерсти, а коряками такой же кожей, но с шерстью.

После этого в развилины тонких палочек, воткнутих в землю, вкладываются толстым концом длинные жерди, а тонкий конец их накладывается на связанные сверху средние четыре жерди. Положенные жерди тоже покрываются оленьей кожей, и сверху оставляется отверстие для выхода дыма. Пол юрты очищается до земли от снега, покрывается прутьями, на которые настилаются невыделанные олени и других зверей шкуры, служащая вместе с тем постелями. Огонь для тепла и варки пищи раскладывается по середине юрты, под верхним отверстием.

Юрты означенного устройства очень холодны, а потому ламуты никогда не снимают теплой меховой одежды. Юрты оленных коряк отличаются от ламутских тем, что коряки кроют юрты выделанными шкурами оленей с мехом и для получения большей теплоты привязывают к жердям внутри юрты большие полога, сшитые из таких же меховых оленьих шкур. В этих-то пологах и помещаются коряки со своими семействами. Более трёхпологов в юрте почти никогда не бывает. В каждом пологе может помещаться от 8—10 чел. Число юрт бродячих инородцев с точностью определить нельзя. Приблизительно 110—120 юрт.

Пожары в Петропавловской округе — очень редкое явление, и это благодаря тому, что между строениями городскими (г. Петропавловска) и сельскими оседлаго населения очень большие расстояния. Всех домов: в округе 865, в городе 75, а всего 840 домов. Нежилых строений в округе нет, а в городе 100. Инородческих юрт 48 (о кожаных сказано выше).

Промыслы. Рыбный промысел. Главное продовольствие населения Камчатской округи составляет рыба. Заготовление ежегодных запасов из рыбных продуктов обусловливается количеством вошедшей в реки для метания икры рыбы, необходимой как для пищи людям, так и для корма собак. Рыба ежегодно появляется в речках Камчатки в громадном количестве, но инородцы нередко терпят голодовки от недостатка рыбных запасов. Происходит такое явление потому, что рыба идёт с небольшими промежутками с мая почти до октября месяца. Камчадалское население в летнее время добывает рыбы самое ничтожное количество, нужное лишь для ежедневного употребления. Только немногие инородцы заготавливают в летнее время юколу и солят рыбу впрок. Заготовку же рыбы впрок оставляют до самого позднего осеннего хода рыбы. С наступлением холодов получается возможность заготавливать рыбу впрок без всяких хлопот — замораживанием. Этот лёгкий способ заготовки рыбных запасов так приучил надеяться камчатское инородческое население на осенний ход рыбы, что при невыходе её из моря по осени инородцы остаются совершенно без всяких запасов.

Рыба, из которой заготавливается продовольствие на зиму, преимущественно морская порода лососей: красная рыба, горбуша, хайко, входящая в реки с 1 июня, и кижуч, появляющийся с августа месяца.

Кроме этих главных видов рыб, составляющих основное продовольствие камчатского населения и собак, около берегов полу-

острова и в реках водятся следующие породы рыб: чавыча, семга, треска, кунжа, гольцы — род форели, сельдь, навага, корюшка и другая мелкая рыба.

Ежегодно повторяющиеся в разных местностях Петропавловской округи голодовки происходят частью от причин, от местного населения не зависящих: высший уровень воды в реках и речках, происходящий от таяния снегов в горах, сильные дожди во время хода из моря рыбы в осеннее время. Заметывание устьев рек громадными массами льда. Но большинство голодовок, все-таки, происходит от безпечности инородца и нежелания его сделать какая-либо улучшения в снарядах для промыслов и в самом заготовлении впрок уже пойманной рыбы. Рыболовные снаряды, употребляемые камчатскими инородцами, — суть деревянные запоры, самого первобытного устройства. Запоры делаются из деревянных пластин, шириною в вершок, толщиною в четверть вершка, высотой около сажени. Эти пластины вделываются в четырёхугольные рамы длиною от полутора до двух сажен. Таких рам делается четыре. Две из них ставятся параллельно, и к одной из них привязывается третья рама так, что свободный конец рамы лежит по линии другой, параллельно поставленной. К свободному концу третьей рамы привязывается под острым углом четвёртая рама с таким расчётом, чтобы конец её проходил немного дальше и в сторону от параллельной рамы, образуя небольшой коридор.

К другим концам параллельных рам прикреплена дверь, закрывающая вход. Около этого входа по обе стороны концов рам вбиваются кольца, между которыми вкладывается открытым концом к двери сделанное из деревянных же пластин, отстоящих одна от другой на один вершок разстояния, подобие бочки продолговатой формы, диаметром около трёх четвертей аршина, а длиною около двух сажений. Один конец бочки заделан такими же пластинками, из которых устроены все части запора. Описываемая бочка предназначается для входа туда чрез открытые двери рыбы. В верхней части около закрытого конца бочка имеет отверстие, закрываемое доскою. Отверстие служит для вынужения попавшей рыбы. Для постановки запора в дно реки в удобных местах вбивают кольца, переплетают их тальником, а на глубине двух аршин привязывают к вбитым кольям рамы запора и обращают вход в коридор по течению реки. С другой стороны запора опять идёт небольшой промежуток, заделанный тальником до дна реки, а затем ставится следующий запор. Количество запоров зависит

от ширины реки, и река, таким образом, перегораживается с одного берега до другого.

Рыба, стремясь в верх реки для метания икры, встречая на пути своём преграду, ищет прохода и, вплывая в довольно узкий коридор между рамами, не имеет возможности повернуться, чтобы идти назад и, доходя до конца параллельно стоящей рамы, повертывается вниз по течению реки. Между параллельно стоящими рамами попадает она чрез открытую дверь в продолговатую бочку. Когда бочка наполнится рыбою, то инородец на лодке подплывает к запору, закрывает дверь и приподнимает бочку между кольев кверху, а затем, открыв верхнее отверстие, достает оттуда всю попавшую рыбу.

Большие воды часто сносят один или несколько запоров. Рыба, имея свободный проход, не идёт уже в коридоры других запоров. Случается, что прибывшая вода сносит все запоры, и в большие воды приходится ловить рыбу неводами или сетями, или ожидать спада вод. Кроме запоров ловят на Камчатке рыбу неводами, сетями и на крючок. Невода в небольшом количестве имеются лишь в г. Петропавловске, по селениям же нет ни одного невода. Невод заменяется несколькими связанными сетями. Лов рыбы неводами производится так: невод или связанные сети ставятся в известном месте реки или моря, саженьях в десяти от берега; место выбирается глубокое. Концы верёвок от невода держатся на берегу. Когда рыба войдёт в пространство между неводом и берегом, тогда невод вытягивается. Если попадает в невод около ста штук рыбы, то это считается хорошим уловом (а рыба между тем идёт по реке сплошною массою).

Промысел рыбы чавычи производится исключительно сеткой. Сети делаются с восемью крупными ячейками.

Сеть берётся в бат, который вместе с другим батом заводится вверх по реке и там, растянув сеть поперёк реки между батами, плывут на батах по течению реки и тянут сеть. Чавыча, идя вверх по реке, попадает в сеть и запутывается в ней. Тогда промышленники, вынув из сети рыбу, вновь растягивают сеть между батами и плывут дальше. Затем опять заводят сеть вверх по реке и повторяют те же приёмы.

Камчатское население заготавливает юколу в весьма ограниченном количестве, надеясь на осенний ход рыбы кижуча, которая идёт в реки полуострова поздней осенью, с наступлением холодного времени. Обыкновенно эта рыба идёт в реки Камчатки несметными массами, и население ловит эту рыбу всеми вы-

шеописанными способами. Так как кижуч, вынутый из воды, быстро замерзает, то инородец нисколько не заботится о заготовлении ея впрок. Вся забота инородца сводится к тому, чтобы наловить рыбы как можно больше и сохранить её в мерзлом виде до поздней весны.

С этою целию население Камчатки по берегам речек в местах осеннего промысла, уже покрытых толстым слоем снега, выкапывает до земли ямы, бока которых обставляет тальником и туда складывает всю добытую рыбу. Закрыв яму сверху жердями, засыпают её снегом. Рыба таким образом сохраняется свежою до таяния снега. Если снега ещё неглубоки, то делают из деревянных жердей небольшие срубы (сайбы) и туда складывают до весны мерзлую рыбу. С наступлением теплого времени эта рыба портится и имеет очень сильный, острый запах, но камчадал с наслаждением употребляет её в пищу, и только при совершенном разложении рыбы она идёт для прокорма собак.

Кислая рыба получается из рыбы хайко и кижуча, входящих в речки летом и раннею осенью. Хайко и кижуч составляют главный корм собак во время нахождения их при селениях. Для приготовления и хранения пойманной в июле и августе месяцах рыбы на берегах речек выкапываются квадратные ямы глубиною не более двух аршин. В эти ямы сваливается вся наловленная в летнее время и не идущая на заготовление впрок рыба. Когда яма наполнена до краёв рыбой, то она закрывается жердями, покрывается травой, засыпается тонким слоем земли и оставляется в таком виде до наступления морозов. Оставаясь в яме в течение всего лета, рыба от действия тепла успевает настолько испортиться, что теряет даже форму рыбы и превращается в какую-то жидкую, страшно вонючую массу.

В этой смрадной массе можно отличать только рыбы головы и остатки спинной кости рыб. Масса эта с наступлением морозов замерзает и в мерзлом виде на нартах вывозится к селениям, где и поступает на корм собак. Запах этой «кислой» рыбы настолько силен и отвратителен, что даже свыкшийся с ним камчадал имеет для привоза «кислой» рыбы особую нарту и одежду.

Недостаточное заготовление «порса» (порошок из сушеной рыбы) как в человеческую пищу, так и для корма собак, описанные способы промысла, заготовления впрок и хранения рыбы — дают место голодовкам. Камчатские голодовки за полным отсутствием удобных путей сообщения, за громадностью расстояний делают решение вопроса о помощи голодающему населению

трудноразрешимым. О мерах, принимаемых администрацией, будет сказано ниже, при рассмотрении общественного благоустройства Петропавловской округи, а теперь будем говорить о других промыслах населения.

Пушной промысел. После рыбного промысла следует пушной. Петропавловская округа богата всякого рода пушным зверем: морскими бобрами, медведем, лисицею, белым песцом, выдрю и прочим. Пушной промысел даёт населению Камчатки средства к удовлетворению насущных потребностей. Материальное благосостояние жителей Петропавловской округи за отсутствием других местных заработков находится в полной зависимости от успешности промысла пушного и морского зверя.

Главным предметом промысла служит дорогой зверёк — соболь. Добыча этого зверя производится по всему полуострову. Начинается промысел соболя с 1 ноября и оканчивается 1 марта. Промысел этот производится ружьём, собакой и сеткой. Все другие способы добычи этого дорогого зверя, клонящиеся к быстрому его уничтожению, воспрещены. Каждый промышленник, желая добыть соболя, кроме необходимых перевозочных средств для поездки в местности, отдаленные от селений, должен иметь заготовленную провизию, по крайней мере, на один месяц, ружьё-дробовик, собаку, умеющую выслеживать зверя, сетку и лыжи.

Все эти предметы промысла, как дорогостоящие, передаются по наследству от отца к сыну или заводятся постепенно. Промышленники, владеющие хорошим ружьём и, в особенности, собакой, не остаются без хорошей добычи. На промысел выезжают к верховьям рек, ставят на снегу палатку и, смотря по количеству заготовленной провизии, живут в ней недели две-три. Ежедневно утром промышленник берёт с собою зверовую собаку, пристёгивает к надетому на ней алыку (собачья сбруя) вложенную в узкий мешок из нерпичьей кожи сетку, надевает лыжи и отправляется отыскивать на снегу свежий след соболя. Найдя соболий след, промышленник, смотря по тому, позволяет ли снег бежать собаке свободно, отпускает собаку по следу, надеясь, что собака, догнав соболя, загонит его на дерево или другое какое-либо место и не допустит соболя убежать до прихода хозяина. Если же снег настолько рыхл и глубок, что собаке и без сетки идти трудно, то промышленник выслеживает зверя, идя сам по его следу на лыжах. В этом случае, даже преследуя соболя по следу целый день, редко удастся добыть его. Измученный возвращается промышленник в свою палатку с пустыми руками.

На следующий день та же история. Самое благоприятное время для промысла то, когда снег настолько твёрд, что не затрудняет ходьбы на лыжах, и если, к тому же, ночью выпадет небольшой снег. Выпавшая ночью мелкая пороша даёт промышленнику возможность точно определить время, когда пробежал соболь. Собака скоро настигает соболя, и соболь прячется от собаки на лысину или в кедровник, или в расщелины камней. Собака же, находясь поблизости соболя, не даёт ему возможности убежать до прихода промышленника.

Промышленник, по приходе осмотрев следы соболя, точно определяет место, где соболь скрылся. По снегу в стоячем положении расставляется сеть на заранее привязанных к сетке тонких палочках в полтора аршина длины. Длина сети около 15 саженей. Сеть разставляется вокруг того места, где спрятался соболь. Снег в том месте, где ушёл соболь в кедровник, раскапывается. Если промышленник удачно начал свои поиски, то соболь долго не сидит в снегу и, видя, что ему не избежать гибели, выскакивает из своего убежища, попадает в сеть, запутывается в ней и схватывается собакой или самим промышленником.

Добыча же соболя, спрятавшегося в расщелине камня или скалы, требует от промышленника больших усилий. Разставя сетку и оставив около нея собаку, промышленник собирает дрова и около норы, куда скрылся соболь, раскладывает огонь. Дым скоро заставляет соболя покинуть своё убежище. Выстрелами из ружья убивают соболя только тогда, когда он прячется на дереве или, прорвав сетку, убегает. Самая лучшая порода собак для выслеживания соболя — ламутская.

Промышленник, не имеющий собственной зверовой собаки, берет у имеющего лишнюю с тем, что половина всех добытых соболей поступает в пользу владельца собаки. Хотя это условие и тяжело, но промышленник охотно на него соглашается: без хорошей собаки нельзя добыть ни одного соболя. Ежегодная добыча соболя по всей Петропавловской округе колеблется около 2 700 соболей. Цена на соболя от 16 до 25 руб. за штуку.

Промысел медведя, шкура которого за последние годы сильно поднялась в цене, стал по сумме получаемого дохода на первое место после соболя. Промысел медведей производится преимущественно весною, когда медведи выходят из берлог и ищут себе пищи по берегу моря и осенью, когда медведи разбредаются по мелким речкам, в которые входит рыба, служащая медведям пищею.

Камчатский медведь очень смирнен. Он никогда не нападает на человека и, даже раненый, бежит. Когда рыбы в реках достаточно,

медведь очень осторожен. Невыход же рыбы из моря в реки и оскудение поэтому пищи для медведя, делают медведя смелым, и голод, не позволяя ему ложиться на зиму в берлогу, заставляет его приближаться к человеческим жилищам. Зима 1887/88 года была особенно неблагоприятна для медведей по случаю невыхода из моря рыбы. Голодные медведи целую зиму шатались близ селений и убивались обывателями во множестве. За 1888 г. было убито в Камчатке 2 083 медведя. Среднее ежегодное число убиваемых медведей около 1 100 штук.

Промысел медведя составляет для камчатского населения немалую поддержку в его благосостоянии. Цена на шкуру медведя ежегодно повышается. Мясо и жир убиваемых медведей употребляется в пищу. Медведи в Камчатке убиваются преимущественно пулями, никаких ловушек и ям население не употребляет. Цена за шкуру медведя в настоящее время 18—35—40 руб., смотря по качеству.

Для промысла красной лисицы и белого песца употребляются привозимые торговцами железные капканы. Вблизи лисьих троп вырываются в лесу ямы, в которых в лунные ночи сидит промышленник, поджидая лисицу. В случае ее появления стреляют по ней крупною дробью. Этими же способами добывают и белых песцов, водящихся в северной части полуострова. Цены на лисьи меха следующие: красная от 4—5 руб., сиводушка от 14—22 руб., белого песца — 3 руб. До 1883 г. промысел лисиц был весьма значителен, но в том же и последующем 1884 г. вследствие употребления для промысла лисиц стрихнина зверь этот почти совершенно исчез. В настоящее время стрихнин, безусловно, воспрещен. В три последние года число добываемых лисиц стало возрастать.

Выдры водятся в реках округи. В среднем ежегодно добывается, преимущественно капканами, около 400 штук выдр. Цена за шкуру выдры 8—15 руб. Охота за лисицею, песцом и выдрю, и другим мелким пушным зверем не составляет для камчатского промышленника особого, требующаго каких-либо затрат промысла. Добыча этих зверей производится, так сказать, попутно.

Промысел морских зверей. По морским берегам Петропавловской округи производится промысел морских зверей: бобров, моржей, сивучей, лахтаков и нерп.

Морские бобры водятся в весьма ограниченном количестве на южной оконечности мыса Лопатки и к северу от него по восточному берегу Камчатки до камня Гаврюшкина. Заходят иногда до мыса Жёлтого. В прежнее время морские бобры водились в се-

верной части Кроноцкой бухты и между мысами Козловым и Кроноцким. Морские бобры в местностях восточного берега истреблены иностранными хищническими шхунами, ежегодно заходившими в эти местности, не защищенные от хищничества иностранцев. Иностранные шхуны, производя хищнический промысел морских котов на Командорских островах, зная хорошо незащищенность берегов Камчатского полуострова, не упускают случая добыть и морского бобра.

Лежбищем морских бобров жители Нижнекамчатска указывают камни, стоящие между Камчатским и Столбовым мысами. Камни, на которых лежат морские бобры, находятся в довольно большом разстоянии от берега. Лежбища морских бобров на южной оконечности Камчатки находятся между южным концом мыса Лопатки и камнем «Три сестры». Промысел морского бобра производится исключительно сеткой, так как ружейный выстрел пугает бобров и заставляет их уходить от лежбища. Сетка для ловли морского бобра делается из тонкой белой бечевки, длиною до 15 саженей и шириною около полторы сажени. Ячея сетки длиною 10 дюймов. Сетка ставится на два якоря между камней, где проходят на лежбище бобры.

Лежбище морских бобров представляет группу камней, находящихся отдельно друг от друга и на порядочном разстоянии от берега. Промышленник ставит сетку около лежбищ с вечера на всю ночь и смотрит её один раз, утром. Бобёр подходит к лежбищу с подветренной стороны, осматривается, нет ли опасности, и взлезает на лежбище. С утреннею зарею бобёр подходит к берегу искать раковин, служащих ему пищею, и нередко попадает в разставленные сети.

Лучшее время для промысла бобров — май, июль, сентябрь и октябрь. В эти месяцы бобёр бывает вблизи берегов, а остальное же время, как говорят, проводит в море, но, вероятнее всего, он уходит на острова Курильской гряды. Лица, промышлявшие морского бобра на Лопатке в 1892 г., видели на лежбищах за всё время своего пребывания около двадцати бобров. Добыто было семь бобров, проданы эти бобры в Петропавловске с аукциона от 300—400 руб. за каждого.

Моржи, клыки которого ценятся в торговле довольно дорого, имеют свои лежбища в Кроноцком заливе: 1) против устья реки Жупановой, 2) от бухты Столбовой до мыса Козлова. В прежнее время на этих лежбищах занимались промыслом моржей иностранные хищники, составившие для этого компанию. Хищники...

[фрагмент текста утрачен] спицей, находится около лежища в месте, откуда ветер не может обнаружить зверю его присутствия. Выжидая удобную минуту, когда бурун только что прошёл, промышленник бежит к лежищу и бросает в первого попавшегося зверя спицу и, удерживая раненного зверя на ремне, привязанном к концу древка спицы, добывает зверя ножом. При приближении буруна — отходит в безопасное место.

Но бывают такие случаи, что зверь, получив удар спицей, бросается в воду, и промышленник, крепко держащийся за ремень, стаскивается зверем в воду и погибает. Случаи эти редки, но чаще всего причиной гибели промышленника служит то, что промышленник, убив зверя, по каким-либо причинам замедлит уйти от надвигающегося буруна. Гибель его в этом случае неизбежна. Подошедший бурун перебрасывает промышленника в речку, откуда он уносится в море быстрым течением речки и отходящего от берега буруна.

Лахтаки и нерпы заходят по более глубоким речкам вверх, вёрст на тридцать и более. Заходящих в речки стреляют из сделанных в известных местах засадов, но поймать убитого зверя удаётся редко: в пресной воде он скоро тонет.

Все описанные промыслы всякого рода зверя составляют главное занятие инородческого населения Камчатки. Промыслы морских бобров, моржей и трески хищнически эксплуатируются иностранцами. В виду всё большего и большего с каждым годом оскудения морских промыслов желательно было бы безотлагательно принять меры к охране этих промыслов от хищничества иностранцев. Бобровые промыслы так привлекательны, что иностранцы, несмотря на различные меры, не оставляют своего хищничества. Организация военных постов на мысе Лопатки и камнях «Три сестры» принесёт несомненную пользу. В распоряжении окружной администрации имеется лишь одна маленькая, на двух гребцов, шлюпка. Пускаться же на этой шлюпке в открытое море нельзя.

Желательно бы было дать в распоряжение администрации большой, хороший вельбот. Тогда окружная администрация могла бы знать, что делается по берегам полуострова и, в случае надобности, пользуясь военными постами, дать некоторый противовес беспощадному хищничанью иностранцев. Расходы, как на содержание постов, так и приобретение хорошего вельбота, окупилась бы, как свидетельствует окружная администрация Камчатки, в первое же лето.

В дополнение к очерку промыслов Камчатки следует упомянуть о промысле трески. К обоим берегам Камчатки, и в особенности к западному, к селениям Явинскому и Голыгинскому в июне месяце приходит треска в громадном количестве. Камчатское население, не имея никаких средств к промыслу этой рыбы, говорит, что треска не годится в пищу не только людям, но даже собакам. А иностранцы, между тем, ежегодно приходят к западному берегу Камчатки и занимаются ловлею трески не более как в 10—15 милях от берега, около селений Явинского и Голыгинского. В 1890 г. в течение полутора месяцев ловлею трески занималась команда двух американских шхун. Команда состояла из 82 чел., и в течение сказанного времени она наловила и нагрузила на свои шхуны 310 100 штук трески (каждая рыба около 28 фунтов весом). Проживающий в Явинском селении финляндец заявил, что он поймал в тот же год 10 000 штук трески и продавал американцам 1 000 штук по 25 долларов, то есть весь промысел дал ему 500 руб.

Ловить треску, не имея хотя бы одной двухмачтовой шхуны, нельзя. Население по бедности не может приобрести шхуну. А неимение шхуны у камчатского населения имеет следствием то, что богатства, данные природой Камчатке, идут не на пользу населения, а на пользу иностранцев. Шхуна, если бы она была приобретена, могла бы сослужить немалую пользу и в деле охраны бобровых и других промыслов Камчатки.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ОКРУГИ

Земли, входящая в состав Петропавловской округи, все без исключения принадлежат казне. Земель, принадлежащих частным лицам, городам, селениям и обществам на правах полной собственности, не имеется. Все земли, занятые городом, селениями под жилья и другие помещения, огороды, сенокосы, поля считаются во временном пользовании лиц, занявших таковыя с разрешения окружной администрации. Ввиду же устранения споров и пререканий между сельскими инородческими обществами и бродячими инородцами относительно промысла пушного зверя, все земли округи разделены между селениями обоих берегов Камчатского полуострова.

Границею, разделяющею полуостров на две половины, считаются хребты Камчатских гор, проходящих от южной оконечности

полуострова до северной границы, отделяющей Петропавловскую округу от Гижигинской. Границы земель, находящихся в общественном владении, по согласию обществ считаются на половине расстояния между селениями, гранича с одной стороны с берегом Охотского моря или Тихого океана. Местности близ Кроноцкого залива и Авачинской губы, как признанные удобными для разведения соболя, считаются заповедными.

Вследствие слабого развития хлебопашества, полного отсутствия кустарной и фабричной промышленности всё благосостояние населения зависит от успешного промысла рыбы и пушного зверя. Рыба составляет главный предмет продовольствия как людей, так и собак. Как сказано выше, рыба появляется в реках Камчатки весною, летом и осенью в громадных массах. Между тем неумение заготовить её впрок, а частью и нежелание делать это заготовление в летние месяцы ввиду возможности заготовить запасы из осеннего хода, когда при морозах заготовление рыбных запасов не требует особого труда, служат причиною того, что Камчатку из года в год посещают голодовки.

В настоящее время администрация ведёт борьбу с этим злом. Осенний ход рыбы не всегда бывает, ибо устья рек иногда загромождаются пловучими льдами. Все усилия администрации направлены к тому, чтобы заготовить рыбные запасы летом, не ожидая осеннего хода и заготовить их в количестве, достаточном для пропитания как населения, так и собак. В 1891 г. окружным начальником приняты были следующие меры.

В июне месяце в реках Камчатки появляется рыба хайко. Прежде наловленная хайко развешивалась для сушки на открытом воздухе. Дожди и сырая погода делали то, что развешанная рыба пропадала. По мысли же окружного начальника, все сельские общества Камчатки обязались построить в каждом селении общественные поварни. Всё общество должно принять участие в заготовлении хайко впрок. Рыба, засушенная в поварнях, будучи хранима в сухих помещениях, может сохраняться несколько лет.

Каждый общественник, кроме заготовления рыбы собственно для себя, должен вносить по 100 штук юкалы с каждого мужчины в экономические рыбные магазины, устроить которые предположено во всех селениях округа. Запас, хранящийся в экономических магазинах, не должен расходоваться до окончания нового заготовления этого запаса, то есть до осени будущего года. Осенью же следующего года находящийся на хранении в экономи-

ческом магазине запас заменяется свежим, в равном количестве, но с подбавкою для будущего года ещё 100 юкал.

Юкала из «хайко» служит для собачьяго корма. Но обезпечение прокорма собак имеет большее значение, чем обезпечение продовольствием людей: на случай голодовки камчатское население имеет возможность вывозить из мест расположения продовольственных магазинов нужные для его пропитания припасы, не имея же собачьяго корма и лишаясь через это перевозочных средств, камчатское население будет поставлено в критическое положение. Громадные расстояния от продовольственных казённых магазинов, отсутствие у населения перевозочных средств и неимение таковых у администрации могут поставить население Камчатки на случай голодовки в безвыходное положение.

Население Камчатки, как и большинство жителей Крайнего Севера, отличается флегматичностью, апатией к труду и малою заботою о завтрашнем дне. При тех богатых дарах природы, которыми награждена Камчатка, более энергичное и трудолюбивое население не имело бы понятия о голодовках. Окружной администрации приходится много хлопотать, чтобы приучить население к более усиленному труду и к принятию тех улучшений, которые могли бы устранить голодовки.

Для приведения в исполнение мысли об учреждении в каждом селении экономических магазинов, окружный начальник назначил особых помощников — старост, которым было вменено в обязанность заботиться о том, чтобы все жители селения безотлагательно заготавливали впрок рыбу летом, не надеясь на осенний её ход. На обязанность же помощников старост была возложена и забота о непременном пополнении экономических магазинов. Помощникам старост было предоставлено право налагать взыскания, определённые за непослушание, леность и беспечность о своём благосостоянии.

Благодаря этой мере, которая была принята в 1891 г., в 1892 г. сказались следующие результаты: рыбных запасов во всей округе было заготовлено достаточное количество как для людей, так и для собак. Многие селения уплатили также состоявшие за ними долги в казённые продовольственные магазины за забранные ранее припасы.

Во всей Петропавловской округе на случай нужды устроено три казённых продовольственных магазина. Из этих магазинов отпускаются припасы как за наличный расчёт, так и в долг, за круговым поручительством всего общества. Магазины устроены

в следующих пунктах: г. Петропавловске, с. Усть-Камчатске и с. Тигильском. В 1892 г. из всех этих магазинов было продано следующее количество припасов: из Петропавловского — муки 1 168 пудов 2 фунта, крупы 44 пуда 28 фунтов, соли 319 пудов 23 фунта, пороха 20 пудов 9 фунтов, свинца 51 пуд; из Усть-Камчатского — муки 534 пуда 2 фунта, крупы 13 пуда 20 фунтов, соли 468 пудов, пороха 4 пуда 18 фунтов, свинца 10 пудов 28 фунтов; из Тигильского — муки 101 пуд, крупы 15 пудов 5 футов, соли 407 пудов 3 фунта, пороха 17 пудов 18 фунтов, свинца 41 пуд 25 фунтов.

Кроме припасов продовольственных, предположено снабжать неводным прядевом и отпускать его населению по заготовительной цене. Прядево имеется в продаже, но цена его доходит до 2 руб. за фунт. А потому население Камчатки, не имея возможности купить прядево, должно обходиться прядевом из волокон дикорастущей в Камчатке крапивы. Невода же и сети из крапивного прядева весьма непрочны и при самом бережном с ними обращении едва выдерживают один год. Отсутствие же хороших неводов имеет немалое влияние на успешность заготовления достаточных рыбных запасов.

ТОРГОВЛЯ

Торговля в городе Петропавловске и Петропавловской округе за неимением в обращении у населения денег исключительно меновая. Ведется торговля способом, по которому инородец всегда находится в неоплатном долгу у торговца. Цены на предметы первой необходимости камчатского населения благодаря увеличивающимся рейсам пароходов Добровольного Флота, снабжающего как казенные магазины, так и торгующих в Петропавловске купцов 2-й гильдии, с каждым годом всё уменьшаются.

Петропавловские купцы выписывают себе товары частью из Владивостока, а частью из Одессы. В настоящее время в Петропавловской округе имеется следующее количество торговцев: 1-й гильдии — один, 2-й гильдии — 11, торгующих в округе по свидетельствам на мелочной торг — 17, на развозный торг товарами — 41.

Как сказано выше, торговля ведётся в долг. Это имеет своим следствием то, что камчадалское население привыкло не подводить итогов своим долгам, не спрашивать, что стоит вещь, а брать её потому только, что она пригодна для хозяйства. Инородческое население округа живёт выше своих средств, получаемых им от промысла пушного и морского зверя. Средние торговцы, получая

свои товары в кредит от Владивостокских купцов, оплачивают на следующий год свои кредиты вывезенной ими из Петропавловска пушниной, получаемой ими в обмен товаров.

За последнее время число средних торговцев с каждым годом все увеличивается. Возникающая между ними конкуренция способствует удешевлению привозных товаров и вздорожанию пушнины, спрос на которую значительно увеличивается с каждым годом. В начале восьмидесятых годов соболь стоил не ниже 15 руб., в настоящее же время — не ниже 20—25 руб. Вообще, цены на пушнину, существующия в настоящее время в Петропавловской округе, должны бы были считаться очень высокими и не приносящими купцу никаких барышей. Но, принимая во внимание, что Камчатская торговля исключительно меновая, и что купцы при покупке соболей уплачивают деньгам не более 3 руб. за шкурку, а остальную сумму оплачивают товаром, необходимым инородцу, можно положительно сказать, что торговля в Камчатке не так убыточна, как рассказывают об этом сами торгующие. Не убыточна она потому, что купец получает свои товары из Владивостока с ничтожным фрахтом, а продает товар в Камчатке по ценам вдвое и более высшим, что и даёт торговцу возможность, не принося своим делам никакого ущерба, возвышать цену на пушнину.

Выгодность торговли с инородцами привлекает всё большее и большее число торговцев средней руки, желающих поживиться за счёт инородца. Задолживание до сих пор велось при посредстве спаивания, так как инородец питает великую страсть к спиртным напиткам.

Конкуренция между торговцами, изгнание при торговых сделках спирта даёт надежду на установление нормальных цен как на привозные товары, так и на нормальное оплачивание пушнины.

Из предписаний бывших генерал-губернаторов Восточной Сибири и губернаторов Приморской области видно, что, несмотря на категорическое запрещение ввоза в Петропавловскую округу спиртных напитков, снабжение ими инородцев, хотя бы под видом угощения, ввоз спирта до 1890 г. практиковался в широких размерах. Торгующие в округе купцы и мелкие торговцы вывозили сюда спирт, как бы для собственного употребления, целыми четырёхведерными бочёнками. Ввезённый спирт частью выпивался самими торговцами, но большей частью шёл в незаконную продажу и на угощение камчадалов при выезде их с промысла.

Окружный начальник в бытность свою в с. Большерецком расспрашивал проживавшего здесь торговца о том, от кого он торгует,

по какой цене и прочее. Торговец, весьма откровенно рассказывая о своих делах, пояснил, что в 1889 г. он в виде опыта выписал товар от купца Альберса из Владивостока на сумму около 500 руб., и при этом торговец показал окружному начальнику счёт Альберса. Просматривая счёт, окружный начальник был очень удивлен тем, что в числе товаров помещена была одна банка спирта в 96 %. Он спросил торговца, зачем он выписывает спирт? На это торговец дал ответ, что спирт ему необходим для угощения камчадалов, так как камчадал без угощения спиртом не торгуется, и благодаря этому все торговцы прибегают к угощению спиртом. При дальнейшем расследовании способов торговли в Петропавловской округе, выяснилось, что все едущие в округу за каким-либо делом неизменно везут с собою спирт. Факт открытого и поголовного спаивания инородца и обирания его торговцами был очевиден.

Спаиваемые камчадалы не только за безценок отдавали торговцам продукты своего промысла, но под влиянием развивающегося между ними пьянства они упускали даже время промысла. Нужно было войти в положение инородца и избавить его от кабалы торговцев и полного разорения. Средство было одно — запретить ввоз спирта.

В 1890 г. начали применяться на деле все бывшие предписания о невывозе в округу спирта, предписания, имевшие единственною целью оградить инородческое население от спаивания и получающихся отсюда печальных последствий. Не имея возможности сразу прекратить ввоз спирта, окружным начальником было объявлено торгующим и всему камчатскому населению, что лица и общества, желающие ввозить для собственного употребления крепкие напитки, должны каждый раз испрашивать особое разрешение окружного управления.

Было объявлено также, что бутылки и посуда, в которых будут помещаться разрешенные администрацией к вывозу напитки, будут опечатываться печатью окружного управления и, кроме того, будут выдаваться удостоверения, какое количество разрешено вывезти, кому и куда. Старосты селений должны были осматривать разрешенные к вывозу бутылки, и найденные не опечатанными печатью окружного управления, должны были быть конфискуемы. Опечатывание напитков было необходимо ввиду того, что незапечатанные бутылки могли быть распиваемы в попутных селениях.

Дабы распоряжение о невывозе в округу спирта не было только на бумаге, администрация распорядилась, чтобы все нарты,

выходящая из города, тщательно осматривались. Лица, виновные в вывозе спирта без разрешения, подвергались взысканиям. Для осмотра выезжающих из города нарт были наряжены по городу дежурные казаки. Благодаря принятым мерам, ввоз в округу спирта из г. Петропавловска почти прекратился. Для предупреждения же ввоза спирта в Тигиль, Усть-Камчатск и распространения его оттуда по округе, окружная администрация обратилась к командирам пароходов, посещающих камчатские порты, с просьбой не сгружать напитков, адресованных в Тигиль или Усть-Камчатск, в пунктах адресования, а, по возможности, доставлять таковые в г. Петропавловск.

Все приведенные меры окружной администрации, принятые в видах прекращения спаивания инородца, имели своим следствием то, что в 1893 г. большинство селений пожелало вносить в уплату ясака не деньги, как то было прежде, а соболей для продажи их с аукциона в г. Петропавловске. Остаточные же от ясака соболи не продавались мелким торговцам, а отправлялись для продажи с выборными от обществ людьми в г. Петропавловск. При этом большая часть не только казённых долгов в продовольственные магазины, но и частных, была погашена.

В марте 1893 г. в г. Петропавловск съехалось более ста нарт с соболями. Эти соболи были проданы по хорошей цене, а предметы, необходимые населению, были куплены по дешёвой цене, то есть была заплачена за товар его фактическая стоимость.

Нужно думать, что если прежде бывшие распоряжения высшей власти о невывозе в Камчатку спирта получают новые подтверждения, то одно из главнейших несчастий инородца — пьянство — будет искоренено.

О торговых оборотах Петропавловской округи можно судить из следующих данных. В навигацию 1892 г. привезено в г. Петропавловск на судах Добровольного Флота и некоторых других частных коммерческих различных товаров, потребных населению округи, всего на сумму 61 624 руб. От 1891 г. оставалось на сумму 84 292 руб. 80 коп., а всего за 1892—1893 гг. состояло в округе привозных товаров на сумму 145 916 руб. Из этого числа продано: в г. Петропавловске на 31 906 руб., в округе на 49 895 руб. Сумма 81 801 руб., полученная торговцами с населения за привозные товары, в самой незначительной части оплачена деньгами, а 74 362 руб. оплачено пушниной. Ярмарок в округе нет.

Устроенных путей сообщения не имеется. Сообщение производится летом верхом на лошадях — по протоптанным тропинкам

и по рекам — на батах. В зимнее же время на собаках и оленях. Перевозка грузов для торговли и поездки служащих в управлении округа по делам службы, духовенства и местного населения совершается, главным образом, на собаках, запряжённых в нарты и повозки по семь и двадцать штук, а иногда и более. Собаки в приспособленной для них сбруе (алык) на довольно коротких ремнях привязываются по две в ряд на длинных, толстых ремнях, прикрепляемых к передку нарты или повозки.

Нарты делаются в виде дровень, но длиннее их, уже в ходу и значительно легче. Все части нарты скрепляются ремнями, чтобы получить некоторую гибкость, необходимую при встречающихся неровностях дороги, рытвинах и раскатах. Впереди запряжённых в нарту собак запрягаются одна или две собаки, обученные нескольшим звукам, указывающим передним собакам в каком направлении они должны бежать. Для более же скорой езды употребляются разнообразные слова и звуки. Задерживают нарту под гору, на раскатах и останавливают при езде так называемым «оштол», то есть берёзовой или рябиновой, толщиной с вершок, немного загнутой палкой с острым насаженным на неё железным наконечником. Пропуская «оштол» между копыльями нарты в снег, задерживают ход нарты и удерживают собак. Ход нарты делается всегда одной меры, и это делается для облегчения собак.

После выпавшего снега дорога бывает, обыкновенно, занесена им настолько, что она незаметна. Первая прошедшая нарта, продавливая полозьями снег, делает дорогу, следующая нарта, попадая своими полозьями «в накат», идёт уже значительно легче. Двенадцать собак, запряжённых в нарту с положенным на неё грузом от 10—15 пудов, проходят расстояние от Петропавловска до с. Тигильскаго в количестве 800 верст не более двадцати и не менее десяти суток. При переменах же в каждом селении собак средняя скорость езды по готовой дороге равняется восьми верстам в час. В летнее же время перевозка необходимых для торгующих товаров совершается вьюком на лошади. Вьюк не более пяти пудов.

Бат, на котором производится сообщение по рекам Камчатки, есть ничто иное, как длинное, с высокими краями и узкими концами корыто, выдолбленное из толстаго ствола тополёваго дерева. Лодок и других пловучих приспособлений в Петропавловской округе нет. Плывая по течению реки, двое сидящих по концам бата приводят его в движение двумя небольшими с короткими ручками вёслами. Для плавания же вверх по рекам, сидящие на концах бата имеют шесты и упираются ими в дно реки, обыкно-

венно неглубокое у берегов. Они быстро двигают бат с находящимся на нём грузом и пассажирами, проходят таким образом по пятьдесят вёрст в день. Самый большой камчатский бат может поднять грузу до 30 пудов. Обыкновенный же бат — до 10 пудов.

Устройство путей сообщения в Камчатке возможно, но не вызывается никакою настоятельною необходимостью.

В зимнее время случается сильная пурга. Дорога, занесённая снегом, в ночное время угрожает путнику возможностью сбиться с пути. С давняго времени во всей округе практикуется обычай обставлять дорогу вехами. Но при громадных между селениями расстояниях ежегодное «провешивание» дороги трудно и тяжело для населения. По мысли администрации, производятся опыты посадки живых деревьев по направлению зимней дороги.

В недалеком, вероятно, будущем в безлюдной Петропавловской округе на сотни верст протянутся аллеи деревьев. Во время страшной Камчатской пурги эти аллеи не одного путника предохранят от опасного и часто гибельного «блуждания» по пустынным снежным равнинам Камчатки и её горным хребтам.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОДАТИ

Подати с государственных крестьян до 1892 г. производились по 81 коп. с души. В 1892 г. сделано распоряжение об увеличении подати до 90 коп. с души. В прежнее время подати всегда поступали полностью, без недоимок. В 1892 г. последовавшее распоряжение об увеличении подати до 90 коп. было получено летом. Вследствие отдаленности селений и отсутствия путей сообщения, получилось недоимки в 29 руб. 34 коп.

В Петропавловской округе в настоящее время поступает в доход казны следующее количество податей:

Государственные доходы. Подать с крестьян 397 руб. 80 коп. В ясак с оседлых инородцев 2 399 руб. 54 коп. В ясак с бродячих инородцев 388 руб. 96 коп.

Земские сборы. В пожарный капитал: с крестьян 17 руб. 68 коп., с оседлых инородцев 33 руб. 56 коп.

Кроме того поступает: податного сбора с заведений для продажи крепких напитков 280 руб., табачного сбора 410 руб., губернский земский сбор с крестьян 176 руб. 80 коп.

Инородческое население платит ясак с величайшею исправностью. Особые причины, как, например, голодовка, служат к появлению за инородческим населением недоимок.

О ГОРОДЕ ПЕТРОПАВЛОВСКЕ

Всё население города Петропавловска достигает лишь цифры 400 чел. обоего пола (196 мужчин и 203 женщин). Состав населения г. Петропавловска следующий: дворян потомственных — мужчин 7, женщин 6; личных — мужчин 7, женщин 8; духовенства белого — 4; потомственных почётных граждан — мужчин 3, женщин 2; купцов — мужчин 2, женщин 2; мещан — мужчин 93, женщин 91; крестьян — мужчин 7, женщин 7; матросов — 7; казаков — мужчин 46, женщин 62; отставных матросов — мужчин 16 и их жён и дочерей 16, иностранных подданных — 10.

В 1892 г. в г. Петропавловске было совершено семь браков (в округе 70); законнорожденных в городе 43 (в округе 260); незаконнорожденных в городе Петропавловске четверо (в округе 20). Умерших в городе 36 (в округе 117). В г. Петропавловске имеется три православные деревянные церкви, домов жилых 75, нежилых зданий 109, а всего 187 зданий.

Хозяйственное управление г. Петропавловска, отнесенного к числу малолюднейших городов Приморской области, находится под единоличным управлением городского старосты, руководствующегося законоположениями, для малолюдных городов установленными. Городского капитала в настоящее время по г. Петропавловску состоит в наличных деньгах и процентных государственных бумагах 9 110 руб. 19 коп. Годовой доход г. Петропавловска доходит до 1 900 руб. серебром. Этот доход составляется из следующих статей:

- с документов на право торговли и промысла — 273 руб. 25 коп.
- процентный сбор с аукционных продаж пушнины — 347 руб.

48 коп.

- процент с принадлежащего городу капитала — 107 руб. 50 коп.
- ластовый (грузовой. — *Ред.*) сбор с судов — 45 руб.
- за записку в городскую обывательскую книгу — 112 руб. 50 коп.
- возврата по ссудам — 1 000 руб.

Расход города Петропавловска:

- содержание городского общественного управления — 389 руб.

68 коп.

- содержание караульного дома при полиции — 70 руб.
- на народное образование — 150 руб.
- ремонт мостов, улиц и площадок — 113 руб. 60 коп.
- разные расходы — 1 руб. 08 коп.
- оборотные расходы — 1 000 руб.

В г. Петропавловске имеется четыре ренсковых погреба для продажи крепких напитков.

Санитарная часть в Петропавловской округе находится в весьма плачевном состоянии. На всю округу имеется лишь один окружный врач да два лекарские ученика, из которых один проживает в Тигильском селении, а другой в с. Ключевском.

Врачебная помощь окружного врача за дальностью расстояний ограничивается почти исключительно жителями г. Петропавловска. Оспопрививание, столь важное для Петропавловской округи вследствие не раз бывших великих опустошений этою заразительною болезнью населения Камчатки, производится врачом, лекарскими учениками и некоторыми лицами из населения, как русского, так и инородческого, снабженными лимфой и обученными этому делу.

Кроме обычных заболеваний и посещающей за последнее время Камчатку инфлюенцы, в среде населения существует сифилис и проказа. Сифилис, занесённый в округу иностранными матросами, посещающими камчатские порты, при отсутствии медицинской помощи нашёл для своего распространения благоприятную почву. Проказа наблюдается даже в форме новых, ненаследственных заболеваний. В 1892 г. обнаружено 19 случаев новых заболеваний. Употребление населением гнилой, предавшейся разложению рыбы немало способствует развитию этой болезни.

Предоставленное самому себе население Камчатки в своих недугах, из коих главные: цинга, чирьи и рак пользуются больше «заговорами» и «наговорами». Не пренебрегают также камчатские знахари травами и кореньями. Считаю не лишним сказать несколько слов о камчатской медицине, которая со времени Крашенинникова остается в том же, не поддающемся прогрессу состоянии. От цинги камчадалы пользуются листьями травы «мыт-кажун», листья которой прикладывают к деснам и, кроме того, пьют декокт из брусники.

Русские же пьют «сланец» или тамошний кедровник и едят дикий чеснок, который называется в Камчатке «черемша».

Чирьи, по-камчатски «оон», болезнь весьма опасная, от которой многие умирают. Некоторые чирьи бывают диаметром до трёх дюймов. Заболевшие «ооном» лежат в постели по шести и более недель. К чирьям камчадалы прикладывают сырую заячью шкуру. Открывшийся чирый имеет по 40 и 50 скважин, из которых вытекает гной. Если же из скважин материя перестала сочиться, то это признак смертельного исхода болезни.

Сифилис камчадалы называют «аорожиг». Эта болезнь считается камчадалами неизлечимой. Средства, которые употребляются камчадалами при различных заболеваниях, суть следующие:

Морская губка, которая прикладывается камчадалами к чирьям, чтобы вытягивало материю. Малина морская употребляется женщинами для скорейшего разрешения от бремени. Как мочегонное средство употребляется инородческим населением Петропавловской округи «нинча», или морская репа.

Жир «морского волка» с большою пользою употребляется при запорах. При боли в животе от простуды пьют «курильский чай».

От поноса едят белую глину, которая называется «земляною сметаною» и находится во многих местах Камчатки. От болезни горла пьют кипрейное сусло. При укушении собакой или волком, а также при ожогах камчадалы прикладывают к ранам толчёные листья шеломайника. При боли головы прикладывают мерзлую бруснику. От одышки камчадалы жуют «папоротник», отвар из которого употребляется также и при кашле с кровью. При внутренних болезнях камчадалы пьют «камчатский зверобой». От сифилиса пользуются питьём из «пьяной травы».

В случае ушиба морскую траву, мочёную в рыбьем жире, прикладывают к больному месту. От бессонницы пользуются травой Ефемера. Инородческие обыватели южной Камчатки ставят и клистиры. Отвар из разных трав, иногда с жиром, наливают в тюлений пузырь и обтягивают отверстие его около какой-либо «дудки». Клистиры признаются камчадалами очень полезными, почему и употребляются почти при каждой болезни.

От желтухи берут корень лесной фиалки, чистят его и свежий толкут с тёплой водою. Сок, который по цвету делается похожим на молоко, наливают в нерпичий пузырь. Употребляют этот сок клистирами два дня подряд по три раза в день. Кровопускание камчадалами не применяется.

При ломоте в спине камчадалы трут больную спину корнем цикуты. Из корня лютика и травы «омег» добывают ядовитые вещества. Ядом из корня лютика намазываются камчадальския стрелы.

ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО

Ни в городе Петропавловске, ни в селениях округи до 1894 г. не было ни одного учебного заведения, содержащего казною. С 1872 г. в г. Петропавловске существует городское училище, содержимое на частные пожертвования. Ежегодное число учащихся

ся в этой школе не превышает 30 мальчиков и 12 девочек. В селениях: Тигильском, Мильковском, Ключевском, Нижнекамчатском и Дранкинском имеются школы, содержимыя на средства церковно-приходских попечительств этих селений. Тигильская же школа содержится на средства инородцев, обитающих вблизи. Всех учащихся в церковно-приходских школах около 620 чел. мальчиков и 20 девочек.

Две трети учащихся — дети русского населения, а одна треть — дети камчадалские. Преподавание в школах ограничивается обучением детей чтению и письму. Других каких-либо знаний за полным отсутствием в Петропавловской округе подготовленных учителей, а также за неимением учебных пособий, камчатские школы не дают. Нужда в образовании детей побудила общество г. Петропавловска подумать серьезно, и в 1889 г. был составлен приговор городского общества, по которому город обязался ежегодно давать училищу 900 руб. Изыскав скромные средства, город вошёл по начальству с ходатайством о преобразовании Петропавловского училища в двухклассное, с преподаванием в нём предметов, положенных программой училищ этого типа. Просил также город о назначении в г. Петропавловск учителя-педагога, с предоставлением ему прав государственной службы, отдаленнейшим местам Империи присвоенных.

А. П. СИЛЬНИЦКИЙ

ПОЕЗДКА В КАМЧАТКУ И НА РЕКУ АНАДЫРЬ

Личные впечатления действительного члена
Приамурского отдела ИРГО

ГЛАВА II. ОТ ПЕТРОПАВЛОВСКА ДО УСТЬЯ РЕКИ АНАДЫРИ. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ЧУКОТСКОЙ ЗЕМЛИ И ЕЯ ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВ

В передний путь мы простояли в Петропавловске пять с половиной дней. 19 июля в девять часов утра мы снялись с якоря. Путь от Петропавловска до устья Анадыря был более благоприятен, чем путь от Владивостока до Камчатки. Туманы были, но не продолжались непрерывно более 10—12 часов. Это плавание замечательно тем, что, пройдя параллель Командорских островов, последнего пункта, обитаемого культурным человеком, чувствуешь свою полную изолированность от всего мира. Здесь уже трудно

увидеть дымок встречного парохода. Бывали, говорят, времена, когда пустынные воды северо-восточного побережья Азии, начиная от мыса Кронотского, были оживлены целыми флотилиями китобойных американских шхун. Но времена эти, видимо, прошли. Зверь оскудел, барыши от китобойного промысла сделались меньше, и американцы не посещают уже так охотно берегов Камчатки. Мы, по крайней мере, не встретили ни одного судна и за всё наше плавание от Камчатки до Анадыря не встретили ничего, напоминающего собою присутствие человека. Морские чайки, утки, да изредка киты и нерпы оживляли однообразную картину волнующегося моря. Китов, впрочем, мы видели мало, не более пятнадцати штук, но зато двух китов я видел у самого борта парохода.

Не могу объяснить причину, почему они очутились у борта, но факт тот, что два кита, вынырнув неожиданно для нас у кормы парохода, некоторое время, минуты три, плыли рядом с пароходом, держась на поверхности воды так, что средняя часть тела, примерно сажени четыре, была видна, и будь у кого-нибудь из нас гарпун, оба кита могли бы быть пойманы. Моряки очень сожалели, что они, отправляясь в северные моря, не захватили с собою на всякий случай китобойных принадлежностей. Других китов мы видели в большем или меньшем отдалении. Чем ближе подходил наш пароход к Анадырскому заливу, тем более чувствовался холод. Выходя на палубу, уже нужно было одевать пальто, а на вахту становились в тёплой одежде.

Подходя к Анадыру, мы застали конец полярных белых ночей. Странное впечатление производят эти ночи! Солнце уже давно закатилось; часы показывают десять вечера, а светло, как днём, светло так, что даже в каюте без всякого огня можно читать. Туземцы любят свои летние светлые ночи и говорят о них с восторгом, как о лучшей красе их страны. Но на меня, непривычного, эти ночи действовали дурно. Непрерывный свет, продолжающийся в течение нескольких суток, производит не особенно приятное впечатление. Сбиваешься с толку и не знаешь, когда ложиться спать, когда вставать. Но светлые ночи по достоинству оцениваются моряками. Подходя к Анадыру, пароход идёт вдоль берега. А берег этот усеян камнями, даже простым глазом видны торчащие из воды верхушки камней, обдаваемые брызгами разбивающихся волн. Плавание близ берега, огражденного камнями, считается мореходами самым опасным. Чем ближе подходит пароход к полярному кругу, тем склонение магнитной стрелки больше и тем внимательнее следит капитан за показанием компаса,

и тем чаще производит вычисления. Последние двое суток нашего плавания прошли без тумана. Простым глазом виден берег без всяких следов растительности. Лишь у подошвы гор кое-где зеленеет травка. Горы и их долины покрыты снегом, этот снег, как говорят, никогда не растаивает.

24-го июля в одиннадцать часов утра на горизонте показалась гора св. Дионисия, находящаяся на высоте Анадырского лимана. До устья Анадыря, конечной цели плавания, осталось два часа.

Не доходя пятнадцать вёрст до устья Анадыря, прямо против него возвышается скалистый остров, имеющий поразительное сходство с гробом. Этот остров, величиною до пяти квадратных верст и высотой до двухсот футов, называется англичанами «Sarkophahus», и есть своего рода «memento mori» путешественнику, вступающему в реку Анадыр. Пройдя остров, уже простыми глазами различаются несколько чукотских юрт на берегу и огромный русский флаг, развивающийся над каким-то бесформенным зелёным холмом. Этот бесформенный издали холм есть здание, в котором помещается Анадырское окружное полицейское управление. Чем ближе пароход подходил к Анадыру, тем больше заметна была та суматоха, которая происходила на берегу. Прибытие парохода есть событие, от которого обыватели Мариинского поста, находящегося на устье Анадыря, ведут времяисчисление. Казённый пароход есть единственное звено, связующее анадырский люд с внешним миром.

Мы вошли в реку Анадыр 23 июля в три часа дня. Видно было, как давным-давно стояла на берегу группа людей, одетых в форму. Эта группа состояла из одиннадцати человек: начальника Анадырской округи Н. Л. Гондатти, его помощника и девяти человек казаков. Со всеми предосторожностями опытного моряка вёл командир пароход к месту, обозначенному на карте якорем. Лишь только мы вошли в реку, как было приказано убавить ход. Но приказание это потребовалось отменить. Было время отлива, а в это время и без того быстрое течение реки усиливается от 12—14 верст в час. Когда был дан половинный ход, то наше судно не только не подвигалось вперед, но течением понесло его обратно в море. Половинный ход сменили на полный, и лишь тогда получилась возможность поставить пароход на желаемое место и бросить якорь. Лишь только загремела цепь отдаваемого якоря, как группа, стоявшая на берегу, села в шлюпку и отвалила от берега. Мы остановились примерно в ста сажнях от берега.

Казалось бы, что восемь гребцов, которые сели на вёсла, выгребут к пароходу в пять-десять минут. Но это так казалось. На самом же деле на проезд в лодке ста саженой, отделявших пароход от берега, потребовалось более часу времени. Прежде чем взять направление на пароход, шлюпка плыла вдоль берега, вверх по реке, и, проплывши не менее версты вверх, направилась к пароходу. Быстрота течения так велика, что вода реки, разбиваясь о нос парохода, журчит, точно ручей. Но вот Гондатти подплывает на шлюпке к пароходу. Нужно бы бросить с борта веревку, но сделать этого не догадались, а потому шлюпка была отнесена течением, не пристав к пароходу. Выгребли на берег, повторили ту же процедуру, заводя лодку вверх по реке.

Когда шлюпка с Гондатти и казаками приблизилась к борту вторично, то были брошены сразу две верёвки. Ухватившись за верёвки, четверо дюжих казака не без труда подтащили шлюпку к трапу, и Гондатти взошёл на пароход. Я никогда не видал Гондатти. Слышал, что он человек молодой, полный сил и здоровья. Поэтому я был немало удивлён, когда увидел перед собою человека с сильною проседью в голове, с морщинистым землистаго цвета лицом. Меня поразило также, что Гондатти, пройдя несколько ступенек трапа, так запыхался, что пока не мог говорить. Но дивиться нечему: Гондатти провёл на Анадыре два года, а прожить на Анадыре два года и не потерять здоровья — едва ли возможно.

Впрочем, попытаюсь описать условия Чукотской земли. Край, орошаемый рекою Анадыр, известен русским с конца первой половины XVII века. Казаки, открывшие и завоевавшие Анадыр под власть Белаго Царя, вывозили оттуда много моржевой, мамонтовой кости и пушнины. До 1785 года об этом крае не было никаких сведений. Но снаряженная в этом году по указу Екатерины II экспедиция капитана Биллингса познакомила науку с характером Чукотской земли и частью с ея населением.

Лучшие сведения о Чукотской земле дал лейтенант Врангель, совершивший свою экспедицию в 1822 году и, наконец, барон Майдель. Историю Чукотской земли можно резюмировать так: казаки, открывшие эту землю, будучи, по выражению Миллера, землеискателями по преимуществу, воюя с чукчами и объясачивая их, шли вперёд. Но идти на восток было некуда, ибо они дошли до берега океана. Повернув к югу, они дошли до Камчатки, и в этом году исполнилось ровно двести лет, как казаки, пришедшие в Камчатку, найдя ее землею вполне удовлетворявшей их требованиям, водворились там на постоянное жительство. В Анадырском же

крае, представлявшем более суровые климатические условия и населенном к тому же чукчами, племенем сильным и воинственным, осталась небольшая горсточка русских, живших сначала в Анадырском остроге, а затем переселившаяся в верховья Анадыря, как представлявшая более жизненных удобств. К концу первой половины XVIII века кровавые войны русских с чукчами закончились. Те и другие друг друга узнали, да повода к войне не было: простору в Анадырском крае так много, что как пришельцы русские, так и аборигены страны, чукчи, перестав враждовать, нашли себе места, где, не мешая друг другу, могли жить так, как кому хотелось. Русские же предприниматели после покорения Камчатки стремились не на Анадырь-реку, а в Камчатку. Таким образом, к концу XVII и началу XIX века русские почти не знали о существовании края, завоеванного когда-то казаками. Между тем, XIX век ознаменовывается занятием западного берега Америки и развитием там торгового судоходства.

Наши заокеанские соседи, плавая по Берингову морю, обратили своё внимание на огромную стада китов, два раза в году совершающих свои периодические передвижения из вод Ледовитого океана в воды Тихого и обратно. Обратили они внимания и на то, что по берегу Чукотской земли, на островах и отмелях, водятся моржи и в таком количестве, что целые острова по несколько верст в окружности были сплошь покрываемы лежащим зверем. Начался промысел моржей и промысел китов.

Множество американских шхун посещали наши берега. По рассказам стариков-чукчей бывали такие годы, что несколько десятков американских шхун успевали за короткое полярное лето нагружаться моржевými клыками и китовым усом. Большую пользу извлекали американцы от эксплуатации наших вод, но одновременно с этим начали сказываться и результаты хозяйничанья американцев. Зверь из года в год оскудевал, и посещения американцев в зависимости от этого сделались реже. Американцы, приезжая за добычей зверя, привозили, между прочим, и товары. Товары, попадая в руки носовых чукчей, во время зимы развозились ими к чукчам, обитающим внутри страны. С уменьшением китобойного и моржевого промыслов, уменьшился и привоз товаров, хотя потребность в них с каждым годом увеличивалась. Словом сказать, к 80-м годам этого столетия положение дел было таково: страна, считающаяся во владениях Русского Государя, населённая десятитысячным племенем чукчей, почти не слышала имени русского. На побережье Чукотской земли развивался

американский флаг, многие чукчи успели побывать в Сан-Франциско и весьма многие объяснялись по-английски. Такой порядок вещей был признан ненормальным. Было признано также, что гижигинская администрация, в ведении которой находилась и Чукотская земля, не может сделать что-либо для нея за огромною дальностью разстояния. Вследствие этого, в 1889 году Чукотская земля составила особую административную единицу, получившую название Анадырской округи. Первым начальником был назначен доктор Гриневецкий. Он скоро сделался жертвою анадырского климата, и на его место был назначен учёный секретарь Императорского общества антропологии, этнографии и естествознания при Московском университете Николай Львович Гондатти. Страна, в которую приехал служить молодой учёный, находясь большей своей половиной за полярным кругом, сурова. Необозримыя тундры Анадырского края, простирающиеся на тысячи вёрст, безлесны и бесплодны. Покрытыя восемь месяцев в году глубокими снегами, оне могут быть обитаемы лишь оленем, который находит в тундре в изобилии свою единственную пищу — мох ягель.

Зима в Анадырском крае начинается с сентября и продолжается по первыя числа мая месяца. Эта продолжительная зима сопровождается морозами, доходящими до 60 °С и пургами, продолжающимися по несколько недель сряду. Трудно, говорят, выносить анадырский мороз, но ещё труднее выносить пургу, сопровождаемую леденящими ветрами Севернаго океана. Эти пурги, при которых, говорят очевидцы, буквально не видно божьего света, заматают всю тундру огромным, до пяти аршинов, слоем снега. По словам очевидцев, по мере наступления холодов дичь подвигается к югу, а следом идут волки, медведи, песцы. К январю месяцу всё живое покидает тундру, и она мертвеет.

Но лишь вешнее апрельское солнышко начало пригревать землю, лишь появились там и сям чернеющие проталины, как тундра вновь оживает.

Идут на север несметными стадами олени, потянулись перелетные птицы и могильная тишина тундры наполняется шумом и гамом птиц, гнездящихся в ея недрах в неисчислимом множестве.

Лето в Анадырском крае продолжается, собственно говоря, два с половиной месяца, с 1 июля до половины августа. Это короткое лето успевает согнать снежный покров с поверхности земли и оттаять её, замерзшую, как кремь, на четыре-пять вершков. Глубже пяти вершков вся тундра Анадырского края представляет никогда не оттаивающий пласт земли.

При таких условиях по всему северному побережью почти до селения Маркова растительность тощая, а о дереве нет и помину. Вследствие этого обитатели Чукотской земли ищут пропитания не в земле, а в промысле рыбы и зверя.

ГЛАВА III. НАСЕЛЕНИЕ ЧУКОТСКОЙ ЗЕМЛИ И ЕГО ПРОМЫСЛЫ

Это население, числом до двенадцати тысяч душ обоего пола, состоит: из русских до трёхсот душ, чуванцев, юкагир и ламут, совершенно обрусевших и даже забывших язык своих предков, числом до пятисот душ, и племени чукчей до десяти с небольшим тысяч.

Русские обитают в селе Маркове и близ него. Марковцы — это потомки первых завоевателей Анадырского края, казаков, оставшихся здесь на постоянное жительство. Северные казаки, вступая в браки с инородческими женщинами, имели детей с примесью инородческого типа, который, переходя из рода в род, сделал марковца трудноотличаемым по лицу от чукчи и других инородцев. Но, утратив русский тип, марковец вполне сохранил язык своих предков, их веру и обычаи, сохранил он старинные русские песни, сказки и пословицы. Живя в течение двух веков в дебрях анадырской тундры, не имея никакого сообщения с матушкой Россией, зная о ней только по тёмным слухам, марковец поёт те же песни, которые поёт весь русский народ. Живя в постоянной борьбе с чрезвычайно тяжёлыми условиями природы, марковец выработал в себе энергию, не поддающуюся описанию, выработал выносливость, возбуждающую удивление. По условиям природы Анадырского края марковец, как и всё вообще население Чукотской земли, имеет основным источником своего существования промысел рыбы и зверя. Второе место по значению занимает извозный промысел и третье — кустарный.

Перейду к краткому описанию этих промыслов, причём долгом считаю заметить, что русские промысляют рыбу и ловят зверя совершенно так же, как и чукчи. А потому я буду говорить о промыслах вообще. Первое место в экономической жизни оседлого населения Анадырской округи, как выше я заметил, занимает промысел рыбы.

Промышляемая рыба разделяется на два сорта: на ходовую и постоянную. К числу ходовой рыбы относятся лососёвые породы, а к числу постоянной — обыкновенная порода речных рыб, так называемая белая. Ход красной рыбы начинается с половины июля,

а иногда и раньше. Ход красной рыбы ожидается с большим нетерпением всем населением, так как от удачного промысла этой рыбы зависит годовое безбедное существование населения. Лишь попалась в какую-либо сетку красная рыба, как по всей тундре пошёл говор: «Красная рыба пошла», и все от мала до велика принимаются за неводьбу.

Промысел производится на местах, удобных для закладки и выемки сетей. Тут же устраиваются и вешала. На Анадыре по случаю дороговизны соли рыба заготавливается без соли. Засаливают рыбу лишь люди с достатком, и солёная рыба считается лакомством. Рыба, пойманная до 9-го августа, когда ещё выпадают теплые деньки, готовится так: вынув из воды сетку и выбросив рыбу на берег, берут длинную палку, на которую навязывают за жабры до восьми штук рыб. Середина палки остается свободною от рыбы и кладётся на плечо работника, который несёт рыбу к вешалам, подобно как на коромысле. У вешал на каком-либо месте земля засыпана травой или мохом, на котором и складывают пойманную рыбу. Разделкой рыбы занимаются женщины. Разделка состоит в том, что, вырезав жабры, выбросив внутренности, разрезают рыбу вдоль спинного хребта на две пластины. Кость с некоторою частью мяса совсем выделяется от рыбы. Кость вешается отдельно и предназначается для корма только собак, а две пластины, соединяемые головой, будучи высушены, поступают для корма и людей, и собак.

Если во время хода рыбы погода стоит хорошая, то двух недель совершенно достаточно для того, чтобы заготовит годовое продовольствие, потребность которого определяется как первая забота промышленников заготовить рыбы столько, чтобы собаки были обеспечены. Каждая средняя семья имеет нарту. Нарта считается в двенадцать собак. На каждую собаку при отличном питании и при тяжёлой работе, например, в дороге, полагается в день одна юкала и одна кость. Кормят собак от восьми с половиной до девяти с половиной месяцев, в зависимости от количества улова и времени наступления весны и осени. При этом расчёте на нарту требуется до 3 000 штук рыб. На семью же, считая её в шесть душ, принимая во внимание добываемую зимою свежую рыбу, мясо оленей, а иногда и птиц, требуется до 1 000 рыб. Таким образом, для семьи из шести душ требуется 4 000 рыб. При хорошей погоде заготовить это количество легко, но случается, что во время хода рыбы пойдут дожди, река выступает из берегов и заливают так называемые летники, где производится промысел рыбы. Вышед-

шая из берегов река широко разливается по тундре, так что найти места, удобные для лова рыбы, делается невозможным. Если же дожди и не настолько сильны, чтобы вызвать наводнение, то, во всяком случае, развешенная рыба, попадая под дождь, слизнет, загнивает и сама собою падает с вешал. Вследствие этого, промышляя рыбу, при всякой возможности стараются заготовить её сколько возможно больше, ибо удачные годы сменяются иногда двумя-тремя неудачными. С 15-го августа на Анадыре начинаются утренние заморозки, а к концу этого месяца делается уже настолько холодно, что промышляемая с этого времени рыба не просушивается, а замораживается. Замороженная рыба не имеет, впрочем, такого значения, как просушенная, ибо вследствие своей тяжести не может служить дорожным кормом собак.

Кроме красной рыбы, как я выше сказал, на реке Анадыре круглый год промышляется белая рыба. Пойманная летом, она просушивается и составляет так называемую белую юкалу, считающуюся лакомством, а пойманная зимою употребляется в свежем виде. Зимою, в дни особенно сильных морозов, рыба не попадает. Но лишь наступила малейшая оттепель, как рыба ловится вновь. По случаю хорошего улова красной рыбы зимний лов производится изредка, лишь для того, чтобы сменить надоевшую юкалу свежинкой. Но если промысел был плох, то ловят рыбу зимою, чтобы избежать голода.

После рыбного промысла второе место по значению имеет промысел зверя и, в частности, промысел оленя. Промысел оленя имеет очень важное значение для всего края.

Оленей в Анадырском крае множество. Олени стада два раза в году, весною и осенью, совершают переходы с севера на юг и обратно. Идёт олень несметным количеством и идёт всегда почти по одним и тем же путям, и всегда почти в одно и то же время. Весенний ход оленя открывают тельные самки, важенки. Оне идут, когда реки ещё не тронулись. Идут оне с юга на север потому, что там в летние месяцы, поближе к океану, больше удобств для их будущего потомства. Там нет такого количества комара и прочаго гнуса, который господствует в южных тундрах. По словам очевидцев, если важенка до тельбы по каким-либо причинам не успеет перебраться через реку Анадыр, то стадо остается летовать на этом, южном берегу реки. Но почти одновременно с появлением теленка появляются оводы, слепни и прочий гнус. Молодая нежная кожа телёнка вся покрывается гнусом, который, прокусив кожу, тут же кладёт свои личинки. Бедное животное подвергается

страшным мучениям, не может есть и обыкновенно через несколько дней после появления гнуса пропадает. Я видел кожу молодого телёнка, добытого летом в южной тундре. Если посмотреть на неё на свет, то она очень похожа на решето. Важенки поэтому идут на север заблаговременно, самцы же идут тотчас по вскрытии реки. Обратный ход совершается всеми вместе, начинаясь 6-го августа, иногда несколькими днями ранее, иногда позже. Весенних важенок никогда не бьют. Охота производится: весенняя на самцов и осенняя на всё стадо. Главное значение имеет осенняя охота. Как весенняя, так и осенняя охота на оленя производится во время переправы его через реки. За несколько дней до начала хода на места, где олень обыкновенно переправляется, на байдарках и баркасах съезжаются промышленники. Олень идёт не сплошным стадом, а стадами большей или меньшей величины. Ожидают оленя на берегу, с которого он идёт. Лишь только стадо вошло в реку и отплыло от берега на несколько сажен, как промышленники на маленьких лодках, называемых «ветками» и «байдарками», врываются в стадо и копьём, приделанным к веслу, начинают колоть плывущего оленя. Ловкость промышленников изумительна: сидя на крайне неустойчивом судёнышке, ежеминутно рискуя быть опрокинутыми, они колят оленя прямо в сердце.

Убитый олень не тонет, а, всплывая, плывёт по течению. В то время, как одна партия бьёт оленя, другая в двух-трёх верстах занята ловом плывущих убитых оленей. Если стадо большое, то мериллом добычи служит время, которое необходимо для того, чтобы было возможно поймать все убитые туши. Больше того сколько можно поймать, не бьют. Охота на оленя принадлежит к числу опасных. Суденышки, на которых сидят охотники, до того утлы, что достаточно малейшего толчка рогом оленя, чтобы они опрокинулись. Опрокинутая «ветка» ещё даёт возможность выкарабкаться, если, впрочем, охотник успеет схватиться за неё руками («ветка» делается из тоненьких досок, её вес не более пятнадцати фунтов: более одного человека она поднять не может).

Но если ему не удалось этого сделать, то гибель его неизбежна, так как анадырцы не умеют плавать. Опрокинутая же байдарка, не давая по своему устройству возможности освободить ноги, играет роль пузыря, который ни в каком случае не позволит охотнику вынуть голову из воды. Охота на оленя никогда не обходится без жертв, но она так заманчива по своей выгоде, что русские и чукчи, из года в год принося в жертву этой охоте одного из своих

родичей, все-таки никогда не упускают хода оленя. В прошлом году добыто оленя на реке Анадырь 2 000 шт.

Кроме охоты на оленя, во время его переправы через реку существует охота на него и в горах с ружьём, но эта охота имеет частное значение, и количество добычи ничтожно. Мясо добытого оленя употребляется в пищу, шкура на одежду. После оленя следующее место занимает промысел пушного зверя.

В Анадырском крае водятся следующие звери: сухопутные — медведь бурый и белый, волк, песец, лисица чёрно-бурая и красная, сиводушка, заяц, белка, горностай, овражек и росомаха. Морские: кит, морж, белуга, нерпа и лахтак. Охота за сухопутным зверем производится зимою, так как шкура его имеет в это время наибольшую цену. Впрочем, медведя, волка и росомаху бьют при всякой возможности. Медведь и волк уничтожаются как вредные звери, истребляющие оленьи стада, а часто и рыбные запасы, а росомаху бьют потому, что шкура росомахи, считаясь самым ценным украшением одежды чукчи, будучи в постоянном спросе и высокой цене, одинаково хороша как летом, так и зимой. Белые медведи промышляются по берегу Ледовитого океана, но бывают случаи, что белые медведи, занесённые на льдине южнее Анадырского лимана, встречаются пробирающимися на север даже у Марковой. Гондатти подарил мне шкуру белого медведя, убитого близ Маркова: эту шкуру я со своей стороны счёл долгом пожертвовать в Хабаровский естественно-исторический музей. Кстати заметить, что внутри страны, случается, убивают и нерп. Если нерпа в погоне за красной рыбой зайдёт далеко вверх по реке, и река станет, то она возвращается в море по совершенно прямой линии и по сухому пути. Это мне сообщил Н. Л. Гондатти. Наибольшее значение для Анадырского края по количеству добычи имеет песец и лисица. Песцов на Анадыре множество. Охота на зверя производится с ружьём. Ружья в Анадырском крае последних систем. Наиболее предпочитают американские винчестера и русские берданки. Винчестера доставляются американцами носовым чукчам, этими последними продаются прочим жителям, берданки же приобретаются в казённом складе в посту Мариинском. Главное затруднение встречает население в патронах. Вследствие этого патроны расходуются очень бережливо, зверя предпочитают лучше поймать в западню, чем убить его из ружья.

Самый распространенный способ добывания зверя — это устройство пастей. Пасть представляет из себя узкое, в один-два аршина пространство, огороженное с двух сторон жердями, до двух-четырёх

аршин длины. Поверх таких жердей делается плотная кровля, один конец которой лежит на земле, а другой поддерживается при помощи особого приспособления на высоте один-два аршина. Под эту кровлю кладется нажива (кусок юкалы, оленьего мяса или свежей рыбы), приделываемая так, что при малейшем движении наживы кровля падает и своею тяжестью придавливает всё внутреннее пространство пасти. Для большей тяжести на кровлю накладываются камни. Пасти разставляются главным образом по берегам рек. Некоторые промышленники имеют по 50—100 пастей, которые разставляют на пространстве нескольких сот вёрст. Каждое лето, обыкновенно перед ходом красной рыбы, эти пасти объезжаются на лодках. Летом, по случаю обилия корма, в пасти попадает мало зверя. Летний объезд пастей имеет целью поставить наживу, исправить случившиеся повреждения и вообще привести пасть в порядок. С целью же собрать добычу объезжаются пасти в октябре и начале марта. Наибольший вред разставленным пастям приносят пурги, которые их заносят совершенно, и пасти делаются никуда негодными. Вредят пастям также медведи и росوماхи. Медведь попросту ломает пасть, а росوماха умеет вытаскивать приманку сбоку, не рискуя быть пойманной. Росوماха считается самым умным зверем Чукотской земли. Как на доказательство ея ума указывают, между прочим, на то, что она, несмотря на свои медленные движения, всё-таки ухитряется добывать оленя и зайца. Кроме описанной пасти употребляются различного рода капканы и ловушки. В пасти, капканы и ловушки попадает всякий зверь, кроме медведя, который добывается исключительно ружейной охотой. Шкуры, добытые с пойманных зверей, служат предметом мены на различные привозные товары: табак, чай, сахар, железо, порох, свинец и прочие. Исключение составляет горнostaй. Все горнostaи, сколько бы их не было поймано, скупаются православным населением и употребляются ими на покупку свечей в церкви. Марковцы приходят в церковь с горнostaем в руках. Если принесено два горнostaи, то на один покупается восковая свечка, а другой кладется на тарелочку при обходе старосты с колокольчиком. Церковные горнostaи продаются с аукциона, и цена на них доходит, как, например, в прошлом году, до 25 коп. штука.

После пушного промысла следующее место занимает промысел птицы: гусей, уток, лебедей и куропаток. Охота на гусей, уток и лебедей производится во время перелета, весною и осенью. Охотятся за птицей с ружьём и ставят капканы. Стреляют дробью,

а за недостатком дроби употребляют мелко изрубленный свинец, мелкую гальку, нарезанные кусочки из твердаго дерева, а также из старых медных чайников и котлов. Добытая птица употребляется исключительно для еды людям и собакам. На пух и перо, как гусиное, так и лебяжье, к сожалению, спроса нет, хотя, в случае спроса Анадырский край мог бы доставлять огромное количество этого продукта далекаго севера. Начиная с марта месяца и до ледохода промышляют куропаток. В это время куропатки слетаются к рекам, где есть какие-либо кустики, молодые побеги которых служат им пищей. Куропаток ловят в пасти, которыя и устраиваются из льдин. Приманкою служат отломанные молодые побеги деревьев. Устроены пасти так, что льдина падает тогда, когда куропаток набралось в пасти так много, что оне начинают драку из-за ветки. Усилия нескольких пар куропаток достаточны, чтобы пасть прихлопнула всех собравшихся. Куропаток годами добывается множество, и оне служат серьёзным подспорьем к оскудевающим рыбным запасам. Бывали годы, в которые куропатка избавляла весь край от ужаснаго голода, как это было, например, в 1889 году. В этом году к марту месяцу рыбный запас истощился, морозы стояли страшные. Белая рыба ловилась плохо, и населению грозила большая опасность, но прилетевшия стада белых куропаток выручили из беды. Промысел куропатки, во всяком случае, имеет серьезное значение для Чукотской земли.

Кроме указанных промыслов, существует ещё на Анадыре промысел морских животных: нерп, лахтаков, белух, а иногда и моржей. Наиболее ценен морж, но моржей стало мало и они, запуганные американскими хищниками, сделались так осторожны, что добыть моржа составляет для чукчи трудную задачу. Чукчи, обитающие по берегам моря, все свои усилия направляют к тому, чтобы обзавестись байдарой. Байдара — это огромная лодка, поднимающая до 300—400 пудов. Делается байдара исключительно из шкуры моржа. Чукча без байдары бедствует. Лесу по близости моря нет и, кроме как из моржа построить лодку не из чего, а без байдары чукча не может ни съездить на промысел дикаго оленя, ни объехать летом разставленные им пасти, ни выехать в море для добычи нерпы и других зверей. Между тем морской зверь для приморскаго чукчи главный источник существования. Если, например, чукча добудет моржа, то его семья на долгое время обезпечена. Чукчи едят в морже всё, и туша моржа, доходящая до 300—400 пудов веса, надолго обезпечивает чукотскую семью. Промысел морских животных, а в том числе и моржа, начинается

тогда, когда устья рек очищаются ото льда. В это время зверь обыкновенно лежит на льдине и греется на солнце. Охота производится на байдарках. Заметив на льдине зверя, подплывают к ней с подветренной стороны. Осторожно пристав к льдине, охотники выходят на неё и ползком пробираются к лежащему зверю. Приблизившись на 5—8 сажень, чукча бросает в зверя копьё, устройство которого таково: на длинную палку прикрепляется наконечник, делаемый из железа или из моржевой кости. Наконечник привязан к ремню из нерпы, длина которого бывает до 50 сажень. Наконечник устроен так, что лишь только он вонзился в тело животного, которое, почувствовав боль, рванулось, как наконечник отделяется от палки, и животное с засевшим в теле наконечником, не сдерживаемое ничем, стремительно бросается к воде. Промышленник даёт раненому зверю полную свободу. Ремень из нерпы раскручивается, а привязанный к концу ремня пузырь из нерпы, оставаясь на поверхности воды, всегда покажет зверя. За пузырём следят на байдаре. Раненый зверь не может долго остаться в воде, но лишь только он вынырнет, как получает другой удар. Два удара обезсиливают зверя настолько, что его подтягивают к льдине и здесь добивают ударом копья в глаз. Этот удар, безусловно, смертелен. Охота на байдарках наиболее прибыльна. Но охотятся иногда и до наступления ледохода, с поворотом солнца на весну, количество добываемого в это время зверя ничтожно, но охота на него любопытна, а потому позволяю себе сказать о ней несколько слов. Нерпы, лахтаки и белухи, приплывая к началу весны к берегам, своим дыханием устраивают во льду отдушины, из которых в ясные солнечные дни выходят на лёд. Чукчи на этот случай устраивают себе особый костюм, состоящий из оленьей камлейки шерстью внутрь, шапки из шкуры нерпы и из двух лоскутов шкуры белого медведя, пришиваемых сбоку и похожих на лапы морских животных. В руках у охотника палка, к которой приделаны нерпичьи когти. Увидев зверя, охотник с расстояния 300—400 шагов ложится на брюхо и, подражая движениям лахтака или нерпы, издавая характерные гортанные звуки этих животных и царапая набитыми на палку когтями лёд, приближается к обманутому животному настолько, что может бросить в него копьё. Раненый зверь немедленно бросается в лунку, но длинным нерпичьим ремнём, привязанным к крепко засевшему в теле копы, он подтягивается к лунке, получает смертельный удар в глаз и мертвым вытаскивается на лёд. Бывают редкие случаи, что морские животные застигаются промышленниками вдали от воды, как

говорят, «обсохшими». Тогда беззащитных животных убивают, чем попало: палками, копьями, ружейными прикладами.

Если случается застать вдали от воды моржа, то он, как мне говорили, защищается криком. Крик моржа громкий и в то же время страшный, по словам охотников, такой жалобный, что стараются поскорее убить моржа, дабы не слышать этого крика. Мясо убитых морских животных едят: жир едят и освещают им юрты, а также пользуются им как целебным средством при различных недугах. Кожа нерп и лахтаков идёт на выделку дорожных сум, ремней для оленьей и собачьей сбруи и подошв к торбасам. Шкура моржа ни на какие поделки, кроме постройки байдар, не употребляется.

Остается ещё упомянуть в нескольких словах о ките. Киты, хотя в большей части и истреблены, но все же водятся и ныне в прибрежных водах Чукотской земли. Киты могли бы служить источником благосостояния всей Чукотской земли, но у чукчей и у русских нет никаких приспособлений для промысла этого зверя, а потому прибрежные чукчи поджидают, когда морские волны выбросят мёртвого кита. Если это случится, то все соседние чукчи празднуют это событие как особое знамение внимания к ним духа моря. Выброшенный кит обеспечивает годовое продовольствие нескольких десятков семейств, а кости его служат предметом торга с оленними чукчами, которые китовыми костями покрывают полозья нарт.

Кроме перечисленных промыслов в Анадырском крае существует, хотя и в зачаточном состоянии, кузнечный промысел и выделка оленьих кож. Кузнечным промыслом занимаются марковцы, и их изделия, грубые, но прочные по преимуществу, пользуются большим уважением чукчей. Нож марковской работы чукча предпочитает самому лучшему английскому и американскому ножу. Как кузницы, так и инструменты марковских мастеров примитивны. Только в самое последнее время выписаны наковальни и хорошие меха, ранее же наковальнею служил простой камень, а мехом особый снаряд домашнего устройства, напоминающий гармонику. Выделка же оленьей кожи, так называемой ровдуги, достигла довольно высокой степени совершенства и могла бы найти себе значительный сбыт. Замшевые перчатки, сделанные в Маркове, только при внимательном осмотре изобличают не фабричную работу. Оленьих шкур на Анадыре такое множество, что при возможности сбыта оленьей замши можно было бы со временем обзавестись машинами и, заменив кропотливый и тяжёлый ручной

труд машинным, производить замшу в более широких размерах. Выделка замши может не только поднять благосостояние Чукотской земли, но и сделаться источником обогащения жителей, не исключая и инородцев, которые также выделывают из нея дымленину.

ГЛАВА IV. ТОРГОВЛЯ В ЧУКОТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Всё население Чукотской земли разделяется на две главные группы: чукчей оленных и сидячих. К числу сидячих можно отнести и все другие народности края. Оленные чукчи, как кочующие, обитают по всей тундре. Их кормит и одевает олень. Сидячие чукчи были когда-то оленными, но по разным причинам потеряв своих оленей, как говорится, осели и занялись промыслом рыбы и морского зверя. Самые богатые и главные истребители привозных товаров суть чукчи оленные. Сидячие же, по бедности, покупают мало, а потому центр тяжести торговли в Анадырском крае лежит в чукчах оленных. Денег в крае нет, торговля исключительно меновая. Главный предмет, предлагаемый оленными чукчами, олень и его продукты. Предметами же их спроса служат: черкасский табак, чай, сахар, оружие, огнестрельные припасы, металлические изделия, бисер и корольки.

Я уже сказал ранее, что морской зверь в водах Чукотской земли оскудел. В настоящее время американцы, посещая наши берега, обратили своё просвещенное внимание на наше богатство оленем. Они, приезжая в Анадырский край, стараются за недостатком морского зверя приобрести, и притом как можно больше, оленьих кож, мяса и живых оленей. Носовые чукчи, с которыми американцы ведут дела, оленей не имеют, а потому играют роль как бы коммиссионеров американских товаров. Американцы доставляют: дрель (ткань. — *Ред.*), металлические изделия, муку, винчестеры и рожь, а требуют в обмен, как сказано выше, продукты оленеводства.

Одновременно с установлением зимнего пути носовые чукчи, нагруженные американскими товарами, едут в тундру к оленным и выменивают от них американские изделия на оленьи шкуры, оленьё мясо и живых оленей. С наступлением навигации продукты тундры нагружаются на американские суда и увозятся в Америку. Нужно заметить, что в настоящее время между инородцами американских островов появился большой спрос на кирпичный чай, русскую махорку и русский сахар, который инородцами предпочитается всякому другому. Этих продуктов американцы

не привозят. Носовые же чукчи, проникая на своих байдарках к американским инородцам, водят с ними в течение, быть может, нескольких веков торговые сношения, стараются удовлетворить спросу американских инородцев на русский табак, сахар и кирпичный чай. Вследствие этого носовые чукчи, приезжая в тундру, стараются кроме оленьих продуктов достать, и притом как можно больше, табаку, сахару и чаю. Взамен этих товаров они берут от американских туземцев куниц, речных бобров и прочую пушнину. Таким образом, вывозимые из Анадырской тундры бобры, куницы — американского происхождения, а не чукотского, как некоторые думают.

До учреждения Анадырской округи вся торговля с чукчами находилась в руках американцев. Русских торговцев было очень мало, да и те, доставив русские товары, складывали их в Гижиге, а оттуда сухим путём везли в Марково. Попадая в тундру, товары были страшно дороги. Вследствие этого чукчи, пристрастившись к табаку и чаю, которые, хотя и в малом, сравнительно, количестве, но всё-таки вошли у чукчей в употребление, ездили за этими товарами в Колыму, где цены на них, будучи весьма дороги, всё же были дешевле цен, требуемых анадырскими торговцами. Одновременно с учреждением Анадырской округи стали посылать туда пароход, который нагружали и купеческими товарами. Эти товары, попадая в казённый склад, стали отпускаться чукчам. В настоящее время на фрахтуемом казною пароходе доставляются всякого рода товары, как в казённый склад, так и для торгующих. Вследствие этого получилось, с одной стороны, большее предложение товаров, а с другой — меньшие на него цены. Но то, что с точки зрения анадырцев дешево, с нашей — баснословно дорого.

Торговля на Анадыре даёт огромную прибыль, хотя и сопряжена с постоянным риском не только потерять всё имущество, но даже и самую жизнь. С доставкой товаров на Анадыр, с увеличением их количества, появляются новые торговцы, которые, конкурируя друг с другом, не задумываются над средствами вредить своему конкуренту. Так, с прибытием в край Гондатти случилось, что один торговец, прибыв в стойбище, сказал: «Завтра приедет Брагин, у него табак с болезнью — не берите». И действительно, как на зло, один из чукчей, купивший у Брагина табак, скоропостижно умер. По всей тундре пошёл говор, что русские изводят чукчей, и что все русские товары отравлены. Так как это совпало с прибытием в край Гондатти, то народная молва главную долю участия в деле извода чукчей приписала Гондатти. Положение

Гондатти было незавидно, ибо волнение, охватившее тундру, никакими средствами, кроме как нравственным воздействием единой его личности, подавить было нельзя.

И вот Гондатти вводит на Анадыре ярмарки. Первое его мероприятие состояло в том, что он воспретил торгующим под страхом строжайшей ответственности выезжать для торгога в одиночку. Ознакомившись с местными условиями, определив места кочёвок чукчей, Гондатти назначил для торгога место и время, приуроченное к обычному становищу чукчей, а так как эти становища разбросаны по всей тундре, то на первый раз были назначены местами ярмарок ближайшия становища. Ни один торгующий не мог начать торгога ранее поднятия флага, который, как сказано в приказе, «будет подымать анадырский окружный начальник».

Лишь настала зима, как все торгующие под предводительством самого Гондатти выехали в тундру на места кочёвок. Чукчи были изумлены, когда увидели такое множество нарт. Когда же эти нарты остановились, и все товары были разложены так, что каждый чукча мог видеть всё привезенное, то чукчи, рассказывал мне Гондатти, пришли в восторг. Они так и не отходили от выставки товаров. Нужно заметить, что Гондатти с первого же дня прибытия в край усердно занялся изучением чукотского языка. А потому к началу первого торжка он, ставши на нарты, объявил почукотски, что с этого дня торговцы в одиночку приезжать не будут, что будут приезжать все сразу и сразу же выставлять все привезённые ими товары, что чукчи и торговцы могут торговаться о цене, как им угодно, но что раз торговец и чукча обменялись товарами, то дело кончено. Брать обратно отданную за товар пушнину нельзя.

Был поднят флаг, сделаны три выстрела, и торг начался. Это нововведение пришлось по сердцу чукчам: чукча мог купить то, что ему надо, притом, как говорится, по божеской цене. Ранее же, когда торговец приезжал в тундру, то цена товара была пропорциональна потребности в нём чукчи. Если, например, чукче нужен котёл, а котлов у торговца мало, то он брал в пятнадцать раз более стоимости котла. Молва об этом нововведении быстро распространилась по всей тундре. Замечу кстати, что всякия известия, интересующия чукчей, распространяются по тундре чрезвычайно быстро. Чукчи жадны до новостей, а потому всякий чукча, прибывший в становище с какой-либо новостью, желанный гость становища. Вследствие этого при появлении какого-либо сенсационного известия всякий, услышавший его, спешит поделиться им с соседом.

Ко времени, назначенному для второго торжка, приехало уже такое множество чукчей, что привезённых товаров едва хватило, и цены на них стояли высокие. Всю зиму 1894 года Гондатти провёл в разъездах по торжкам, в личном наблюдении за торгом. Одно это обстоятельство подняло авторитет Николая Львовича в глазах чукчей. О нем прошла добрая молва по всей тундре.

В настоящее время торговля русскими товарами производится следующим образом: фрахтуемый казною пароход производит как казённую, так и частную доставку товаров. Пароход приходит на устье Анадыря в двенадцатых числах июля. К этому времени из Маркова и других селений, расположенных в верховьях Анадыря, приходят баркасы, которые собирают весь товар и сплавляют вверх по реке Анадырь. В этом году в первый раз привезены на Анадырь товары компании котиковых промыслов. Товаров привезено свыше четырёх тысяч пудов. Но нужно думать, что товары эти едва ли пойдут в дело: компания начала дело, не осведомившись с местными условиями. Думали, что тотчас по разгрузке часть товара может быть сплавлена в Марково, а часть сложена в Мариинском посту. Но ни в Мариинском посту, ни в Марковке никаких построек под склады товара нет, и весь выгруженный с «Фрайера» товар, в числе 1 140 мест за отсутствием средств передвижения и амбаров остался сложенным на берегу. Компания оказалась настолько легкомысленной, что приказчику, сопровождавшему товар, не было дано даже брезентов для покрышки. Кое-как пособрали олени шкуры, и компанейская мука, соль и прочие товары остались до зимы покрытыми шкурами. Весьма возможно, что добрая половина товаров пропадёт.

Ко дню прибытия парохода с окрестных стойбищ собираются байдарные чукчи и забирают товар из склада. Запас товара в казённом складе, сравнительно с потребностью, ничтожен, а потому чукчам отпускают не более десятой части того, что они просят. В казне приберегают товары к зиме и весне. Когда цены на них доходят до чрезвычайно высоких размеров, казённый склад, по выражению Гондатти, служит регулятором цен. В настоящее время нормальные цены товаров выражаются так: цена песка в тундре — два кирпича чаю, фунт сахару и две папуши махорки; пыжика — один кирпич чаю; оленя — два кирпича чаю. Переведя это на владивостокские цены, имеем: за песка около 1 руб., за пыжика — 24 коп. и за оленя — 48 коп. В казённом складе за песка дают: товаров на 4 руб., считая по владивостокской цене, с добавкой 10 % на затраченный капитал. Вообще в казённом

складе на устье Анадыря цены в шесть раз дешевле, чем в тундре; в Марковском складе в пять раз дешевле (здесь считается провоз). Но цены тундры, в столько раз превышающие казённые, по словам Гондатти, весьма добросовестны, ибо нужно принять во внимание расходы за извоз и что-нибудь заработать торговцу. Хотя в настоящее время на Анадырь доставляется сравнительно и много товаров, но Гондатти говорит, что если бы доставлялось в четыре раза больше, то и тогда было бы только достаточно, так как спрос на табак, чай и металлические изделия с каждым годом возрастает. Насколько серьёзна потребность в Чукотской земле в товарах, видно из того, что одна американская компания с прошлого года устроила на Чукотском Носу склад и обставила его с полным комфортом. Служащие в складе живут в прекрасном доме, приспособленном к условиям полярного климата и имеющем все удобства, не исключая и ванной. Гондатти говорил, что спрос на олени шкуры в Анадыре настолько серьёзен, что Гондатти из чувства патриотизма рекомендует вниманию русской промышленности это богатство Анадырского края. Американцы стараются теперь закупать живых оленей, но Гондатти, безусловно, запрещает эту продажу. «Покуда, — говорил он мне, — буду здесь я, я не допущу, чтобы наши олешки перебрались на тот берег».

Открытие американцами склада на Чукотском Носу сильно озабочивает Николая Львовича. Он не на шутку боится, как бы оленей не постигла та же судьба, какая постигла моржей и китов, не говоря уже, что этот склад, поставленный на широких началах, может убить русскую торговлю в Чукотской земле.

Таким образом, сказанное о торговле можно резюмировать так: в настоящее время товары для Чукотской земли идут из Америки и из России. Американцы спрашивают по-преимуществу продукты оленеводства; русские — пушнину. Посредничают в торговле американскими и русскими товарами носовые чукчи. В настоящее время привоз товаров, сравнительно с потребностью, мал, и склад, о котором упомянуто выше, только лишь начинает свою деятельность. Цены на товары высоки. Казённый склад регулирует цены лишь отчасти, так как его запасы ничтожны.

Попытка компании котиковых промыслов учредить на Анадыре торговлю желательна, но первый шаг компании, о котором, сказано выше, вызывает недоверие. Торговля на Анадыре может быть весьма выгодною, но серьёзных предпринимателей нет. Если компании удастся поставить дело прочно, то никаких особых мер к поддержанию русской торговли принимать не придётся.

Если же компания по каким-либо причинам оставит своё предприятие, то единственная возможность конкурировать с американцами — устроить на Анадыре такой же склад русских товаров, какой устроен на Носу американцами. Открытие склада товаров на более широких началах, как полагает Гондатти, будет иметь двоякую пользу: 1) даст хороший процент на оборотный капитал и 2) послужит самым надёжным средством к распространению русского влияния над чукчами. Распространение же между чукчами русской власти без снабжения их товарами Гондатти считает невозможным. Чукча считает благодетелем торговца, который, доставив ему, положим, котёл, взял за него в 10—15 раз более его стоимости. Коли, поэтому, у представителя русской власти чукча получит возможность приобрести котёл, порох, чай и всё, что ему потребуется, приобрести при том очень дёшево, то эта власть в его глазах уже является источником его благосостояния. Таким образом, чукча, считая себя одолженным кем бы то ни было из торгующих, считает себя в то же время его другом и готов исполнить всё, что потребует от него его друг.

Выше уже было сказано, что в настоящее время торг производится на устроенных Гондатти ярмарках. Если бы допустить, что в Мариинском посту и Марковке были открыты склады товаров, в размере, удовлетворяющем требованию, то учрежденные торжки, конечно, упали бы. Центром торговли, а, следовательно, и центром всего края, была бы резиденция представителя русской власти.

В учреждении обширных складов Гондатти видит залог обрусения чукчей, поднятия их экономического благосостояния и реального противовеса американцам. Капитал, который был бы пущен в оборот, мог бы при самых худших условиях, как говорил Гондатти, давать 10—15 %, выключая накладной расход.

Изложенное о торговле составляет *compendium* моих бесед с Николаем Львовичем. Насколько правильны приведённые мысли, судить не берусь, хотя полагаю, что мнение Гондатти, как человека, всесторонне знающего Чукотскую землю, авторитетно. Стремление же Николая Львовича путём урегулирования торговли, путём указания способов наивыгоднейшей эксплуатации главного богатства края — оленей поднять экономическое благосостояние Чукотской земли, а через то воздействовать на умственную и нравственную сторону дикарей-чукчей, есть одна из тех благородных задач, к решению которой должна стремиться культурная нация.

В течение двух с половиной веков мы владеем Чукотской землёй, но только с 1894 года чукчи увидели русского деятеля

в лучшем значении этого слова, увидали его в лице Николая Львовича Гондатти.

Ниже я скажу об отношении чукчей к Гондатти, расскажу о его службе, исполненной подвигов высокого самоотвержения, а теперь, в интересах системы очерка, скажу несколько слов об извозе и огородничестве.

Всякий, у кого имеется нарта собак и достаточно корма, в зимнее время, то есть с начала октября до мая месяца, занимается извозом. Товары возятся из Мариинского поста в Маркове, из Маркова в стойбища чукчей, на Анюйскую ярмарку и в Гижигу. Цены за извоз неравномерны и не соответствуют расстояниям. Так, например, за провоз товаров из Маркова в Гижигу и из Маркова в Мариинский пост платится 3 руб. с пуда; между тем за извоз до Гижиги и обратно тратится от 40—50 дней, а до Мариинского поста 22—34 дня. На провоз товара на торжки берут от 1—2 руб. с пуда. Извозный промысел, будучи главным занятием русского населения в зимнее время, имеет весьма важное значение. За зиму нарты вырабатывает до 200 руб.

Скотоводства в Анадырском крае нет, если не считать корову и быка, имеющих у марковского священника. Эта пара скота, будучи привезена в Марково из Гижиги два года тому назад, не дала еще приплода, и этот опыт заведения на Анадыре скота вызывает сомнение в пригодности края к скотоводству.

Некоторые жители селения Маркова пытались разводить огородные растения, и хотя некоторые из них, как, например, репа, редька, брюква и морковь и выращивались, но уход за ними требовал так много труда, что полученные результаты не оправдывают хлопот.

Таковы, в общих чертах, жизненные условия страны, в которой по желанию Приамурского генерал-губернатора Сергея Михайловича Духовского работает во славу русского имени и русской культуры бывший учёный секретарь Императорского общества естествознания, антропологии и этнографии Николай Львович Гондатти.

Да простит мне читающая публика мою смелость обрисовать с возможной подробностью в связи с условиями Чукотской земли образ Николая Львовича, личность которого на меня, пишущего эти строки, произвела неизгладимое впечатление: писал я эти строки под непосредственным впечатлением виденного и слышанного.

ГЛАВА V. АНАДЫРСКИЙ ОКРУЖНЫЙ НАЧАЛЬНИК НИКОЛАЙ ЛЬВОВИЧ ГОНДАТТИ И ЕГО АДМИНИСТРАТИВНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Говоря о Гондатти, я остановился на том, что он взошёл на пароход. Немного оправившись от охватившей его одышки, он спросил у меня: «Какой теперь день, какое число и какой час». Этот вопрос, как увидим ниже, не был праздным. Вести на Анадыре точное времяисчисление очень трудно, но на этот раз оказалось, что дни и числа считались на Анадыре верно, а часы, проверенные Николаем Львовичем в день нашего прихода по солнцу, оказались отстающими всего лишь на шесть минут против хронометра капитана, проверявшего, когда не было тумана, ежедневно при помощи инструмента. В то время когда Гондатти сверял часы, я выстроил на палубе парохода привезённых мною шесть казаков, предназначенных для смены. Мои казаки до остановки парохода были одеты в камчатское одеяние: на ногах были торбаса, на плечах пиджаки, камлейки и прочее, но, увидев, что Гондатти встречает нас в полном параде, имея казаков при холодном оружии, я приказал своим казакам приодеться в форму и надеть пашки. Гондатти вышел на палубу, принял рапорт от старшего казака, поздоровался с командой и опросил у каждого претензии и здоровье. Затем он приказал прибывшим сгружать свои вещи в баркас и съезжать на берег. Эта парадная встреча парохода, педантическое и серьёзное исполнение правил воинских уставов при приёме вновь прибывшей команды имеет великий смысл и значение: Гондатти работает русскому делу среди десятитысячного племени чукчей, не слышавших русского имени, не опирая свою власть на силу, которой у анадырской администрации нет и не может быть, Гондатти задался целью управлять краем и проводить русскую идею силою нравственного влияния своей личности.

Да позволено мне будет заметить, что я, прослуживший в военной службе около двенадцати лет, никогда и нигде не видел столь образцового порядка, столь дисциплинированной и проникнутой сознанием долга команды, каковою я видел маленькую команду анадырских казаков. Думаю, что много труда, таланта и глубокого знания человеческой природы положил Гондатти в дело воспитания своих казаков. Нет никакого сомнения, что честь русского имени, пока краем управляет Гондатти, омрачена не будет, а укрепление в чукчах сознания, что русский начальник и его

подручные не обманут, а при случае и помогут, есть единственное средство укрепления русской власти в Чукотской земле.

Все старания русских казаков в XVII и XVIII веках, все их усилия покорить чукчей силою оружия окончились, как известно, полной неудачей. Чукчи — народ сильный, смелый, свободолюбивый, имеющий ныне благодаря американцам прекраснейшее новейшее оружие, не могут быть покорены никакими армиями, так как, послав туда войско, его негде будет поселить и нечем будет кормить.

Главный начальник Приамурского края С. М. Духовской, пославший в Чукотскую землю Гондатти, сделал всё, что могло сделать русское правительство для замены там американского флага российским и для цивилизации этой ответно дикой и абсолютной первобытной страны.

Обстановка, среди которой живёт Николай Львович Гондатти, не удовлетворяет самым скромным требованиям самого скромного человека. Эта обстановка есть лучшее доказательство справедливости народной мудрости, формулируемой словами: «Дитя не плачет, мать не знает». Претерпевая чрезвычайные лишения, Николай Львович никогда не утрудил начальство никакою просьбой об улучшении его личного существования. Все его представления начальству имеют единою целью благо доверенного ему края и нигде, ни одним намеком, ни одним словом он не свидетельствует начальству о своих личных лишениях. В этом факте позволяю себе видеть величайшую заслугу Николая Львовича перед Отечеством. Он показывает, что во имя идеи человек может мириться с реальнейшими бедствиями живого существа: холодом, голодом и с реальнейшим лишением человека: полным отсутствием себе подобных. Он показывает, что в великой России во всех случаях, где требуются люди долга, способные на самозабвение, таковые находились повсюду изстари и теперь. Думаю также, что Николай Львович, несмотря на свои молодые годы, завоевавший себе некоторое место в русской науке, индифферентно относится к той обстановке, которая обыденного человека может привести в ужас потому, что вся, так называемая «обстановка», почитается Николаем Львовичем «мелочами жизни», которых он не удостоивает своего внимания. Претерпеваемые же им лишения, при том огромном труде, который он так щедро кладёт и в науку, и в исполнение предначертаний русского правительства, несомненно послужат данными к признанию Николая Львовича подвижником, имеющим все права на записание его имени как на

скрижали истории науки, так, в частности, и истории культуры Приамурского края.

В то время как Гондатти принимал прибывших казаков, в кают-компании был накрыт стол, и капитан пригласил Гондатти и его помощника, Анкудинова, закусить. Консервы, которые были предложены на закуску, не удостоились внимания анадырской администрации: консервы — главное продовольствие Гондатти и его помощника и приелись им настолько, что, как говорит Николай Львович, один вид жестяной банки возбуждает отвращение. Но зато, когда подали отваренный картофель, как приправу к солонине, то Гондатти и Анкудинов пришли в восторг: «Знаете ли, — сказал мне Гондатти, — ведь мы с прошлого парохода не видели картошки: оставили, было, пудов сорок на запас, да где же у нас держать запасы? Погребка выкопать нельзя: ведь наша земля на четыре вершка уже не более, как сплошная глина, а апартаменты наши такие, что я удивляюсь, как мы сами не замерзли. Не ели, батенька, мы картошки вот уже год, а если бы вы знали, как другой раз хочется растительной пищи!»...

Помощник Николая Львовича, Анкудинов, даже не комментировал своей радости картошке, но то удовольствие, с которым он её ел, ясно говорило, что это было не простое удовлетворение голода, но потребность организма в растительной пище, которую едят на Анадыре лишь один раз в год, в дни стоянки парохода.

«Отчего же вы, Николай Львович, — спросил я, — не закупите консервированных овощей?» «Э, батенька, консервов у нас хоть отбавляй, да разве в консервах есть какой-нибудь вкус? Ну, посмотрите, понюхайте эту картошку! Тут и аромат, тут чувствуешь, что это действительно картофель». «Вот завтра, — сказал он по-английски, обращаясь к капитану, — прошу ко мне на обед». А мне добавил по-русски: «Вот вы и увидите, какой такой вкус в консервах, хранившихся в нашем амбаре целую зиму... Как-никак, сударь мой, а морозики в шестьдесят градусов на меня хоть и мало действуют, а вот на консервы действуют: весь дух вышибают»...

Весёлый, приветливый Николай Львович беседовал, как говорится, залпом: ведь мы, пароходные, привезли ему вести с того мира, в котором, когда в Анадырской тундре всё мертво, жизнь бьёт ключом. «Ну, говорите, говорите, что делается на свете»...

Всё виденное мною произвело на меня глубокое впечатление. Я не мог сразу собраться с мыслями, чтобы ответить... Я медлил ответом, соображая, с чего начать. «Говорите же скорей, голубчик», —

сказал Гондатти и потряс меня за руку. Я стал отвечать. Всякий мой ответ вызывал восклицание Николая Львовича. Он не знал, например, что война Японии с Китаем окончилась, что эта война сопровождалась дипломатическим вмешательством европейских держав. Он не знал, что коронация Государя совершилась, что главный начальник края пребывает в Петербурге. Он не знал о крупных переменах, происшедших по случаю коронации со многими его знакомыми. В то время как я, по возможности кратко, рассказывал чуть ли не летопись всего года, а Гондатти жадно слушал, капитан, не разумевающий нашей беседы, смотрел на нас вопросительно. Продолжать разговор по-русски было неудобно, а потому я, невозможно коверкая слова, стал рассказывать по-немецки. Этот язык более или менее был известен всем, а помощник Гондатти, Анкудинов, уроженец Прибалтийского края, прекрасно изъяснялся по-немецки и, при его помощи разговор сделался общим. Наш обед, состоявший по моей просьбе из разнообразных блюд, запитый шампанским, закончился около восьми часов вечера.

Николай Львович принял от меня почту и деньги, которые, пока находились на пароходе, составляли предмет моей постоянной тревоги. Уходя с парохода, Николай Львович сказал мне: «У меня в настоящее время так много дела, что едва ли нам удастся поговорить с Вами, но, во всяком случае, прошу иметь в виду, что я буду рад всякому Вашему посещению, а, в частности, прошу завтра на обед». Признаюсь, что так сформулированное приглашение не очень мне понравилось, но у Гондатти были на это причины, из коих главная состояла в том, что в дни стоянки парохода ему было нужно: 1) прочитать все бумаги, адресованные к нему из разных учреждений и Приморского областного правления по преимуществу; 2) дать на все бумаги ответ; 3) принять с парохода груз, что, как увидим ниже, составляет на устье Анадыря нелегкую задачу; 4) снарядить отправку товаров в Марково. Словом сказать, в дни стоянки парохода, продолжающейся отнюдь не более двенадцати дней, приходилось сделать всё, что при обычном порядке делается в течение года. Деятельность Гондатти в эти двенадцать дней, очевидцем которой я был, служит, по моему мнению, показателем мощи нравственных его сил.

На пароходе встают рано. В семь часов утра, хочешь, не хочешь, а зовут пить чай или кофе. Иногда хотелось бы поспать, да нельзя: датчане вообще педантичны, а моряки в особенности: не придёшь к семи-восьми часам к чаю, после уже не дадут. Один

раз из любопытства я спросил себе чаю в девять часов утра, но это повело к целой истории с командиром парохода. Вследствие этого около семи часов утра я уже вставал.

24 июля, в первый день нашей стоянки на Анадыре, я проснулся рано и напился чаю. До званного обеда оставалось пять часов. Долго ждать на пароходе скучно. Я попросил у командира шлюпку и поехал на берег, на котором расположен Мариинский пост. Этот пост стоит на песчаной кошке, покрытой тощей травой и образуемой рекой Анадыр с одной стороны и морем с другой. Пост состоит из четырнадцати юрт чукчей, постоянно здесь живущих, и землянки, в которой помещается анадырский окружный начальник. Говорю «землянки», потому что это здание нельзя назвать ни домом, ни шалашом, ни юртой, ни даже землянкой. Это сочетание всего вместе и, обложенное снаружи со всех сторон дёрном, лучше всего может быть принято за землянку. Юрты чукчей расположены близ самого берега.

Юрта — это конический шалаш, устраиваемый из оленьих шкур. Делается он так: на земле по сторонам неправильного многоугольника вбиваются колья до двух аршин высоты. На эти колья ремнями из нерпы привязываются длинные жерди, образующия горизонтальный многоугольник. К местам соединения жердей с копиями привязываются длинные тонкие шесты, числом тринадцать, которые, будучи наклонены внутрь юрты под острым углом, соединяются почти в одной точке (приблизительно, конечно) и образуют конус. Описанный остов покрывается оленьими шкурами, причём самая верхняя часть юрты, то есть вершина конуса, остается непокрытой и служит для выхода дыма. Площадь, занимаемая юртой, различной величины, в среднем, как я полагаю, не более пятидесяти квадратных аршин. Внутренность юрты, собственно говоря, не имеет никакой обстановки, так как у чукчей нет решительно никакой мебели.

Опишу обстановку той юрты, которую мне пришлось посетить.

В юрту не входят, а влазят: входной дверью служит отверстие, не более полутора аршина высоты и три четверти ширины. Это отверстие закрыто шкурой оленя. Чукча, прежде чем войти в юрту, становится на колени, отворачивает рукой шкуру, служащую дверью, и вползает в юрту. Тотчас по входу в юрту видеть что-либо нельзя: едкий дым, наполняющий собою всю юрту, застилает всё, и без привычки от густого дыма, наполняющего юрту, больно глазам. Этот дым исходит из постоянно тлеющего посреди юрты очага, наложенного из собранных по берегу моря наносных палок

и целых деревьев. Очаг разложен просто на земле, без каких бы то ни было дымоотводных или иных печных приспособлений. Над очагом, спускаясь на ремне, привязанном к одной из жердей, составляющих крышу юрты, висит металлический чайник или жестяное ведро, именуемое на Анадыре котлом. Прямо против входа устроен из оленьих шкур полог. Этот полог, в зависимости от величины семьи, делается различной величины. Устройство же его таково: четыре полуторааршинные кола, вбитые в землю, с наложенными на них четырьмя жердями покрываются со всех сторон сшитыми друг с другом оленьими шкурами. Пространство земли, осеняемое оленьим пологом, покрыто оленьими же шкурами в несколько рядов. Эти разостланные под пологом шкуры служат постелью для всей семьи. Длина постели постоянна, три аршина, но ширина, как я выше заметил, различна, от двух-шести аршин. Наибольшая ширина полога встречается в том случае, если у чукчи две-три жены и от каждой есть дети, так что на ширине шесть аршин помещается иногда семья из двенадцати душ и более. У стен юрты разставлен различный скарб чукотской семьи. Этот скарб поражает своей несложностью: ничего такого, что не входило бы в предмет постоянного употребления, в юрте нет. В одном углу сложена посуда, состоящая из нескольких металлических или глиняных тарелок и большой деревянной доски, выдолбленной наподобие корыта, имеющего глубину не более половины дюйма. В другом стоит нерпичий пузырь с нерпичьим или моржовым жиром, вывернутая шкура лахтака, предназначенная для выделки подошв к торбасам, оленьей и собачьей сбруи. К горизонтальным жердям в чехлах из различных шкур привешен винчестер или бердана. Несколько нерпичьих мешков со сложенной в них пушниной, оленьими выпоротками и пыжиками, иногда мамонтовой костью, дополняют убранство юрты. В одном из этих мешков, в какой-либо жестянке из-под консервов или бисквитов, сложены чайные чашки и стаканы, составляющие предмет особенных попечений каждого их владельца. Каждый чукча и чукчанка, не исключая и малолетних, имеют свою собственную чашку, и эта чашка — единственная вещь, неуклонно обмываемая после употребления.

Когда я вошёл в юрту, было около восьми часов утра. Чукотская семья, состоящая из восьми душ, считая и двух маленьких детей, завтракала. Между очагом и пологом было поставлено упомянутое мною деревянное блюдо, на котором лежало огромное количество кусков сваренной и, конечно, без соли рыбы. Лежа на

животах, забирая куски рыбы руками, чукчи выплевывали кости изо рта в тот же сосуд, из которого ели. Брали пищу огромными кусками и клали куски в рот без предварительного отделения их от костей. Чавканье и постоянные плевки чукчей на еду, невыразимо грязные их руки возбуждали во мне чувство брезгливости.

Глава семьи, чукча лет пятидесяти со всклоченной, нечесаной головой, высовывавшейся из-под полы полога, в котором он лежал совершенно нагим, когда все насытились, отдал блюдо чукчанке, которая это блюдо вместе с лежавшими на нем объедками поставила собакам. С любопытством смотрел я на завтрак чукчей, продолжавшийся не менее получаса времени. Рыбы за завтраком было съедено несметное количество, думаю, во всяком случае, что не менее одного пуда.

В то время как ели рыбу, на очаге, горевшем ярким пламенем, кипятилась вода для чая. Чайник вскипел. Сам старик отломил кусок кирпича и заварил чай. Была вынута посуда. Каждая чашка, каждый стакан был обмотан в какую-либо ткань: бумажную, шелковую, шерстяную, суконную. Главное применение всевозможных лоскутков в чукотском обиходе — это оборачивание ими чайной посуды. Некоторые тряпочки, которыми были обмотаны стаканы, служат, по-видимому, уже не первый год, так как были покрыты таким слоем грязи, который бросается в глаза издали. Каждый член семьи поставил перед собой чашку, а чайник поставили посредине. У каждого чукчи имеется на шее кожаный мешочек, предназначенный для хранения табаку (махорки) и сахара. Кусочек сахара, полежавший с табаком, пропитанный насквозь табачной пылью, особенно приятен вкусу чукчи. Налив в чашки чай, все, как мужчины, так и женщины, повытаскали из-за пазухи эти мешочки и вынули оттуда по кусочку сахара, черного на вид, а на вкус, полагаю, напоминающего что угодно, но только не сахар. Чукчи пили чай очень долго, и старик выпил, по моему счёту, четырнадцать больших стаканов чаю. Чукчи пьют чай огромными глотками. Чем глоток более жжёт, тем, видимо, доставляет больше удовольствия. Сахар служит лишь прелюдией к чаепитию: прежде чем приступить к чаепитию, чукчи, положив сахар в рот, съели его зубами. Хруст от съедаемого одновременно несколькими чукчами сахару мог бы быть слышен, полагаю, с расстояния 20—30 шагов.

Мало-помалу чаепитие закончилось. Тут я был свидетелем оригинального зрелища. По мере прекращения чаепития каждый чукча брал в правую руку тряпочку, которою была обмотана

чашка, а в другую брал чашку. Поднеся чашку ко рту, чукча высовывал до возможной степени язык и облизывал им внутренность чашки, после чего относил чашку ото рта и имеющейся в руках тряпочкой обтирал внутреннюю сторону чашки. Покончив с внутренней стороной, приступали к наружной. Здесь уже процедура другая. Чашка подносилась ко рту и тщательно вылизывалась языком одна полоса и, достаточно наслюенная, вытиралась тою же тряпочкой: чашка подносилась ко рту и вылизывалась по наружной поверхности столько раз, сколько нужно, чтобы вся чашка, не исключая и ручки, была облизана и вытерта. Вытертые таким образом чашки были вновь обмотаны тряпочками и сложены в жестянки, а потом и в мешки.

Описанный мною завтрак и чаепитие продолжались более двух часов. Было уже четверть одиннадцатого, когда я хотел уйти из юрты, но тут я увидел ещё более любопытную картину.

Маленький, не более восьми месяцев, чукчёнок, спавший в пологе, заплакал. Мать справилась о причине его плача: оказалось, что ребёнка требовалось обмыть. В одном из углов я давно уже видел три деревянные чашки с жёлтой жидкостью, принятой мною за нерпичий или другой какой жир. Держа испачкавшегося ребёнка в левой руке, чукчанка взяла одну из посуды, поставила её посреди юрты и, положив ребёнка на колени, правой рукой взяла горсть жидкости и стала обмывать ею лицо ребёнка и всё его тело. Но лишь она тронула рукой жидкость, как едкий запах застоявшейся мочи наполнил всю юрту.

Нужно заметить, что чукчи вообще редко моются, а если моются, то исключительно мочой. Чем более она застоялась, тем более почитается пригодной к туалету чукчи или чукчанки. Чукчи думают, что при тех холодах, которые имеют место на их родине, ничем другим, кроме мочи, умываться нельзя.

Мне при виде омовения лица ребёнка мочой, окончательно сделалось тошно, и я вышел на свежий воздух.

По всему берегу бродили чукчи. Из соседних летников по случаю прибытия парохода многие приехали накануне, а некоторые, пользуясь попутным ветром, подплывали теперь. С парусом из оленьей шкуры быстро разрезали анадырские волны две байдары, на каждой из которых сидело до пятнадцати душ чукчей. Все чукчи сидели с непокрытыми головами, хотя ветер был холодный и пронизывал до мозга костей. Не доезжая до берега нескольких шагов, взрослые выскакивали прямо в воду, и байдара, с нагруженными на ней шкурами, скарбом и маленькими детьми, бра-

лась руками за борты и на руках выносилась на берег, не менее как на сорок шагов от воды. Чукча страшно дорожит байдарой. Он скорее продаст, в случае нужды, две жены, чем лишится байдары. Выносят байдару на руках из опасения не проколоть её галькой, изобильно покрывающей весь анадырский берег.

На берегу шла деятельная переторжка между чукчами и пароходными (чукчи такие страстные любители спирту, что одной его бутылкой можно буквально разорить две-три семьи. Чукча отдаст за спирт все, что у него есть. Вследствие этого Гондатти безусловно воспрещает продажу спирта. Я дал слово Гондатти, что с нашего парохода не будут продавать спирта, а потому воспретил вообще торговаться на пароходе, где трудно наблюдать за исполнением этого распоряжения).

Я подошёл к группе торгующихся. К ужасу своему, у одного из господ пароходных офицеров я увидел торчащую из кармана бутылку, потащив за которую, убедился, что это был спирт. Бутылка моментально была разбита, а господину, преступившему усердную просьбу Гондатти, я, насколько мог, сердито крикнул: «Хераус фон хир» и, не дав ни отдыха, ни срока, погнал всю компанию с берега.

Был двенадцатый час в начале, можно было отправиться и к Гондатти. Помещение Гондатти, именующееся местными казаками и приезжими марковцами казармой, построено на берегу залива, глубоко врезающегося в песчаную косу, о которой упомянуто выше. Не доходя пятидесяти шагов до казармы, устроены вешала, на которых было развешано и подсыхало около десятка тысяч рыб. За вешалами сложена куча дров из наносного леса. Лес различных пород и различных величин: начиная от щепки и кончая пятивершковым бревном. Все почти палки и брёвна без коры, словно обточены на станке. Этими дровами очень дорожат.

В Мариинском посту и берегут их почти исключительно для подтопки, а топят печи каменным углём, доставляемым из Владивостока на фрахтуемом пароходе.

В нескольких шагах от складов угля находится и самое здание Анадырского окружного полицейского управления. История этого здания такова: в 1889 году, при отправлении доктора Гриневецкого из Владивостока, на отпущенные ему 1 500 руб. им были куплены два досчатых барака по восемь аршинов длины и ширины и три с половиной высоты. Жить в этих бараках без особых приспособлений при шестидесятиградусных морозах не представлялось никакой возможности. Одновременно с установкой барачков

началось обсыпание их сухой землей и обкладывание дёрном. Дело, начатое Гриневецким, продолжается и Гондатти. Земляная присыпка к стенам год от году утолщается и теперь достигла уже не менее трёх аршин толщины. Крыша обмазывается глиной и также обложена дёрном. Плотн слежавшийся в течение семи лет дёрн образует футляр для досчатого барака, укрывающего Гондатти, его помощника и девять казаков с их женами и детьми от полярных морозов. Оконца этого здания, числом пять, не более двенадцати квадратных вершков в стороне, входная дверь одна. Близ казармы из дёрну же, досок и лесу от старого, разбившегося баркаса устроен склад для всякого рода товаров и вещей. У самых окон казармы, выходящих на бухточку, стоит привязанная к берегу флотилия анадырской администрации, состоящая из баржи грузоподъемностью до трёх тысяч пудов, баркаса и трёх маленьких лодочек. Четырнадцать юрт и описанная казарма составляют все жилыя постройки Мариинского поста, а Гондатти, его помощник, девять человек казаков, три их супруги с пятью маленькими детьми и 93 чукчей обоего пола составляют всё население резиденции русской власти в Чукотской земле.

Была половина двенадцатого, когда я открыл входную дверь, ведущую в казарму. Первая комната казармы, отделённая маленькой досчатой перегородкой от средней комнаты, представляет кухню с плитой и печью. В момент моего прихода кухня и вторая комната, служащая помещением девяти казаков и их жен и имеющая около семи аршин длины, были полны чукчами.

Чукчи вообще любят толпу, любят видеть новых людей, с прибытием же парохода прибыли и новые люди, прибыли и новые товары, и новые вещи. Не нужно думать, что в этих двух комнатах было несколько чукчей. Нет, оне были буквально наполнены чукчами, чукчанками и чукчатами. Некоторые из чукчей сидели, некоторые стояли, а некоторые лежали. Нужно заметить, что Николай Львович находит нужным давать чукчам подарки: кусочек сахару, кусочек хлеба, листочек табаку, блестящую безделушку девушке. Эти ничтожные подачки, на которые, однако, уходит всё личное содержание Гондатти, делают его общим любимцем необъятной тундры, и его ими переходит из уст в уста, соединённое в глазах чукчей с понятием о доброте, уме и справедливости. По нашему законодательству чукчи управляются своими обычаями. К числу важнейших обычаев относится, между прочим, кровавая месть, убиение больных и стариков. Всякий оскорбленный чукча имеет, по своим понятиям, полное право убить

своего оскорбителя; скажу больше: он обязан убить его, ибо в противном случае он, оскорбленный, не смывший кровью полученной им обиды, пользуется общим презрением. Кровная месть родовая. Отец, не успев выследить и убить своего врага при жизни, умирая, завещает не выполненное им сыну. Тундра велика, всю жизнь сын хранит завет умирающего отца, но, не успев выполнить его, завещает своему сыну и внуку оскорбленного. Убийение же больных — есть обычное явление в Чукотской земле. Говорить об этом обряде не буду, так как он совершенно подробно описан у Реклю.

Само собою разумеется, что русская власть в лице Н. Л. Гондатти не могла выслушивать заявлений вроде следующего. Скоро, по прибытии Гондатти на Анадырь, у него в качестве учителя чукотского языка был чукча, немного говоривший по-русски. Этот чукча по имени Кухлянто сопровождал Гондатти во время его поездок в качестве каюра. В одну из их поездок на торжок он заявляет Гондатти: «Я, капитан, тебя брошу, мне нельзя: носовые говорят, что в соседнее становище приехал мой враг, и я еду его убить». Запретить, удержать чукчу силой, которой к тому же нет и не может быть в распоряжении анадырской администрации, Гондатти не мог... Его каюр направился убивать своего недруга, а представитель русской власти остался среди тундры без каюра. Случилось, впрочем, так, что на этот раз убийство, за нерозыском недруга, не совершилось.

Но этот случай произвёл на Гондатти глубокое впечатление. И вот, неумоимо изучая чукотский язык две зимы 1894 и 1895 годов, странствуя по тундре, проводя в юртах чукчей целые месяцы, питаюсь тою же пищей, которою питаются чукчи, спя на той же постели и в том же пологе, в котором спит и совершенно нагая чукотская семья, Гондатти мало-помалу изучил чукотский язык, проник в тайну мировоззрения дикаря. Необыкновенно любопытны рассказы Николая Львовича о его жизни в чукотских юртах, о его странствованиях по тундре, о его ночлегах на открытом воздухе при шестидесятиградусном морозе. Напечатать эти рассказы не считаю себя вправе, так как эти устные рассказы, которыми меня удостоил Николай Львович, создадут ему славу, и его имя, как одного из исследователей полярной страны, посвятившего ей три лучших года своей молодой жизни, по моему искреннему убеждению, будет поставлено в ряду с именами, украшающими человечество: Беринга, Норденшильда и других, им равных. Но эти великие создали свою славу, истратив огромные средства. Гондатти

же поддерживает честь русского имени, не утруждая государство никакими чрезвычайными расходами.

Постигши философию чукчи, Николай Львович начинает действовать. Отдаётся в Мариинском посту и в Маркове приказ: всякого чукчу, по какому-либо случаю прибывшего к Гондатти, накормить, напоить чаем, дать какой-либо подарок. Обращаю внимание читателя на то, что на это нет казённого отпуска и, делая всё это, Гондатти приказал ставить расход за его счёт. Чукчи же превыше всего ценят ласку и оказываемое им уважение. По всей тундре, от Анадыря до Ледовитого океана, из уст в уста распространяется слава русского капитана. Мариинский пост и Марково делаются популярными. Оленные чукчи при своих зимних перекочевках не минуют русского поста и хоть на несколько дней разбивают близ него свой лагерь. Все, от мала до велика, приходят в казарму, и всем, сколько бы их ни пришло, заваривается в котле чай, дается по юкале и куску хлеба. Распространяя в Чукотской земле понятие о Великом Русском Царе, Гондатти с торжественностью, насколько возможно по местным условиям, празднует Царские дни.

Царский день празднуется в Чукотской земле так: все окрестные чукчи оповещаются, что завтра в такое-то время в казарме по случаю Именин Царя, который послал капитана беречь чукчей от злых духов, будет праздник.

Нужно сказать, что все болезни чукчи, по его понятиям, происходят от действия разсердившихся на чукчу злых богов. Гондатти, как естественник, постарался с точки зрения учёного ознакомиться с чукотской медициной. Многие лекарственные средства чукчей он признал вполне рациональными, а потому принял к руководству чукотскую медицину, дополнив её своими учёными познаниями и средствами, выработанными медицинской практикой. Таким образом, Гондатти, свято соблюдая все чукотские обрядности при лечении, сделался главным врачом тундры. Судьба, очевидно, покровительствует молодому самоотверженному учёному.

В одном становище собирались убить безнадежно больного старика. Зная верования чукчей лучше любого шамана, Гондатти, выяснив обстановку, нашёл, что убивать сейчас нельзя, так как в этот день бог, который покровительствует в таких случаях душе убиваемого, находится в отлучке, и что убить больного следует через четыре дня. Доводы показались вполне основательными. Больного не убили, и вот Гондатти, пользуясь своей аптекой и дорожной фляжкой коньяку, начинает пользоваться больного. К вели-

чайшей радости Гондатти, больной почувствовал облегчение, и уже на третий день родственникам было заявлено, что больной не может быть убитым. Больной выздоровел, и с этого времени слава Гондатти окрепла и его сверхестественная сила была признана чукчами.

Гондатти, посланный Царём оберегать чукчей от злых сил и оберегающий их так осязательно, укореняет в чукчах понятие о Русском Царе как об источнике блага, а потому имя Царя, только с 1894 года известное чукче, произносится с благоговением.

Немудрено поэтому, что повестка о праздновании Царского дня находит себе живой отклик у чукчей. К назначенному времени Гондатти одевает мундир, вешает на грудь своего единственного Станислава третьей степени, одевает для вящего эффекта даже кобуру с револьвером, шнур которого, играя роль украшения, даёт чукчам больше видимости. Казаки одеваются в новые мундиры. Всё в казарме чистится и прибирается. Перед образами горит лампада, и зажигается множество восковых свечей. Всё готово.

Валом вялят чукчи. Три казака сбиваются с ног, готовя обед на 200—300 человек чукчей. Готовят в Царские дни рыбу и кашу. Назначенное время настало. Вся казарма переполнена чукчами. Гондатти, когда ему доложат, что всё готово, выходит из своей комнаты и объясняет чукчам причину и значение праздника. Все казаки, управляемые Гондатти, весьма стройно, в чем я лично убедился, начинают петь молитвы. Чукчи, видя всё это, слыша пение, о котором ранее не имели понятия, стоят, по рассказам казаков, не шелохнутся (музыка чукчам неизвестна. Чукотская песня — это подражание голосу нерпы и ея телодвижениям. Две девушки или парня становятся друг перед другом на один-два шага и, двигая, подобно лапам морского зверя, руками, издают хриплые гортанные звуки).

После молитв Гондатти возглашает Государю Императору «ура». Это «ура» подхватывается всеми чукчами, оглашает собою безмолвную тундру и, среди ея могильной тишины впервые стал раздаваться победный клик русского народа, произносимый во здравие его Державного Вождя.

После описанного парада начинается угощение. Особенно почетные старики-чукчи приглашаются стать с казаками. И Гондатти, а за его отсутствием его помощник Анкудинов, из собственных рук подносит казакам и вызванным к ним чукчам по чарке спирту. Все же прочие чукчи садятся за обед. Посуду чукчи приносят свою. Чинно, в полном порядке, подходят чукчи к котлам

и получают сварившуюся рыбу, кусок хлеба и кашу. Особенно любят чукчи кашу. После еды идёт чаепитие. В Царские дни всегда устраиваются атлетические игры.

По моей просьбе Гондатти во время моего там пребывания устроил эти игры, а потому я буду говорить о них как очевидец.

Второго августа посланный казак оповестил всех чукчей, что назначены игры. Нужно заметить, что чукчи очень любят быть на народе. Всё время они проводят в непрерывных разъездах по гостям. Зимой же, во время торжеств, оленные чукчи устраивают бег оленей: в этих бегах принимают участие несколько десятков нарт. Получить приз, которым служит берданка или винчестер, составляет гордость чукчи. Вообще чукчи большие спортсмены и относятся к спорту, как истые знатоки и любители. В то время, как посланный казак оповещал чукчей, я с Анкудиновым готовили призы. Призов устраивается двенадцать: три для бега мужчин, три для бега женщин и по три для борьбы. В состав призов входят: кирпичи чаю, сахар, табак, зеркальце, иголки, ножницы, чашки, котелок и прочие. Призы не равного достоинства: первый лучше и дороже. К назначенному времени на месте, предназначенном для игры, вбивается шесть кольев, на которые вешаются призы.

В два часа дня, когда мы с Гондатти пришли на место игр, там уже было множество чукчей. Отстали лишь носчики больных, но и те спешили не упустить зрелища. Призовых бегов и игр не пропустит ни старый, ни малый, ни больной. Больные, возседая на плечах здоровых, тоже спешили на зрелище. На этот раз было принесено четверо больных. Игры начались с бега. Мужчины, принявшие участие в беге, прямо из юрт направлялись к месту, с которого начинается бег. Это место отстоит от кольев, где он кончается, на три версты. Женщины же начали бег с расстояния не более трёх четвертей версты. У кольев группами расположились чукчи — это были судьи. Присуждение приза — дело чрезвычайной важности, и во всех сомнительных случаях, когда среди чукчей получается разногласие, конкурентам на приз предлагается повторить состязание. Женщины начали первья. В беге приняли участие семнадцать женщин, из коих две почти дряхлые старухи, остальные более или менее молодые. Выстроившись в шеренгу, они начали бежать одновременно. Бегут чукчанки некрасиво, так как костюм, составляющий одно целое от головы до пят, очень неуклюж и стесняет движения. Первой прибежала молоденькая чукчанка. Нужно сказать, что чукчи, вообще, краси-

вы: высокие, стройные, с умными, выразительными глазами, они, с гордо поднятой головой, производят прекрасное впечатление. Чукчи по своей наружности не имеют ничего общего ни с гилеями, ни с гольдами. Это народ прекрасно развитой физически, из молодых же женщин есть прямо красавицы. Впрочем, я особенно не настаиваю на этом: понятия о красоте условны, но я, по крайней мере, нахожу, что победительница в беге 2-го августа, запыхавшаяся и покрасневшая, подбежав к призовому столбу, была положительно красива. Призов, как я сказал, три, и преимущество первого победителя состоит в том, что он выбирает из них тот, который ему больше нравится. Но чукчанка, прибежавшая первой, взяла не первый приз, а третий, так как там было зеркальце, а кокетство не чуждо и чукчанкам. Взяв зеркальце в руку, она долго смотрелась в него и шептала «метеньки», то есть «хорошо». К чему относилось это «метеньки», к изображению ли, виденному в зеркале, или к самому зеркальцу, решить не берусь.

В то время как женщины разбирали призы, показались и бегущие мужчины. Отставшие шли шагом: не потерявшие надежду на приз, приближаясь к кольям, видимо, надрывали последние силы, и из тридцати состязавшихся добежали до призового столба лишь восемь человек, все остальные отстали на более или менее значительное расстояние.

Затем, тотчас по разборе беговых призов мужчинами, началась борьба между женщинами. Чукчанка лет тридцати, огромного роста, полногрудая, с сильно развитыми формами, вышла вперед и села на корточки, поджидая противницу. Долго сидела исполн-баба, никто не решался противостать этой чукотской Кунигунде. Но всему бывает конец, а честолубие свойственно и чукчам: победить великаншу было заманчиво. Выискалась рослая и, по-видимому, сильная противница, и между ними завязалась борьба. Но великанша скоро отшвырнула соперницу в сторону и села на неё верхом.

Сесть верхом на побежденного — есть обязательный акт, свидетельствующий бесспорную победу. Для этого дозволяются все средства, исключая употребления каких бы то ни было приспособлений, как, например, смазывание кухлянки салом, отчего скользят руки. Такие вещи считаются мошенничеством. В каком бы положении противник не был, но пока победитель не посидел на нём верхом, борьба считается неоконченной и продолжается до тех пор, пока не завершится сказанным актом. На смену побежденной тотчас явилась другая соперница, которая вскоре очутилась под

верхом у первой. Победительница торжествовала, и в то время, как она гордо расхаживала по арене, чукчанка, получившая приз за бег, отложила зеркальце в сторону и жадно наблюдала за великаншей. Выступила третья противница, которая, хотя также была побеждена, как и ея противница, но долго боролась, и великанша, поборов трёх противниц, почувствовала утомление. Лишь только третья противница, сконфуженная, смешалась с толпой, как победительница на бегах немедленно вышла на арену, и не успевшая отдышаться от предыдущей борьбы великанша была обвита руками молодой чукчанки. Разчёт был верен, и борьба с уставшей великаншей была выиграна. Ловкость девушки была необычайна: подставив ножку, она опрокинула свою соперницу и с быстро-то кошки уселась на неё верхом.

Гул одобрения прошёл в толпе чукчей, и торжествующая чукотская красавица получила первый приз за борьбу.

Борьба мужчин продолжалась долго и упорно. Мужчины борются полунагие. Борются истово: спины, царапаемые ногтями, конечно, неумышленно, скоро покрываются кровью. Кровь размазывается по всему телу, и вид крови, как мне кажется, удесатеряет энергию борцов. Зрители принимают живейшее участие в исходе борьбы. Всякая заинтересованная сторона понукает ослабевającego ободряющими криками. Глядя на зрителей, видишь, как они переживают каждый момент борьбы. Голосом, самыми выразительными жестами они выказывают своё душевное волнение. Одолевает борец противника, и чукча сторожит вероятного победителя, вытянув шею, нервно дёргает руками и говорит: «Тань-тань», то есть «ещё, ещё — ну!»

В Царские дни, как я выше сказал, обязательно устраиваются эти игры. На них сохраняется отменный порядок, и никогда не бывает никаких недоразумений.

Я остановился на том, что первые две комнаты были переполнены чукчами. Этот день, как я убедился впоследствии, не составляет исключения. С раннего утра и до поздней ночи чукчи толкуются в казарме, и Гондатти это любит и этому покровительствует.

ГЛАВА VI. ЖИЗНЕННАЯ ОБСТАНОВКА Н. Л. ГОНДАТТИ

Я шёл, как было выше сказано, на званный обед. Обед готовился. На плите жарилась рыба, пеклись фаршированные рыбой же пирожки, но сковородка, на которой они жарились, была треснувшая, и масло, вытекая со сковороды, падая на раскалённую камен-

ным углём плиту, наполнило всё помещение смрадом. Выпекавший в русской печи хлеб дополнял кухонную атмосферу.

Кое-как пробравшись сквозь толпу чукчей, я пошёл во вторую половину, где помещаются казаки.

Снимая пальто и калоши, я рассматривал обстановку этой комнаты. Оклеенная газетной бумагой, с кое-где развешенными картинками из иллюстрированных журналов и фотографическими снимками, эта комната тускло освещалась двумя крошечными оконцами. Нары вдоль одной стены, стол у другой, образа, поставленные в киот, перед которым теплилась неугасимая лампада, и пирамида с ружьями Бердана, револьверами Смита и златоустовскими пашками исчерпывали всю обстановку этой комнаты.

Маленькая, оклеенная газетами дверь вела в собственное помещение Гондатти. Не без некотораго волнения открыл я эту дверь. Помещение Гондатти состояло из одной комнаты, длина и ширина которой одинакова: восемь аршин. Эта комната, равно как и помещение казаков, оклеена газетами, освещается двумя крошечными, не более двух вершков, окнами, между которыми устроена досчатая стенка, отделяющая кровать Гондатти от кровати его помощника Анкудинова.

Посреди комнаты стоит старая, совершенно выгоревшая железная печь, около двух аршин длины, один аршин ширины, в поларшина высоты. Железная труба, также выгоревшая и заржавевшая, густо замазанная на стыках глиной, была пущена по комнате в два колена, предназначаясь для вящего нагревания комнаты. Мебель состоит из двух столов, не более полутора аршина длины и одного аршина ширины, предназначенных для письма, одного, меньших размеров, стола, служащего обеденным, двух кроватей, трёх складных стульев, кассы для денег и четырёх сундуков для письменных дел, книг и кое-каких вещей.

В момент моего прихода вся комната была завалена пятью почтовыми сумами, полученными от меня накануне, из коих три были уже раскупорены и разобраны, а две ожидали своей очереди. Масса пакетов, посылок, книг были разложены на сундуках, кроватях, стульях, столах.

Гондатти, когда я взошёл, писал, весь заваленный казёнными бумагами да отчётными книгами.

Дни стоянки парохода являются истинной каторгой для Анадырского окружного начальника. Пароход привозит за целый год почту. Получив всё сразу, сразу же надо и ответить. От Гондатти требуются различные сведения, к нему посылаются все циркуляры,

все распоряжения, имеющие, так сказать, повсеместное значение. Немудрено поэтому, что Гондатти за те двенадцать дней, которые я провёл на Анадыре, не спал ни одной ночи. Нет, виноват, две ночи он, к счастью для него, спал, но на то были особые причины, именуемые в законе «непреодолимыми препятствиями».

Но не буду предвосхищать события.

Николай Львович Гондатти встретил меня ласково и приветливо. Мне сразу, когда я присел, бросилась в глаза грудa писем, грудa телеграмм со штемпелями: «Санкт-Петербург», «Москва», «Париж», «Нью-Йорк», адресованных ему лично. Эти письма ещё не были распечатаны, тогда как на полу уже валялась масса разорванных пакетов, помеченных номерами и снабженных казенными печатями, а вынутые из них бумаги уже имели пометки с номерами входящего журнала Анадырского окружного полицейского управления. Я не мог удержаться, чтобы не высказать своего удивления по поводу того, что Гондатти, не читая своих личных писем, набросился на канцелярские бумаги. «Эх, батенька, — сказал Гондатти, — страшно хочется почитать эти письма, да разве могу я это сделать? Ну, возьмите хотя бы вот это письмо — оно от моей сестры: видите, какое толстое! Представьте себе, что оно, это письмо, принесло мне недобрые вести? Ведь первые, какие были, за два года кочевки по тундре немного истрепались. Разве я могу поручиться, что я не разнежусь? А вот письма от моих друзей, ныне профессоров университета...» «Нет, — заключил он, — *Les affaires avant tout*. Я, во-первых, не хочу, чтобы столонaчальник областного правления сказал, что Гондатти не исполнил такой-то бумаги и тем остановил всю машину его стола, а во-вторых, от этого парохода зависит все наше годовое существование: мне же нужно выгрузить, проверить и разсортировать весь товар, а это, как увидите, не так легко. Ведь вы же видите, что я один. Не подумайте однако, что кто-либо из моих сотрудников, спешил оговориться Гондатти, не помогает мне: у нас во время стоянки парохода, у всякого своё дело, даже наши собачки и те будут не без дела»...

Когда Гондатти говорил все это, в комнату вошёл командир парохода. Стали накрывать на стол. Подали солёные брyшки чавычи, консервированное масло, хлеб и шесть редисок. Эти редиски, выращенные в этом году после многих хлопот на Анадырском лимане, были единственной, как говорил мне Гондатти, его радостью за два года. Нужно ли говорить, с каким чувством мы, став закусывать, взяли эти редиски, оказавшиеся очень вкусны-

ми и сочными. Эти редиски были первым растением, взрощенным человеком на Анадырском лимане. Подали уху, сваренную из отборных частей чавычи, преимущественно молоко и головок; к ухе подали горячие пирожки.

Во время обеда Гондатти и Анкундинов восседали на сундуках, а нас, пароходных, как гостей, посадили на складных стульях. Командир парохода, много слышавший о Гондатти ещё во Владивостоке, был очень изумлен его обстановкой. Хотя он из деликатности ничего не спрашивал, но недоумение, светившееся в его глазах, было очевидно и всем понятно. Выпив же изрядное количество коньяку, наш моряк сделался смелее и спросил Гондатти, как он, русский губернатор Анадырского края, живёт так мизерно?

На это Гондатти сказал датскому капитану, что эта его резиденция — временная, главная же его квартира находится в Маркове, в восьмистах верстах отсюда, и что там у него и дом, и мебель, и всё необходимое. Это объяснение совершенно удовлетворило иностранца.

На второе блюдо подали жареную рыбу, и обед был запит двумя бутылками «редерера».

Тотчас после обеда, выпив стакан чаю, Гондатти, извинившись перед нами, гостями, уселся писать, а мы с командиром отправились погулять. При наших беседах выяснилось, что факт выноса с парохода спирту уже известен капитану, и он сказал, что им приняты все меры, чтобы это не повторилось. Я поблагодарил.

Разговаривая, мы подходили к юртам чукчей. Возле одной юрты, в кружок, на животах, лежала группа чукчей, человек десять. Манипуляции этой группы были какие-то особенные. Мы с капитаном подошли. Зрелище, увиденное нами, было достойно кисти художника. Оказалась, что чукчи ухитрились-таки достать бутылку спирту. Драгоценную влагу моментально выпили. Но запах спирта в бутылке был, и мы застали чукчей, поочередно с неописуемым наслаждением нюхающими бутылку. Право нюхать и время, даваемое на это право, было разделено по-братски. Никто не нюхал более положенного срока. Но зато тот, до кого доходила очередь, нервно дрожал в ожидании хоть носом изведать желанную, но, увы, запретную жидкость. С мольбой, не поддающейся описанию, старик-чукча, указывая на бутылку, знаками выяснил мне своё страстное желание выпить... Мольба чукчи была так заразительна, он, видимо, так желал выпить, что я решил удовлетворить страстной просьбе старика. Мне нужно было кое-что сделать

на пароходе. Капитан знаками и голосом требовал шлюпку, но его, видимо, не слышали. Я предложил капитану отправиться на байдаре, а чукчам, нюхавшим бутылку, объяснил знаками, чтобы они достали байдару и свезли меня и капитана на пароход, и обещал, знаками же, что дам им выпить. Мгновение, и байдара была близ берега. Меня и капитана на руках внесли в воду. Восемь чукчей сели на весла, и наша байдара с быстротою парового судна пристала к трапу. Капитан, и сам заинтересованный, охотно дал мне бутылку спирту. С бутылкой и рюмкой в руках я вышел к борту и, показав чукчам, пригласил их на пароход. С быстротой, точно спасаясь от смертельной опасности, чукчи стали выскакивать из байдары на трап. Но трап был узок: двум чловекам не пройти, а потому двое задних не могли выждать своей очереди и полезли на пароход по спущенным с борта верёвкам. Ближе всех стоял ко мне старик, просьба которого так меня разжалобила, и я дал ему рюмку в руку. Не думаю, чтобы кто-нибудь когда-либо ожидал чего с таким страстным нетерпением, как ожидали чукчи, пока я вынимал из бутылки пробку! Но вот пробка вынута: облизываясь, смотря на меня необычайно масляными глазами, бурча мне какая-то чукотския ласковые слова, подставил старик-чукча рюмку, и я её наполнил спиртом. С величайшей бережностью, поддерживая доньшко левой рукой, поднес чукча рюмку ко рту и начал медленно, испытывая, вероятно, неописуемое наслаждение, пить. Втягиваемое он, однако, не проглатывал тотчас, а некоторое время держал во рту. Наконец в рюмке осталось лишь несколько капель спирту, и я хотел было взять рюмку, но энергичным жестом правой руки чукча отстранил меня, а левой в то же время вынул из-за пазухи кожаный мешочек и, вытащив оттуда несколько листочков табаку, вылил оставшиеся капли на табак.

Табак, смоченный каплей спирту, уже не употребляется для обычного назначения — курения или жевания. Эти драгоценные листочки чукча в течение долгого времени нюхает, когда же запах спирту изсякает, то отсутствие его дополняется воображением и сознанием, что хотя теперь нет запаха, но было то блаженное время, когда эти листики табаку услаждали обоняние чукчи. Такие листочки, как нечто заслуженное, долго сохраняются у чукчи, служа ему источником самых сладостных воспоминаний. Все другие чукчи, так же как и первый и с таким же наслаждением, выпивали свои порции, а остававшиеся в рюмке капли выливали на табак.

Наконец уже все чукчи обнесены, но они переминаются и, видимо, желают выпить ещё. В бутылке оставалось ещё несколько капель, но раздавать по второй рюмке было нечего. Я показал, чтобы они открыли свои мешочки с табаком, и стал по очереди вливать туда спирт. Последнему из чукчей досталось много: когда я наклонил бутылку вертикально, то оттуда сразу вылилось так много спирту, что часть его пролилась на борт. На эти пролитые капли чукчи бросились так же, как близ мясной лавки собаки бросаются на капли крови. Владелец же последнего мешочка, видя, что спирт протекает на пол, стал сосать мешок, ни мало не смущаясь, что сосет спиртовую вытяжку табака.

После этого старик выпросил у меня пустую бутылку и, размахивая ею, как победным трофеем, сошёл с парохода и сел на парус у байдары, следом за ним сошли с парохода и все мои гости. Вид бутылки, которую старик держал в руке, обратило внимание всего поста. Со всех сторон бежали чукчи к месту причала байдары. Бутылка великодушно была уступлена другим, а все побывавшие на пароходе и угощенные мною стали, как казалось с парохода, целоваться с береговыми. Это выпившие своим дыханием, имеющим некоторый запах спирта, угощали не выпивших. Этот обычай, как мне говорили, всегда соблюдается чукчами.

Было уже два часа дня, когда чукчи уехали с парохода. Команда, исключая вахтенного, улеглась отдыхать. Дело, за которым я приехал, было исполнено. Скучно на корабле. Пронизывающий холодом ветер, начавшийся с утра, погнал тучи, которые нависли над самой землей. В воздухе стояла какая-то мгла. Стал накрапывать дождь. Тоскливо кричали чайки, сердито шумели анадырские волны. Страшная тоска одолела меня, и я решил во что бы то ни стало съехать на берег и отправиться к Гондатти.

Лишь около семи часов вечера мне удалось получить шлюпку, съехать на берег и прийти в казарму. Когда я вошёл в комнату Николая Львовича, в ней царил полумрак. Сырой ненастный день заставил, несмотря на июль месяц, затопить железную печь. Эта печь, затопленная каменным углём, не имея к тому никаких приспособлений, наполнила всю комнату дымом и смрадом. В чаду от дыма чугунок и от смрада плиты, на которой жарилась рыба, сидел Николай Львович и записывал во входящий журнал поступившие бумаги. Эта атмосфера делалась для меня невыносимой. Но Гондатти невозмутимо разбирал бумаги. На моё замечание, как он может выносить такую атмосферу, он сказал: «Что вы, батенька, ведь это же благодать: зимою — ну, действительно не

важно. Теперь можно и пройтись: одет легко, члены не костенеют, дышишь свежим воздухом, питаешься свежей рыбкой. А вот когда вы уедете, у нас пойдёт на зиму. Пойдёт по Анадыру пуга, начнутся северные ветры, выпадет снег и наступит наша анадырская зима. В октябре месяце мы уже занесены снегом, а в ноябре наступают пятидесятиградусные морозы и начинаются пурги... Тогда — да!.. Теперь вот топится камин: правда, хоть и дымит, но зато тепло. А зимою целый день мы его топим, целый день обретаемся в дыму и смраде, но наша хата, как изволите видеть, сквозит со всех сторон, хотя для порядка и обложена дёрном. И вот по целым дням мы топим чугунок, но никогда не случалось, чтобы мы нагнали тепла более семи градусов, и то к вечеру. С момента появления снега мы облакаемся в двойную кухлянку и никогда уже за всю зиму не снимаем её. Состояние скверное: что-либо делать нельзя, ибо костенеют руки. Писать, например, руками совсем нельзя, а так как человек ко всему применяется, то я в экстренных случаях пишу зубами (?). Мы заканчиваем наш зимний день чаепитием. Вы не можете себе представить, какое удовольствие держать в руках горячий стакан чаю! Но когда мы пьём чай, то сидим точно в облаках и друг друга не видим. Вся комната наполняется густым паром, при котором меркнут свечи и лампа. После чаю мы ложимся спать. Кухлянок, торбасов, конечно, не снимаем и, кроме двух песцовых одеял, закутываемся несколькими медвежьими шкурами. Тяжело было, по первоначальному, засыпать под такой грудой. Да иначе нельзя... Когда мы уляжемся, скоро погасает чугунок. Бывшее во время его топки тепло скоро улетучивается, и часа через два-три температура наружного воздуха и температура помещения окружающего начальника почти уравниваются. Стены жилья, звериные шкуры, под которыми мы лежим, покрываются инеем, а иногда и ледяными сосульками. Греемся собственным дыханием, вдыхая миазмы от звериных шкур, ибо высунуть из-под них голову нельзя: это сопряжено с риском отморозить нос и уши...»

«Я, — продолжал мне свою повесть Гондатти, — когда читал “Хозяина и работника”, подумал, что Толстой побывал на Анадыре и лично испытал те грезы, которые являются застывающему человеку. Случается, что в наши лютые зимние ночи и я вижу, что хочу пойти, но мои калоши пристали к полу, и я не могу двинуться... Проснёшься и видишь, что нога высунулась из-под шкуры и начала стынть. Самоварчик наш, вечерний, если мы его оставим с водой, замерзает за ночь так, что вся вода превращается

в сплошную глыбу льда. К утру наша казарма по своей температуре почти не отличается от тундры. Скверное чувство подыматься с постели: как-никак, а под бесчисленными шкурами согреешься... А тут сразу на мороз. Ну, да один мороз ещё не беда, а вот как пойдёт дело на пургу, тогда ещё хуже. Здешние пурги бывают по три, по четыре недели сряду. Мы поэтому всегда готовы: у нас тут же в казарме склад льда для воды, дров для подтопки и каменного угля для топлива.

Наша пурга в какие-нибудь 6—10 часов заносит всю казарму до окон. Если она началась с вечера, то к утру мы лишь по часам узнаем, что должен быть свет, ибо окна заносятся огромным слоем снега, который, утолщаясь с каждым часом, доходит через два-три дня до двух-трёх саженей толщины. Три дня пурги абсолютно лишают нас света, и у нас в течение нескольких недель горят неугасимые лампы. А в прошлом году случилось, что все наши часы испортились, и мы различали день от ночи по догадкам. Выйти из казармы, безусловно, нельзя, и бывали случаи, что вышедший отойдя от казармы несколько шагов, особенно ночью, в случае перемены ветра, заблуждался, и приходилось принимать чрезвычайные меры к розыску заблудившагося. Так мы пургу и сидим, не видя света, не дыша свежим воздухом, в течение трёх-четырёх недель».

Пока Николай Львович повествовал мне о зимних годах Чукотской земли, в казарме становилось темно. Подали лампу: лампа, бывшая когда-то хорошей, была подана с отколотым стеклом. Огонек маленький, а когда я попробовал прибавить его, то лампа закоптила. «Нет уж, — сказал Гондатти, — вы лучше не троньте: сейчас подадут свечи». Подали две свечи, и в комнате стало светло.

А в казарму, между тем, стали собираться казаки, в кухне готовился ужин как для казаков, так и для Гондатти.

Кухонный смрад делался ощутительным, казачьи дети, числом пять, укладываемые матерями спать, подняли ужасный плач.

Этот плач детей, убаюкивание их матерями, говор казаков и чукчей, перебранка между двумя казачками из-за разбитой тарелки были слышны в помещении Николая Львовича так же отчётливо, как если бы весь этот гам и шум происходил тут же, у самого уха.

Гондатти, однако, это не беспокоило. Живя в такой обстановке два года, он привык и к плачу детей, и к стону больных, и к перебранке горластых казачек.

ГЛАВА VII. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОНДАТТИ В ДНИ СТОЯНКИ ПАРОХОДА

Подали чай. Выпив два стакана, Николай Львович сел заниматься. К нему поступила масса бумаг. Одне бумаги уведомляли его о высылке таких-то вещей и денег, другими запрашивалось о количестве чинов запаса, пребывающих в Анадырской округе, третьими требовался розыск бежавших солдат, розыск уклоняющихся от суда и следствия.

Почта, полученная Гондатти, была различного сорта: в пост-пакете на имя анадырского окружного начальника находилась корреспонденция, адресованная на Командорские острова, в Гижигу и в Херсонскую губернию. В числе полученной почты находились пакеты со штемпелем 1891 года. Владивостокская почтовая контора прислала также и ту повестку, которою в прошлом году Гондатти приглашался прибыть в контору за получением присланного на его имя пакета на 125 руб. Не имея возможности прибыть во Владивосток лично, Гондатти доверил получение пакета одному лицу, но когда это лицо пришло получить пакет, то оказалось, что пакет за неприбытием адресата в шестимесячный срок отправлен обратно. Отправив пакет обратно, Владивостокская контора сочла нужным надписью на повестке уведомить о сем Гондатти. Нужно заметить, что Анадырское окружное полицейское управление есть в то же время и почтовое отделение. Гондатти разбирал бумаги, а я, посидев немного, стал откланиваться. В сопровождении четырёх казаков, порученных мне в перевозчики, я отправился на берег. Плыть до парохода нечего было и думать. Ветер, дувший, как я сказал, с утра, к вечеру усилился. Вечер был тёмный. Завывания ветра, аккомпанируемые грозным шумом моря, убили во мне решимость плыть на пароход. Я возвратился в казарму.

«Я так и знал, что вы вернётесь, — сказал Гондатти. — Ну, располагайтесь как хотите, а мне некогда».

Я взял книжку, но буквы мелькали у меня перед глазами, и я не понимал прочитанного: я весь был под впечатлением виденного и слышанного... В девять часов на два сундука, поставленные рядом, были посланы шкуры; их закрыли простыней, дали мне подушку, и я лёг. Спал я хоть тревожно, но все же спал, что же касается Гондатти, то он всю ночь не смыкал глаз. Эта бессонная ночь была по счёту вторая. Как сел Гондатти за бумаги с вечера, так и встал с места утром лишь для того, чтобы, умывшись, снова приняться за работу.

В этот, второй день нашей стоянки на Анадырском рейде, Гондатти решил начать разгрузку. Проработав полтора суток над бумагами, всякими накладными и коносаменами, он привёл в ясность весь груз, который прибыл, и сделал распоряжение, куда что класть. Это очень важно, ибо склад один, а половина груза идет в Марково. Сложив, что называется, без толку, разобраться было бы трудно, а время между тем не терпит. Если товар не отправить в Марково 2-го августа, то он не дойдёт по назначению.

В шесть часов утра стали подыматься казаки. Умывшись, напившись чаю, в половине седьмого утра они стали на молитву. Молитвы пелись хором и очень стройно. После молитвы старший в команде пришёл в комнату Гондатти с рапортом: рапорт был принят стоя. Выслушав рапорт, Гондатти отдал приказание сплавлять баржу к пароходу и начинать приёмку товара.

Баржа, буксируемая весельной лодкой, медленно потянулась по бухточке, а часа через два пристала к пароходу.

Нужно ли говорить, что причалить баржу к пароходу было делом очень нелегким: в то время как баржа плыла, ясная, тихая погода сменилась ветром, задувшим с моря. Река, встречая противный ветер у самого устья, делается бурлива. Когда явилась возможность приступить к разгрузке, то волнение усилилось до того, что погружать муку, как то приказал Гондатти, было нельзя: баржа захлестывалась волной. Стали сгружать каменный уголь и ящик с посудой, железом и прочими, не боявшимися подмочки товарами.

К вечеру, часам к пяти, баржа пришла вторично. Стало тихо, и баржа погружалась мукой. Грузят на баржу при приёмке товаров с парохода никак не более пятисот пудов, большее количество было бы слишком трудно выгрести.

Нагруженная баржа собиралась отчалить от борта.

Капитан парохода попросил меня непременно пригласить Гондатти на пароход «тринкен ейн вениг те унд ейн вениг вайн». Я исполнил усердную просьбу капитана и написал Гондатти письмо. Около восьми часов вечера на чукотской байдаре прибыл Гондатти. Входя на пароход, он объявил, что пробудет на пароходе не более часу. Сервировали чай, были поданы консервированные фрукты, вино и шампанское.

Но пока мы в кают-компании пили чай, погода свежела. Пароход слегка качнуло: толчок повторился ещё и ещё. Качка делалась сильнее, и над Анадырским лиманом стала разыгрываться настоящая буря. Гондатти, несмотря на огромные волны, которые,

яростно разбиваясь о пароход, обдавали брызгами всю палубу, хотел съехать на берег, но командир сказал: «Гондатти! Я старый и опытный моряк. Послушайте меня: теперь никакая шлюпка не выгребет и, кроме того, Вы на судне, и я не разрешаю Вам сойти с трапа». Гондатти покорился необходимости.

А буря между тем крепчала. Пароход начало швырять так серьёзно, что командир, памятуя многочисленные мели и камни на фарватере Анадырского лимана, приказал бросить в воду второй запасный якорь. Но этого оказалось мало. Рёв ветра, свист его по корабельным снастям, грозный шум разъярённого моря были так внушительны, что даже капитан, выдавший за сорок два года своей морской службы всякие виды, нашёл нужным прибегнуть к чрезвычайной мере: пароходу, стоящему в гавани, было приказано развести полные пары, а вся команда была поставлена на вахту.

Буря, сопровождаемая сильнейшей качкой парохода, продолжалась около двух суток. Моряки в один голос говорили, что они нигде в мире не видели такой реки и такого лимана, и что они предпочитают любой шторм в открытом море, чем якорную стоянку в Анадырском лимане. Я же благословляю судьбу, пославшую эту бурю: эта буря, задержав Гондатти на пароходе сорок часов, дала мне возможность беседовать с ним, а эта беседа дала мне тот материал, из которого составлена моя настоящая книжка. Что же касается Гондатти, лишённого всякой возможности возвратиться к своим делам, то ему эта буря дала возможность проспать две ночи. Эти две ночи, проведённые им на пароходе, были единственными из всех двенадцати, которые он спал во время стоянки парохода.

На пятый день нашей стоянки уже стояла прекрасная погода, и пароход продолжал безостановочно разгружаться. Баржи успевали по три раза в день доставлять товар с парохода в склад. Работа кипела. Дошла очередь и до груза, купленного согласно просьбы Гондатти у одной видной на Амуре фирмы. В составе этого груза входили различные материи, различные колониальные и москательные товары.

В этот день я пришёл к Гондатти около двух часов дня. Тюки с товарами, выписанными Гондатти, были только сгружены. Полученные тюки было нужно немедленно разсортировать, да, кстати, и проверить. Ящики и тюки стали вскрывать. Каково же было моё изумлению, когда в тюках попеременно с товарами оказались кедровые чурбаны, из коих один был более одного пуда весом. Все тюки, все ящики с маркой почтенной на Амуре фирмы оказа-

лись содержащими в числе товаров и дрова. Но, выслав дрова, фирма, на такое же количество по весу, не дослала товаров, и разница накладной и фактической погрузки выразилась довольно серьёзной цифрой, в несколько сот рублей.

Убыток в деньгах будет, конечно, восполнен, так как об этом грустном факте составлен узаконенный акт, который, будучи подписан всеми присутствующими, а в том числе и мною, представлен господину приморскому губернатору. Но суть здесь не в деньгах, которые на Анадыре не имеют значения: если товар не доставлен с пароходом, то достать его, безусловно, нельзя. К искреннему сожалению, в число недосланных товаров попали и такие, которые имеют первенствующее жизненное значение.

Этот грустный факт произошёл потому, что лицо, на которого губернатор возложил наблюдение за заготовкой запасов для Анадырского края, доверилось торговой фирме. Торговая фирма доверилась рабочим, которые, затюковывая заказ вместо отпущенных товаров, положили дрова. Но, к счастью для Гондатти, по моём приезде во Владивосток оказалось возможным выслать ему в Гижигу всё, в чём он нуждался, а доставленный мною акт о вскрытии тюков и об оказавшихся там дровах принят заступавшим место губернатора Приморской области действительным статским советником Яковом Павловичем Павленко близко к сердцу, и, как я слышал, к выяснению причин этого случая и к примерному взысканию с виновных приняты, по распоряжению его превосходительства, самые энергичные меры.

На седьмой день нашей стоянки весь товар, высланный в адрес Гондатти, был получен и свезён на берег. Все запасы, заготовленные интендантством, оказались высокого качества и свидетельствовали о том, что всё было послано заботливо: даже мешки были новенькие, чистенькие. Все места мерю и весом соответствовали накладным.

Покончив с пароходом, Гондатти стал грузить баржу в Марково.

31-го июля в шесть часов вечера нагруженная баржа готовилась уже тронуться в путь, но тут встретилось непредвиденное обстоятельство. В ночь с 31 июля на 1 августа сильный ветер, задувший с моря, приостановил течение верхнего слоя воды. Бухточка, в которой стояла баржа, имеет свойство наполняться водою и мелеет периодически. В часы прилива она полна водою и судноходна, в часы отлива она мелеет, делаясь к концу его совершенно сухой. В эту ночь бухточка неожиданно наполнилась водою, которая, подхватив баржу, понесла её на якорный стержень, пробивший

ея дно. К счастью, Гондатти не спал. Авария баржи была тотчас замечена, и началась поспешная её разгрузка.

Нужно сказать, что в первый же год пребывания Гондатти в Анадырском крае, баркас, на котором он плыл в Марково, сев на камень, потерпел крушение. Много вещей и денег погибло тогда у Гондатти, а он сам, пробывши несколько дней в мокрой одежде, сменить которую было нечем, проболев и был готов, как он рассказывал мне, отправиться за доктором Гринивецким, похороненным на пустынном берегу Анадыра в 120 верстах от устья реки.

На могиле первого анадырского начальника ныне попечением Гондатти сооружён памятник.

В числе вещей, погибших в это крушение, находились, между прочим, различные научные инструменты, фотографические принадлежности, а главное — погибли заметки Гондатти о его путешествиях на Новую Землю, на устье Оби, на остров Цейлон, в Ост-Индию, Китай, Японию и Америку, которые он совершил с научною целью по поручению различных учёных учреждений, и которые он собирался издать.

На этот раз случилось почти то же. На самое дно баржи был нагружен каменный уголь и железо. На уголь были поставлены сундуки с письменными делами, с вновь полученными фотографическими принадлежностями, материями и прочим. Мука, соль, сахар, чай, к счастью, были сложены наверху, а потому обильно полившаяся в пробоину баржи вода подмочила всё, кроме съестного.

Когда я подошёл к казарме, то увидел возле казармы и в казарме развешенные для просушки подмоченные материи, разложенные мокрые книги и бумаги. Не скажу, чтобы Гондатти был опечален этим событием. Его, как мне кажется, ничем нельзя вывести из его обычного настроения. Дрова ли вынимают из тюков, он острит над догадливостью и предупредительностью купцов, знающих, что на Анадыре дров нет и любезно восполняющих этот недостаток.

Баржа разбилась, и товаров попортилось не менее как на шестьсот рублей, но Гондатти, даже и работая с казаками плечо в плечо, находил возможным острить: выписал он себе чёрные часы за сорок рублей, которые показывали фазы луны и дни месяца и недели. Держа часы в руках, он наблюдал за обильно стекающей с них водой и балагурил: «Вот, законы гигроскопичности на Анадыре можно изучить основательно. Посмотрите — маленькие часы, а как много забрали воды». А вода из часов так и струилась.

Камин топился во всю, но на высушку не было времени: 3-е августа есть крайний срок, в который можно отправлять караван в Марково. Едва просохшие товары и письменные дела вновь сложили в ящики и нагрузили в баржу, законопаченную лично самим Гондатти.

Вечером 2-го августа вторичная нагрузка баржи была закончена. В ночь с 2-го на 3-е я ночевал в казарме. В эту ночь, как говорил Гондатти, он должен был закончить служебные дела, а на другой день приняться за свои личные.

После вечерней молитвы казаков и рапорта старшего Гондатти приказал поставить вахтенного на баржу, к шести часам приготовить собак и юколу для них, к половине седьмого приготовить завтрак, а в семь стать на общую молитву, после которой немедленно отваливать. До одиннадцати часов ночи в казацкой половине шли сборы, и Гондатти и эту ночь, так же как и все прочие, не спал ни одной минуты.

Я дивился силам этого человека, но, полагаю, сознание необходимости есть сила, удесятеряющая обыкновенные силы человека. Не спавши, не переставая работать ни на одну минуту, он едва-едва управился с казёнными делами 3-го августа к пяти часам вечера.

А 4-е августа был конечный срок стоянки парохода в Анадырском лимане.

ГЛАВА VIII. ПОСЛЕДНИЙ СУТКИ НА АНАДЫРСКОМ ЛИМАНЕ. ЧТО СДЕЛАЛ ГОНДАТТИ В ЧУКОТСКОЙ ЗЕМЛЕ

3-го августа в пять часов утра послышался визг ездовых собак, ловимых с воли и привязываемых на барже. В половине шестого все уже были на ногах. На столе кипел самовар. За чаем Николай Львович давал наказ Анкудинову, отправлявшемуся начальником баржи.

Было видно в окно, как привязанные собаки, желая сбросить с себя алык и выбраться на волю, рвались и метались. Но алык крепок, и умные животные поняли, что им не сорваться. Положив свои мохнатые мордочки на борт баржи, они покорились своей участи.

Без пяти минут в семь часов перед командным образом были затеплены восковые свечи. Казаки приоделись в форму, надел форму и пашку и сам Гондатти.

Ровно в семь часов Гондатти доложили, что всё готово. Выйдя и поздоровавшись, Гондатти сказал: «Ребята, путь вам длинный, река бурная. Помощник у нас один Господь Бог, помолимся ему».

Запели «Царь Небесный». Обстановка, при которой с истинным чувством пелись святые мотивы, была такова, что, думаю, какой бы нации, какой бы веры, каких бы убеждений не попал сюда человек, но он проникся бы молитвенным настроением маленькой горсточки людей, заброшенных в страну далёкую, в страну суровую и пустынную, в страну, в которой рассчитывать на чью либо помощь, кроме помощи «Жизни Подателя», трудно, а, пожалуй, и невозможно. Я, по крайней мере, никогда не забуду того могучаго впечатления, которое произвела на меня эта молитва полудикарей-казаков и русского учёнаго. Молились полчаса. С последним аккордом церковной песни «Под Твою милость прибегаем», Гондатти со словами: «Ну, дай Бог, в добрый час» приказал отваливать.

Порядок был изумительный. Всё делалось, точно разыгрывалось по нотам: пять минут и все были на местах. Вытянут якорь, поднят на борте флаг, и анадырская флотилия тронулась.

Мы с Гондатти проводили баржу до того места, где она, пользуясь попутным ветром, наставив паруса, скоро отплыла от нас настолько, что люди, сидевшие на барже, и собачки, предназначенные для бурлаческой службы, смешались в один темный контур, скользивший по поверхности реки. Скрылась баржа из вида, и мы с Гондатти возвратились обратно в казарму.

Казённые дела Гондатти ещё не были закончены вполне. Нужно было записать груду пакетов в исходящий журнал, нужно было исполнить кое-какие, второстепенной важности, бумаги (да не подумает читатель, что Гондатти делает всё сам потому, что кто-нибудь из его подчинённых ленился бы. Почтенный помощник Гондатти Василий Васильевич Анкудинов имеет свои специальные обязанности, заключающиеся, главным образом, в хозяйственной части. Гондатти очень ценит труд своего помощника и, насколько мне известно, вошёл с ходатайством по начальству о награждении Анкудинова за его примерную службу первым классным чином). Лишь в пять часов вечера 3-го числа Гондатти запломбировал кожаную почтовую суму и сказал: «Баста».

Но, покончив казённые дела, он не начинал ещё своих личных. Груда его собственных писем лежала ещё не распечатанной. Лишь в пять часов вечера начал он распечатывать и читать письма от своих друзей и от родных. Здесь начинается, так сказать, интимная жизнь Николая Львовича, говорить о которой, конечно, нельзя. Замечу, однако, что многочисленные письма были полны упреков, что он, оставаясь так долго в Чукотской земле, губит свое здоровье, губить свою жизнь.

Письма некоторых членов Императорского Антропологического общества при Московском университете звали Гондатти в Москву к его прежней деятельности. Они уведомяли его, что даже та казенная квартира при Политехническом музее, которая полагается учёному секретарю общества, не занята ещё и ждёт его. Гондатти был растроган такими знаками к нему внимания, но, поработав так долго, поработав так много в отдалённом уголке Приамурского края, видя воочию реальные плоды своей цивилизаторской деятельности, находя, что и в других странах необъятного Приамурья его деятельность могла бы быть не бесполезной, и, желая посвятить себя службе Приамурскому краю, он поручил мне доложить господину приамурскому генерал-губернатору Сергию Михайловичу Духовскому, что он, Гондатти, полюбил первобытные страны Приамурья и желает работать на благо их культуры и цивилизации.

Утро 1-го августа, день нашего отъезда, я и Гондатти встретили, не спавши ни одной минуты.

Ответы на письма, исключая весьма немногих, были написаны телеграммами.

В двенадцать часов дня был назначен отход парохода. К этому часу Гондатти приехал на пароход. Простился Гондатти с командиром, простился со мной и, салютуемый выстрелом из сигнальной паровой пушки, пальбою из ружей и револьверов, которую производили капитан, штурман, боцман и некоторые из матросов, Гондатти сел на шлюпку, а пароход стал медленно двигаться... Скоро Гондатти и его резиденция, Мариинский пост, скрылись из вида. Пароход с каждым оборотом приближал нас к странам, где трудами таких же деятелей, как Гондатти, ярко горит светоч веры и цивилизации и где, как заветную святыню, хранят имена тех самоотверженных деятелей, которые, пренебрегая голодом, холодом, пренебрегая самою жизнью, работая во имя блага родины, дали жизнь ответно пустынным странам.

Что же сделал в Чукотской земле Гондатти?

Как представитель русской власти, он через меня послал губернатору девять мешков пушнины, полученной в ясак с чукчей, народа, никогда никому никакого ясака не платившего. Та пушнина, которую в XVII и XVIII веках вывозили казаки, не была ясаком — это была военная добыча случайных победителей.

Как администратор и цивилизатор он сделал то, что кровавые обычаи Чукотской земли заменяются обычаями народов культурных: безнадежных больных начинают лечить, в случае

недоразумений между чукчами вмешательство ножа или пули заменяется ныне обращением к гуманному и справедливому суду русского «капитана».

Первого августа я лично видел, как с верховья реки, за четырьстами вёрст на двух байдарках приехали девятнадцать чукчей разбирать семейное дело, заключавшееся в том, что чукча, условившись проработать за свою будущую жену пять лет, обманом вывезя её из становища, через два года взял себе другую жену, не сказав ей, что уже имеет одну. Две обиженные семьи приехали искать защиты Гондатти от таких походов чукотского ловеласа. Гондатти присудил: чукче, не исполнившему условия, исполнить его и отработать ещё три года, а второй жене предоставить поступить по её свободному усмотрению.

Здесь важен уже самый факт, что чукчи по своей воле стали обращаться к компетенции русской власти.

Как земский деятель Гондатти урегулировал отчасти торговлю, и можно думать, что его проекты о поднятии экономического благосостояния будут осуществлены и проведены в жизнь.

Наконец, как учёный, он, изучив чукотский язык, проведя в среде чукчей целые месяцы, проник в тайну мировоззрения дикаря, что всегда составляло задачу науки.

Гондатти собрал колоссальную коллекцию черепов и различных частей скелета чукчи, имеющую значение для учёных исследователей. Он собрал полную коллекцию флоры и фауны страны, и та коллекция, которая пожертвована им в Хабаровский естественно-исторический музей, не составляет всего: это только ничтожная часть того, что собрано Гондатти. В так называемом «складе» самое большее место занимают ящики с коллекциями. Впрочем, не мне судить об учёной деятельности Гондатти, об этом он расскажет сам, когда возвратится.

Но возвратится ли когда-нибудь Гондатти, хватит ли его пошатнувшегося здоровья, чтобы провести в Чукотской земле ещё третью суровую полярную зиму, сказать трудно. Я же со своей стороны могу по этому поводу высказать в заключение своё искреннее и глубокое убеждение: останется ли Гондатти жив, сложит ли он свои кости в Чукотской земле, но его имя, его самоотверженная деятельность, очевидцем которой я был, составит гордость не только Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, членом-учредителем которого он состоит, но оно составит гордость всех истинно русских людей, любящих своего Царя и Отечество.

ПОЕЗДКА В СЕВЕРНЫЕ ОКРУГИ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ

В начале июня 1901 года военный губернатор Приморской области генерал-лейтенант Чичагов обратился к Приамурскому генерал-губернатору с представлением о командировании меня в его, губернатора, распоряжение, на что главный начальник края изъявил своё согласие.

13-го июня я прибыл в г. Владивосток, где и получил от генерала Чичагова поручение отправиться в северные округа Приморской области: Петропавловскую, Гижигинскую и Охотскую, причём, помимо дел административно-канцелярского характера, мне поручено представить описание своей поездки.

ГЛАВА I. ОТ ВЛАДИВОСТОКА ДО ПЕТРОПАВЛОВСКА. ПРИБЫТИЕ В ПЕТРОПАВЛОВСК

Прибывши в г. Владивосток 13-го июня, 14-го июня я получил все нужные бумаги и путевое довольствие и 15-го с разсветом думал уже выехать в северные порты на пароход Китайской восточной железной дороги «Гири́н», но «Гири́н» 15-го не ушёл, так как портовая комиссия, осматривавшая механизмы этого парохода, нашла его котлы в чем-то неисправными, и пароход, несмотря на развешанные по городу объявления об отходе его 15-го числа с разсветом, снялся с якоря только 16-го в двенадцать часов дня.

В момент выстрела крепостной полуденной пушки, на «Гирине» заработала паровая лебедка, тащившая якорь, и пароход тронулся.

Погода в этот день стояла ясная, тихая, и мы, пассажиры «Гирин», имели возможность любоваться с палубы парохода дивною панорамой Владивостока с моря. Мы и не заметили, как дошли до Скриплева, а потом уже показался дикий, скалистый Аскольд, а за Аскольдом и безбрежное, безграничное море, тихое, зеркальное.

Пассажирских помещений на «Гирине», собственно говоря, нет. В кормовой части парохода под палубой отведена небольшая клетушка, разгороженная перегородками на три каюты: капитанскую, две пассажирских, между которыми крохотная кают-компания, где трудно и повернуться. На этот раз на «Гирине» было четверо пассажиров: заведывающий рыбными промыслами Приамурского края, Н. Я. Д., две акушерки: одна ехала в Камчатку,

а другая на Командорские острова; четвёртым пассажиром был я. Мы, пользуясь хорошей погодой, все сидели на палубе, хвалили море, любовались стадом дельфинов, резвившихся недалеко от кормы, в волне, которую оставлял за собою винт «Гирина».

Наши пассажирки, ехавшие на дальний север служить, имели смутное представление о той стране. Одна из них, молодая, интеллигентная, ехала на Командорские острова прямо из Петербурга, представляя себе эти острова поэтическим уголком, где слышен убаюкивающий плеск волны, где шумят зеленые рощи и где можно отдохнуть от петербургской суеты. Дикий остров, да ещё в далеком море, был в представлении молоденькой барышни настолько заманчивым, что она мирилась и с его безлюдьем, и с полной отрезанностью острова в осенние и зимние месяцы от всего мира.

Жаль, что едут в такие палестины, как Командорские острова, не узнавши, что острова эти — не более, как голые скалы, вечно окутанные туманами, что на скалах этих не растёт даже тощее дерево, не греет там солнце, а вечно, почти круглый год дуют пронизывающие ветры, а море не «плещет, не убаюкивает своей волной», а «ревёт и стонет», и этот яростный рев моря, густые туманы, холод да ветры встретят и проводят всякого насельника того суровейшего уголка. Собираясь жить на Командорских островах, нужно это знать и быть к этому готовым, тогда, пожалуй, легче будет и жить там.

В шесть часов вечера, когда мы уже прошли Аскольд, позвонили к обеду. Обед и вообще всякая еда при однообразии морского путешествия играет в пароходной жизни столь крупную роль, что считаю не лишним сказать несколько слов о нашем продовольствии на «Гирине». Обед сервировался в кают-компании на восемь приборов: четыре прибора для пассажиров, три прибора для капитана, старшего его помощника и старшего механика, а восьмой прибор для жены капитана, прибалтийской латышки, ни слова не говорившей по-русски.

На стол подавалось множество тарелочек с закусками: солёной рыбой, кусочками колбасы, сыру, холодного мяса и проч.; тарелочек счёт много, но, собственно, закуски на каждой из них мало. Лишь только мы прожёвывали два-три кусочка какой-либо закуски, как услужливые бойки уже появлялись с тарелкою супу, еле прикрывающего дно тарелки, холодноватого, без кусочка мяса. Суп всегда безвкусный. Пять-шесть ложек супу — и китайцы несут уже второе блюдо, какую-нибудь разварную рыбу, чаще кэту или камбалу, непременно с картофелем,

подаваемым на особой тарелке, и всегда одним и тем же китайцем, у которого, кажется, и нет другого дела, как подавать картофель. Рыбу сменяли мясные жаркия, два подряд, и тоже с неизменным картофелем. После жарких подавалось какое-нибудь сладкое, а затем в заключение подавался стакан чаю, банка фруктов и орехи. По такой карте ели два раза в день: в двенадцать с половиной часов дня и в шесть часов вечера, а в восемь часов утра подавался мясной горячий завтрак.

Кушаний счётom много, но всё подавалось в таких маленьких дозах, что, выйдя из-за стола, можно бы с не меньшим аппетитом пообедать или позавтракать и вторично. За продовольствие взымалось в пользу ресторатора 2 руб. 50 коп. в день. На амурских пароходах берут по 2 руб. в день, кушаний дают меньше счётom, кормят реже, но стол на амурских речных пароходах не в пример лучше, чем на морском пароходе общества Китайской восточной железной дороги.

Особенно дурно подавался чай. Воду на «Гирине», как и на всяком морском пароходе, держат в особых цистернах. На других пароходах эти цистерны, быть может, держат более чисто, и там, поэтому, и вода чище, но на «Гирине» цистерну цементировали несколько лет тому назад, и стенки цистерны стали ржаветь. Пресная вода, наливаемая в цистерну помпой, прямо со шлюпки, в которой, случается, плавают, и дно которой попирают ногами, но никогда не моют, грязна сама по себе, а, попадая в грязную цистерну, она уже делается помоями. Когда нет качки, то вода в цистернах хоть немного отстаивается, но эта же вода во время качки до такой степени грязна, что нужно особое мужество, чтобы решиться выпить на «Гирине» стакан чаю, да ещё приготовленного китайцами, которые засыпают чай прямо в холодную воду и ставят его кипятить вместе с водою; чай, заваренный таким образом рано утром, стоит на плите целый день и, понятно, он теряет всякий вкус, всякое подобие того чая, к которому привык русский человек. На «Гирине» вся команда, исключая командира, штурманов и механика, состояла из китайцев и корейцев. Командир и его ближашие сотрудники, правда, русские подданные, но хорошо говорят по-русски только трое, да и те англоманствуют, ругают всё русское и хвалят, хотя больше понаслышке, всё английское.

Не скажу, чтобы на этом русском пароходе было хоть что-нибудь русское, один флаг разве русский, да образ святителя Николая в кают-компании, перед которым накануне праздников китаец, срывавший листки отрывного календаря и отличавший праздники

от будней по красным и чёрным числам, неизменно зажигал лампадку, говоря, что этот «русский Бог — хороший Бог: огонь гори — шторма нет, пароход качай нет».

Зажег китаец лампаду перед образом и 16-го числа, в субботу, но на этот раз лампада не помогла: с одиннадцати часов ночи погода стала свежеть, началась легкая качка, слышался заунывный свисток «Гирина», попавшего в полосу тумана. Качка всё больше и больше, свистки всё чаще и чаще, и в крохотном пассажирском помещении слышались легкие охи. Пароход покренивает уже так, что багаж, кое-как сложенный, ещё не прикрепленный, стал ездить по каютам, а там звякнул об пол и неубранный во время стакан.

Море вступало в свои права.

Целую ночь маялись пассажиры, не привыкшие к качке, и охали, и стонали, и требовали мятвые капли, и натирали виски мигренным карандашом, но это, видимо, помогало мало. Позвали боя, потребовали коньяку с лимоном, этого радикального средства от морской болезни, но и коньяк не помог. Ветер всё свежее, волна больше, и винт от времени до времени стал работать в воздухе, заставляя дрожать весь корпус и наполняя ужасом сердца незнакомых с морскими штормами.

Прошла ночь. Утром тумана не было, но небо заволокло тучами, и над морем нависла какая-то мгла. Качает, но слабее. 18-го июня рано утром вошли в Сангарский пролив, отделяющий Мацмай от Иезо. Показались японские острова. Около четырёх часов вечера показался Хакодате. По всем направлениям снуют японские суда и парусные, и паровые. Жаль, что идём мимо Хакодате: очень хотелось бы побывать в этом большом торговом японском городе и познакомиться с жизнью здешних японцев, которые сохранили ещё свою самобытность и живут по заветам старины. Но мы идём мимо и, поворачивая всё более и более на северо-запад, выходим из Сангарского пролива и попадаем в безпредельный океан.

Неприветливо он встретил нас. Свежаго ветра не было, но по океану ходила мертвая зыбь, не страшная, если она идёт прямо на нос судна, но страшная, если она хлещет о борты. Мы попали как раз в бортовую зыбь, и она дала себя знать. Вспомнили мы штормик в ночь на 17-е, пожалели о нём и желали скорее ветерка, да посвежее.

19-е и 20-е мы шли к северу вдоль японских островов, и чем дальше мы подвигались к северу, тем море делалось оживлённей.

В разных направлениях видны стайки морских птиц. То подлетит к пароходу, то отлетит от него какая-либо птичка, понадеявшаяся на свои силы и залетевшая в море дальше, чем следовало.

Удивительно доверчива птица, приютившаяся на отдых в каком-либо уголке парохода. Её, видимо, совсем не смущает ни движение людей по палубе, ни стук машины, ни скрип всего корпуса парохода, борющегося с морскою зыбью. И птица не даром верит людям: трогать отдыхающую птицу моряки, какой бы они нации не были, считают грехом. Первое время нас занимало, когда к пароходу подлетает стайка птиц. Долго она кружится около парохода, то улетаая от него, то подлетая вновь, пока, наконец, вся птичья компания, набравшись духу, решается залететь на пароход. Идя вдоль японских островов, мы привыкли к пернатым пассажирам, и нас ничуть не интересовало, сидят ли птицы на мачте, сидят ли оне на веревках у борта. Другое дело, если залетит на пароход молодая утка, как это часто случалось на возвратном пути в конце августа и начале сентября. Утка не может сидеть ни на мачте, ни на веревках, а сядет на палубе, на самой дороге, и никому не хочет уступать своего места. Сидит молодой топорок: идёшь мимо него, а он уже шипит, хочешь взять его в руки, а он лезет в драку, и забавляешься с ним от скуки, пока надоест, а затем выбросишь глупую птицу за борт и любишься, как она удирает, поминутно ныряя.

Морская пучина тоже не без жизни. То там, то здесь всплеснёт какая-то рыба, то проплывут, направляясь к северу, два-три морских котика. Котики, совершая свои путешествия, держатся почти всегда на самой поверхности воды, и когда они спят, то они ложатся на спину, а головы закрывают ластами и хвостом, так что спящий на волне морской котик похож на конверт. Мы, идя вдоль Японских островов и Курильской гряды, видели много котиков, направлявшихся, видимо, на лежбища.

20-го июня показались скалистые острова Курильской гряды, дикие, мёртвые, покрытые, несмотря на вторую половину июня, снегом. Было холодно в каютах, а на палубе даже мерзли ноги. В каюты пустили паровое отопление, но новыя трубы, проводившие текущий пар в каюты, раскалившись, наполняли их каким-то одуряющим смрадом, и вместо холода в каютах становилось так душно, что, хотя-нехотя, приходилось выходить на палубу и мерзнуть на пронизывающем северном ветре. На палубе можно было и простудиться, а могло обойтись и благополучно, но оставаться в каюте — это обречь себя на верную головную боль.

Шесты́я сутки мы были в море. И чем больше плыли, тем больше хотели скорее добраться до Петропавловска. Острова, наконец, не стали видны, чем больше мы удалялись от островов, тем меньше было жизни в море: не залетали уже к нам птицы, не видны были всплески рыб. Кругом, как видит глаз, море — серое, солёное, скучное, всё время качает, всё время холодно и всё время шипит в трубах текущий пар, делая невыносимым, по крайней мере для меня, пребывание в каюте.

22-го июня к вечеру ветер стал свежеть, а 23-го июня, с четырёх часов вечера, когда мы были милях в ста от мыса Лопатки, мы попали в жестокий шторм.

По морю ходили не волны, а целые горы, между которыми зияли пропасти. Бедный пароход, вздрагивая, то подымался на гребень волны, то стремительно летел вниз, черпая воду и носом, и бортами, а винт, почти всё время работая в воздухе, не только не давал ходу, но первое время пароход держался почти на нуле, а затем, 24-го июня, с десяти часов утра и до пяти вечера, когда шторм наиболее окреп, мы получили скорость при полной работе машины минус две мили в час, то есть мы шли не вперёд, а разбушевавшееся море гнало нас назад.

Нас трепало двое суток. Насколько силён был шторм, заставший «Ги́рин» вблизи Лопатки, видно из того, что командир военного транспорта «Яку́т», стоявшего на якоре в Петропавловской бухте, опасаясь, чтобы судно не выбросило бурю на берег, принял особые меры, рекомендуемые морским уставом для якорных стоянок во время особо сильных штормов. А мы ведь были в открытом море.

Но всему бывает конец, и свирепый шторм в семь часов вечера 24-го июня стих. Мы пошли вперёд, а 25-го к разсвету пришли на высоту Авачинской губы, и взошедшее солнце осветило нам чудные снеговые вершины камчатских красавиц-сопок: Авачинской и Коряцкой.

Кончились наши страдания, и мы радостно входим в Авачинскую губу. Справа от нас Петропавловский маяк, а там показались за створами бухты и камни: «Три брата», «Монах» и «Бабушка». Показалась Сигнальная гора. Ход всё меньше и меньше. Мы вошли в Петропавловскую бухту. Вот и якорь отдали.

В Петропавловске ожидали, что на «Гирине» прибудет военный губернатор генерал Чичагов, и к пароходу, лишь стал он на якорь, подходили шлюпки, на которых восседали местные власти, купечество и даже простые обыватели. Причалил к «Гирину» и па-

ровой катер, на котором сидели командир «Якута», капитан 2-го ранга Н., и старший офицер, капитан 2-го ранга Е.

В Петропавловске, как и всюду в северных округах Приморской области, ждут пароход с нетерпением: пароход привозит и новости, и почту, и различные запасы, выписываемые из Владивостока. Лишь покажется пароход в створах Авачинской губы, как в Петропавловске все мальчишки кричат во все горло: «Пароход идёт!» и бьют при этом в сковороды и медные тазы. Все волнуются, все ждут от парохода чего-нибудь особенного, и это понятно, если принять во внимание, что в тех краях нет телеграфа, нет иного сообщения с остальным миром, как на пароходах.

На палубу «Гирина» один за одним стали подыматься петропавловцы, а мы встречали их. Начались взаимные приветствия, расспросы о том, что делается на Божьем свете, что делается во Владивостоке, Хабаровске и т. д. «Гирин» не привёз сенсационных новостей, редко привозят их и другие пароходы, но при всяком новом пароходе камчатский обыватель неизменно ждёт чего-нибудь особенного.

И прибывшие, и встречавшие прошли в кают-компанию поздравить пароход с прибытием: таков уж обычай. В кают-компании за лёгкой холодной закуской происходит первое знакомство с местными жителями, а затем, если пароход прибыл до заката солнца, то вновь прибывший в этот же день делает визиты ко всем тем, с которыми познакомился на пароходе. Визиты в Петропавловске, да и везде в северных округах, оригинальны.

Пришли вы к А., вам сейчас же предлагают обильное угощение, и вы обязаны попробовать и того, и другого. Предлагают угощение так радушно, да и самое угощение такое вкусное, что хочешь — не хочешь, отведаешь и того, и другого. От А. вы идёте к Б., но уже не один, а в компании с А.; у Б. тоже угощение и такое упрашивание гостя «покушать», что кушаешь и у Б., а затем идёшь к В., но уже в компании с А. и Б., и везде угощают. В конце-концов, вы делаете последний визит, и в вашей компании вы видите представителей всего петропавловского общества.

ГЛАВА II. РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ НА КАМЧАТКЕ И СПОСОБЫ ЗАГОТОВКИ РЫБЫ ВПРОК ЖИТЕЛЯМИ ЭТОЙ СТРАНЫ

Я недолго оставался в Петропавловске, ибо не мог упустить случая отправиться на «Якуте» к мысу Лопатке, а затем на западный берег Камчатки, рыбные богатства которой всё более и более

привлекают внимание японских рыбопромышленников, ежегодно снаряжающих к берегам этой страны целые флотилии парусных шхун.

Говоря об этой поездке, я должен коснуться вопроса о рыбных и вообще морских богатствах Камчатки и о положении дела эксплоатации их. Этот вопрос, конечно, более основательно будет рассмотрен моим спутником по путешествию на «Гирине» и «Якуте» Н. Я. Домашневым, специалистом рыбного дела, но это едва ли лишает меня права также высказаться об этом предмете. Затрагивая положение рыбного промысла в Камчатке, я далёк от мысли предрешать этот важный вопрос, а я просто расскажу то, что видел, что слышал.

В моих рассказах, быть может, встретятся факты, несогласные с теми, которые, составляя достояние литературы со времен Крашенинникова, подтверждены позднейшими учёными исследователями. Я не задаюсь целью опровергать что бы то ни было, а я задаюсь целью сказать в этой статье только то, что я или наблюдал своими собственными глазами, или слышал непосредственно от жителей Камчатки.

Наблюдая то или другое явление непосредственно, я мог его понять не так, как следовало, а рассказы жителей могли и не соответствовать истине, и своё сообщение я не выдаю, поэтому, за непреложную истину, хотя и полагаю, что оно близко к ней.

В недавно изданной Министерством финансов книге Слюнина под названием «Охотско-Камчатский край», а равно и в книге Маргаритова, изданной нашим отделом, перечислены все породы камчатских рыб, как обитающих в камчатских реках, так и рыб ходовых, появляющихся в реках в известные периоды для метания икры, причём для этой последней рыбы в сказанных книгах указаны даже сроки пребывания их в пресных водах.

Рекомендуя интересующемуся эти книги, я прямо перейду к описанию рыбного промысла в Камчатке.

Рыболовные снаряды, употребляемые камчатскими инородцами, суть деревянные запоры самого примитивного устройства. Запоры делаются из деревянных пластин шириною в вершок, толщиною четверть вершка, высотой около сажени. Эти пластины вделываются в четырёхугольные рамы длиною от полутора до двух сажен. Таких рам делается четыре. Две из них ставятся параллельно, а к одной из них привязывается третья рама так, что свободный конец рамы лежит по линии другой, параллельно поставленной. К свободному концу третьей рамы привязывает-

ся под острым углом четвёртая рама с таким расчётом, чтобы конец её проходил немного дальше и в сторону от параллельной рамы, образуя небольшой коридор. К другим концам параллельных рам прикреплена дверь, закрывающая вход. Около этого входа по обе стороны концов рамы вбиваются кольца, между которыми вкладывается открытым концом к двери сделанное из деревянных же пластин, отстоящих одна от другой на один вершок расстояния, подобие бочки продолговатой формы, диаметром около трёх четвертей аршина, а длиною около двух сажень. Один конец бочки заделан такими же пластинами, из которых устроены все части запора. Описываемая бочка предназначена для входа туда чрез открытые двери рыбы. В верхней части около закрытого конца бочка имеет отверстие, закрываемое доскою. Отверстие служит для выбрасывания попавшей рыбы. Для постановки запора в дно реки в удобных местах вбивают кольца, переплетают их тальником, а на глубине двух аршин привязывают ко вбитым кольям рамы запора, и обращают вход в коридор по течению реки. С другой стороны запора опять идёт небольшой промежуток, заделанный тальником до дна реки, а затем ставится следующий запор. Количество запоров зависит от ширины реки, и река, таким образом, перегораживается с одного берега до другого.

Рыба, стремясь вверх реки для метания икры, встречая на пути своём преграду, ищет прохода и, вплывая в довольно узкий коридор между рамами, не имеет возможности повернуться, чтобы идти назад и, доходя до конца параллельно стоящей рамы, повертывается вниз по течению реки. Между параллельно стоящими рамами попадает она чрез открытую дверь в продолговатую бочку. Когда бочка наполнится рыбою, то инородец подплывает на лодке к запору, закрывает дверь и приподнимает бочку между колеи вверх, а затем, открыв верхнее отверстие, достает оттуда всю попавшую рыбу. Большие воды часто сносят один или несколько запоров. Рыба, имея свободный проход, не идёт уже в коридоры других запоров. Случается, что прибывшая вода сносит все запоры, и в большие воды приходится ловить рыбу неводами или сетями, или ожидать спада вод.

В узких речках запор ещё проще. Это не более как бревенчатый ящик, две стороны которого могут быть закрываемы или открываемы при помощи так называемого плетня. В такой ящик с началом рыбного хода попадает так много рыб, что жители прямо не знают, куда и девать её.

Пункты, где устроены такие запоры, называются летниками, и туда выезжает на летние месяцы всё соседнее население со всем своим скарбом. Здесь строят из тополёваго леса дома, не более четырех аршин ширины и длины, всегда без потолка. Возле стен такого дома расположены нары, а посередине устроен очаг, над которым сделано в крыше отверстие. Все пространство между крышей и верхним венцом сруба наполнено балыками, брусками, которые день и ночь копятся дымом от очагового огня, причём топливом служат исключительно гнилушки, к которым от времени до времени подбрасываются можжевельниковы ветки, дающие дым приятного запаха, прекрасно коптящий балыки и брусочки. Дым в летней хатке нужен не только для копчения рыбы, но он нужен и как средство для борьбы с невыносимыми камчатскими комарами и мошкой.

На околице такого летника проводят летние месяцы и ездовые собаки, привязанные к кольям, вбиваемым для каждой собаки в отдельности. Подъезжая к летнику, версты за две уже слышишь невыносимую вонь разлагающейся рыбы и чем ближе подходишь к нему, тем запах всё резче и отвратительней. Дышишь ртом, но и это помогает мало.

При въезде в летник вас встречает адский лай сотен собак. Привязанные собаки лишь завидели постороннего, начинают рваться и, сорвись оне, несдобровать — их несколько сот, а злы оне непомерно.

Собачий яростный лай, сменяющийся затем жалобным воем, действует на нервы отвратительно, а тут вонь, а тут и камчадалы, потрошившие рыбу несколько недель подряд, но ни разу за это время не менявшие белья и одежды и не мывшиеся теплой водой.

Самое видное место на летниках занимают рыбные вешала, простые навесы, крытые травой или корьём. В призматическом пространстве крыши камчатских вешал устроены параллельные ряды жердей, на которых вешается для сушки рыба, разрезанная вдоль спинного хребта на две пластины, причём самая кость и голова при ней вешается отдельно, а мясо рыбы, разрезанное до хвоста, вешается отдельно. Голова и кости есть лучший корм для собак во время зимних поездок, а рыбы бока, до хвоста включительно, если удастся хорошо засушить их, — и есть знаменитая юкала, главное продовольствие всего населения северных округ.

Но хорошо просушить юкалу удастся не часто. Травяные и корьевые крыши вешал, редко ремонтируемые, плохо защищают висющую под ними рыбу от дождя, и если, как это часто случается

в Камчатке, зарядит на несколько дней дождь, то рыба, подмоченная дождем, начинает гнить, и хвостовые связки, подгнивши, не могут выдерживать тяжесть рыбьей туши, и юкала валится на землю и пропадает окончательно.

Человеку брезгливому не следует входить в вешала. Одновременно с рыбой появляется в Камчатке множество комаров и прочих насекомых твари. Вся юкала сплошь покрыта насекомыми. Они и питаются соками подвешенной рыбы, и кладут на рыбу свои яички, и вы, взглядевшись в любую рыбину, видите её покрытую неисчислимым множеством белых червей с чёрными головками. Черви падают на землю и покрывают белым слоем весь пол вешала, и вы не можете и шагу ступить под его крышей, чтобы не дать массы червей. С непривычки может стошнить не на шутку.

Рыбу вынимают из запора несколько раз в день, лишь только запор заполняется ею от края до края. Вынимают рыбу особыми крючками, а когда вынут, то считают её и делят на паи. Единичею пая служит взрослый работник, каюрная душа, как говорят в Камчатке, а дети и женщины принимаются за половину каюрной души. Рыбу обдeldывают тут же, у самого берега, и вся обделка сводится, собственно, к потрошению рыбы и срезке её мягких частей от головы до хвоста, оставляя последний как связку обеих пластин рыбы. Внутренности и икра бросаются тут же, на берегу речки. Мелкая порода рыбы, так называемая горбуша, не более трёх футов весом, прямо целиком бросается в особые ямы, в которых она, будучи затем засыпана землёй, загнивает. Загнившая и превратившаяся в невероятно смрадную кашицу, она служит кормом для собак, причём рыба в ямах, если оне не раскрыты, может быть годна для собак и по истечении двух-трёх лет.

Сколько же попадает в описываемой запор рыбы за весь период её хода? Трудно сказать это, и всякая статистика этого вопроса — праздная попытка. Идёт в такой запор столько рыбы, что, сколько бы её ни портили, сколько бы её ни сваливали в ямы, сколько бы её ни падало с вешал, её всегда будет достаточно для населения данной речки и, думая мы, было бы достаточно и для населения в несколько раз большего, чем теперешнее. Случается годами, что рыбы, вообще, идёт мало, но такие годы редки. Камчадалы, хотя и избалованы обилием рыбы, но заботятся о её размножении. Рыбу, как мы сказали выше, выбирают ежедневно и по несколько раз в день, но во все праздничные дни, без малейшего исключения, рыбе даётся свободный ход. В воскресные и праздничные дни запоры по всем камчатским рекам поднимаются и рыбе

ничто не мешает в ея стихийном стремлении идти вверх по реке. Мало того, ни один камчадал в праздник не станет чем бы то ни было ловить рыбу.

Кроме запоров ловят на Камчатке рыбу неводами, сетями и на крючок. Неводов мало. Лов рыбы неводами производится так: невод или связанные сети ставятся в известном месте реки или моря, саженьх в десяти от берега. Место выбирают глубокое. Концы веревок от невода держатся на берегу. Когда рыба войдёт в пространство между неводом и берегом, тогда невод вытягивается. Промысел рыбы чавычи производится исключительно сеткой. Сети делаются с восемью крупными ячейми. Сеть берется в бат, который вместе с другим батом заводится вверх по реке и там, растянув сеть поперек реки между батами, плывут на батах по течению реки и тянут сеть. Чавыча, идя вверх по течению реки, попадает в сеть и запутывается в ней. Тогда промышленники, вынув из сети рыбу, вновь растягивают сеть между батами и плывут дальше, затем опять заводят сеть вверх по реке и повторяют те же приёмы.

По берегам речек, в местах осеннего промысла, уже покрытых толстым слоем снега, выкапывают до земли ямы, бока которых обставляют тальником, и туда складывают всю добытую рыбу. Закрыв яму сверху жердями, засыпают её снегом. Рыба таким образом сохраняется свежою до таяния снега. Если снега ещё не глубоки, то делают из деревянных жердей небольшие срубы — сайбы, и туда складывают до весны мёрзлую рыбу. С наступлением теплого времени эта рыба портится и имеет очень сильный, острый запах, но камчадал употребляет такую рыбу в пищу, и только при совершенном ея разложении она идёт для прокорма собак.

Таковы способы ловли рыбы камчадалами. Они примитивны, как примитивна и вся, вообще, жизнь в этой стране. Огромные, можно сказать, несметные рыбные богатства лежат здесь втуне, служа для местного населения и его ездовых собак лишь кормом, тогда как та же рыба, будь она в руках более развитого населения, могла бы служить средством его обогащения.

Проведение Великого сибирского рельсового пути внесло живую струю и в жизнь Камчатки. Явились там предприниматели, которые пробуют извлечь должную пользу из камчатской рыбы. Мысль о приготовлении камчатской рыбы к экспорту принадлежит теперешнему камчатскому окружному начальнику, статскому советнику Ошуркову, и зерно, им брошенное, выросло теперь в солидное фабрично-заводское предприятие, речь о котором ниже.

Трудно предрешить будущность новаго камчатскаго завода, только что открывшаго свои операции, но предприятие это даже и в лето сего года с первых своих шагов предвещает произвести радикальный перелом в экономическом строе Камчатки, ибо паровой рыбо-консервный завод, построенный на берегу Тарьинской бухты в восемнадцати верстах от Петропавловска и пущенный в ход 8-го июля минувшаго 1901 года, немедленно, с первым же оборотом своих многочисленных машин, дал известную цену каждой местной рыбе. Так что бросать её, как то делалось в Камчатке до открытия завода, стало невыгодным, ибо рыба с открытием завода приобрела известную и при том постоянную рыночную ценность, а это, если завод будет действовать и впредь, повернёт вверх дном весь жизненный обиход камчадала, решительно не знавшаго до сего времени, куда девать ту массу рыбы, которую ежегодно посылал Бог в камчатския реки, а потому, как видели мы выше, и ловившаго, и засолкой заготавливавшего рыбу впрок также, как ловят и заготавливают её аборигены того края, первобытнейшие северные инородцы.

ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ НА КАМЧАТКЕ РЫБНОГО ПРОМЫСЛА. РУССКИЕ И ЯПОНСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

История развития в Камчатке рыбнаго промысла весьма поучительна. Она, прежде всего, указывает, что рыбныя богатства этой страны всего более переходят в руки японцев, что мы не принимаем ровно никаких мер к охране наших богатств от японцев и в то же время не содействуем развитию на Камчатке собственного русскаго рыбнаго промысла.

В 1895 году, когда прибыл на Камчатку доверенный Русскаго товарищества котиковых промыслов г. Гринвальд, начальник округи стал убеждать его заняться помимо торговли и рыбным промыслом. Весною 1896 года Ошурков отправился вместе с Гринвальдом на пароходе «Котик» на устье реки Камчатки, где и отвёл в пользование товарищества рыболовный участок, обложивши упромышленную рыбу пошлиной, установленной временными правилами, утвержденными приамурским генерал-губернатором 2-го декабря 1894 года. В эту навигацию Гринвальдом было доставлено 900 пудов соли и соответствующее количество бочек, причём на усть-камчатскую рыбалку Русскаго товарищества котиковых промыслов был привезён Зубков, архангельский помор, специалист-засольщик и бондарь и, как оказалось, больше на словах.

В сезон 1896 года на устье реки Камчатки Гринвальдом было упромышлено и засолено всего 87 бочек чавычи, 34 бочки разной прочей рыбы лососёвых пород, всего весом 1 218 пудов.

Для обучения искусству солить рыбу и делать бочки Ошурков командировал к Зубкову двух казаков. К сожалению, первый засол камчатской рыбы по архангельскому способу оказался плохим, и рыбу, отправленную через Сан-Франциско в Петербург, пришлось выбросить в море ещё не доезжая Сан-Франциско, а девять бочек, оставленных в Усть-Камчатске для отправления их с навигацией 1897 года в г. Владивосток, испортились настолько, что усть-камчатский частный командир, даже привыкший к запаху тухлой рыбы, нашёл невозможным не уничтожить эти девять бочек и 20 июня 1897 года составил акт о полной негодности рыбы, засоленной Зубковым, и выбросил её в море.

Гринвальд, не ожидая таких печальных следствий своего нового предприятия, ещё с осени 1896 года заказал для дальнейшей засолки рыбы 500 бочек и 2 500 пудов отборной соли, и этот заказ бочек и соли хотя и пришёл в Петропавловск своевременно, но уже тогда, когда обнаружилось полное незнание Зубковым того дела, за которое он взялся. Заменить же Зубкова было некем.

На неудачном опыте 1896 года кончилась попытка солить камчатскую чавычу по образцу двинской семги и снабжать ею не только петербургский и московский рынки, но и рынки заграничные.

В то время, когда Гринвальд прогорал на своём предприятии, на Амуре энергично вводились новые правила о рыбных промыслах, и японцы вместо устья Амура и речек, впадающих в Императорскую гавань и в другие заливы нашего побережья, обратили внимание на привольную Камчатку и не замедлили показать здесь своё искусство заготавливать рыбу впрок по особому способу, который не требовал ни бочек, ни отборной соли, ни какого-то бы ни было искусства.

Этот способ, так называемый японский сухой, понравился и Гринвальду, и он ещё в 1896 году выпросил себе рыболовный участок у устья реки Столбовой, впадающей в бухту того же имени, расположенную в нескольких верстах от Камчатского мыса, и, потерпевши полное фиаско в архангельском способе, в 1897 году вместо продолжения своих неудачных попыток послал на реку Столбовую сорок восемь человек японцев ловить там рыбу и солить её сухим способом. Способ этот состоит в том, что рыбу, только что пойманную, потрошат, пластуют, складывают рядами на циновку, обильно пересыпают каждый ряд сухой солью, а затем покрыв-

вают известное количество рядов такой рыбы простою циновкою и оставляют затем рыбу на произвол судьбы до того времени, когда её можно будет везти в Японию. Рыба, заготовленная таким образом, не портится и охотно покупается на японских рынках и даже по высокой цене.

С этого времени, то есть со дня посылки Гринвальдом японцев на реку Столбовую, и начинается хозяйничанье японцев в камчатских водах, которому, если немедленно не заведут специальную сторожевую шкуну, известных морских качеств, надлежаще вооружённую, не предвидится и конца.

Операция Гринвальда на Столбовой была удачна: японцы за солили восемь тысяч пудов, и вся эта рыба была вывезена в Японию и продана там по высокой цене. Наловили японцы рыбы и, вероятно, не меньшее количество, и на устье реки Камчатки, но сколько было там японских рабочих, и сколько последние наловили рыбы, я не нашёл об этом сведений в делах Петропавловского окружного управления, хотя жители села Ключевского 14 июля 1897 года жаловались усть-камчатскому частному командиру, что в реке нет рыбы. «И мы так располагаем, — пишут жители, — что это не от ловли ли японцев».

В 1898 году Русское товарищество уже расширяет свой промысел японскими рабочими. Оно берёт рыболовные участки: в устье реки Камчатки, в Тарье, в Озерной, причём за операцию 1898 года им уплачивается одной попудной пошлины 1 941 руб. 57 коп., что при 5 коп. с пуда дает 30 831 пудов солёной рыбы.

В 1899 г. товарищество расширило свои промыслы уже настолько, что оно уплачивает пошлины в три раза больше против 1898 года, а именно 5 840 руб. 40 коп.

Вся масса рыбы, упромышленной японскими рабочими в камчатских водах за промысловый сезон 1899 года, была благополучно вывезена в Японию, и товарищество получило немалые барыши, что обратило на себя внимание предприимчивых людей, и в Петропавловское окружное управление с первою почтою 1900 года стали поступать многочисленныя заявления об отдаче рыболовных участков в аренду. Некий надворный советник Чекерский просит отдать ему северо-восточный берег Тарьинской бухты, участок у устья реки Паратунки, впадающей в Авачинскую губу, и участок по берегу бухты Лагерной. Действительный статский советник Ивашинцев просит отдать ему участок у подножия горы Никольской, где находятся и склады угля военного ведомства, и пакгаузы Русского товарищества котиковых промыслов, и склады

общества Китайской Восточной железной дороги. За этими чиновными предпринимателями потянулись и предприниматели простые: крестьянин Зубков, мещанин Огородников, ссыльно-поселенец Беккер и многие другие.

Все эти предприниматели, как оказалось впоследствии, не имели ровно никаких капиталов, и всякий из них рассчитывал извлечь выгоды из своего русского имени, ибо согласно новому закону, утвержденному Приамурским генерал-губернатором 1-го ноября 1899 года, лов рыбы японцам в северном районе был воспрещён, а этот лов предоставлен исключительно русским подданным. 26-го июня 1900 года заведывающий рыбными промыслами Приамурского края Н. Я. Домашнев на основании этого закона уже отказал двум японским шкунам в выдаче им разрешительных документов на право рыбного промысла у устья реки Камчатки.

В то самое время, когда с надлежащей строгостью была соблюдена формальная часть нового закона, в Петропавловск приходит японский пароход «Избуки-мару», зафрахтованный владивостокским купцом Бринером, на котором привозится 18 000 пудов соли на сумму 21 тыс. руб., и общий промысел японскими рабочими, но под русскою фирмою, выражается следующими цифрами:

У Зубкова на четырнадцать рыбалках, расположенных у устья различных камчатских рек, работало 462 японца; у Русского товарищества котиковых промыслов на двадцати семи рыбалках работало 600 японцев, у Бринера на девяти рыбалках работало 348 человек японцев, у Кахтина, доверенного графа Кейзерлинга, в бухте Карягинской работало 45 японцев.

Русские промышленники работали японскими рабочими в рыболовный сезон 1900 года легально, ибо сие было разрешено приамурским управлением государственными имуществами 7-го марта текущего года, о чем отношением от того же числа за № 1387 была и уведоmlена Петропавловская окружная администрация.

От поименованных промышленников в сезон 1900 года поступило в казну следующее количество сбора: от Зубкова — 7 846 руб. — коп., от Русского товарищества котиковых промыслов — 8 014 руб. 30 коп., от Бринера — 1 239 руб. — коп., от Кахтина — 707 руб. 40 коп.

Кроме того, за рыбные участки, отданные на сезон 1901 года, поступило в казну 4 284 руб. — коп. А всего 22 047 руб. 70 коп. Одновременно с промышленниками, ловившими рыбу в камчатских водах на основании выбранных ими документов, за которые внесены ими и подлежащие сборы в пользу казны, промышленляли

и хищнические японские шкуны. Хищники оперировали и на восточном, и на западном берегах Камчатки, но сколько было хищнических шкун — этого никто не знает. По подсчёту русского консула в Хакодате и по заявлению г. Яковлева, доверенного Бринера, в сезон 1900 года в Камчатском районе промысляло более тридцати хищнических парусных японских шкун. Во всяком же случае, японских рыболовов-хищников было значительно больше, чем производивших промысел на законном основании по выбранным установленным порядком документам.

Такой наплыв японских хищников в камчатские воды объясняется огромным спросом рыбы на японских рынках, а затем и высокими на неё ценами, обуславливаемыми, как нам передавали коммерсанты, всё более и более повышавшеюся арендной платой за рыболовные участки на Амуре.

В прошлом году была некоторая льгота русским промышленникам, состоявшая в том, что им, несмотря на вновь введённые правила, было разрешено производить промысел японскими рабочими. В этом году этой льготы не дали, но на неё надеялись, и возможность новой льготы послужила на пользу многих предпринимателей, из коих один, а именно Зубков, попался с поличным.

Японцам рыба нужна во что бы то ни стало. Рыба для Японии — вопрос жизни. Камчатское побережье, несмотря на ежегодное крейсирование «Якута», речь о чём ниже, собственно говоря, совершенно незащищено, и русские местные власти не имеют в своём распоряжении ровно никаких способов заставить наших соседей уважать распоряжения русского правительства. Зная это, японцы и в этом году хлынули в Камчатку на рыбные промыслы, причем японцев-хищников было в текущем году больше прошлогоднего, так как один командир «Байкала», собирая в июле месяце 1901 года по западному берегу Камчатки рыбу прошлогоднего промысла, производившагося котиковым товариществом, насчитал на одном только западном берегу тридцать две парусные шкуны, а кроме западного берега есть и восточный. В этом году, если не считать плавания «Якута», вдоль восточного берега Камчатки проходил только пароход Восточной китайской железной дороги «Гириин», который хотя и не занимался осмотром восточного берега, ибо он имел точно определенный рейс, хотя командира «Гирин» и не занимал вопрос о количестве японских хищнических шкун, но он, тем не менее, не только насчитал на своём пути свыше 20 японских парусных рыболовных шкун, но он, бросивши якорь в бухте Корфа, имел от казака, оберегающего эту

бухту от вражеских покушений, письменную просьбу изгнать японских хищников (рапорт начальника Гижигинской округи военному губернатору Приморской области от 24 августа 1901 года за № 252) из ея окрестностей, чего «Гири́н» за погоду, недостатком времени и по неспособности его для этой цели, не мог сделать.

Доказывать, впрочем, что и на восточном, и на западном берегу Камчатки промышляют целыя флотилии японских хищнических шкун нет никакой надобности, ибо при отсутствии там охраны иначе не может и быть. Не все, однако, японцы уверены в безнаказанности хищнического промысла, и у многих из них наблюдаются попытки соблюсти законность, но, к сожалению, это похвальное качество японцев в лето 1901 года пошло не на пользу казны и Камчатки, а на пользу предпринимателей.

Нужно заметить, что Приамурское управление государственными имуществами, озабочиваясь охраною камчатскаго побережья от японских хищников, в прошлом, 1901-м, году учредило на западном берегу Камчатки должности двух надзирателей с окладом 600 руб. в год каждому. Хотя восточный берег Камчатки и остался вне надзора агентов управления, хотя упомянутые два надзирателя, не имея в своем распоряжении никаких плавучих средств, могли оказать сомнительное сопротивление хищничеству японцев, особенно, если принять во внимание, что наблюдение этих двух надзирателей предоставлена береговая полоса свыше 1 200 вёрст, тем не менее, один из этих надзирателей, Сотников, ухитрился не только конфисковать хищническую японскую шкуну, но и дать документальное основание к заключению, что попутно с японцами хищничают и русские предприниматели.

13-го июня 1901 года Сотников конфисковал на устье реки Апалы японскую шкуну «Сейсио-мару», у которой не оказалось разрешительных документов, и которая поэтому была признана хищнической. В числе судовых бумаг, переданных капитаном «Сейсио-мару» Сотникову, находилось удостоверение, выданное шкуне Зубковым и явленное им 2-го мая 1901 года у владивостокскаго нотариуса Макаренко по реестру № 840, в том, что шкуна сия зафрахтована им, Зубковым, для перевозки материалов, припасов и инструментов из Японии в Камчатку на его, Зубкова, рыбные промыслы, а затем для перевозки из Камчатки в Японию солёной рыбы. Когда в числе бумаг, заарестованных Сотниковым, оказалось и это компрометирующее Зубкова удостоверение, то он подаёт Сотникову следующее заявление:

«Зафрахтовал шкуну “Сейсю-мару” мой доверенный в Японии Года-Мицимоса для перевозки в Камчатку различных материалов и других припасов, и я выдал шкуне удостоверение в том, что, действительно, шкуна зафрахтована мною, но когда получил от того же моего доверенного, Года-Мицимоса, уведомление, что командир этой шкуны передал груз обратно ему, Годе, отказался от зафрахтования, а идёт в Камчатку от японцев Маримото и Сото для покупки рыбы у гильчинских жителей, я хотел взять обратно своё удостоверение, но не мог этого сделать; оно осталось на шкуне, и я прошу считать его недействительным и возвратить его мне».

Сотников, посылая на распоряжение окружного начальника протокол о конфискации шкуны «Сейсио-мару» и торговое производство по продаже неводов этой шкуны и упромышленной ею рыбы, вместе с тем писал окружному начальнику следующее частное письмо, которое я привожу дословно: «Ваше Высокородие, Петр Александрович! Во-первых, сего покорнейше прошу в нижеследующем. Примите от души моё чистое откровение с пожеланием всего хорошего в предприятиях и мире, а пуще всего дорогого здоровья. При этом почтительнейше убедительно я вас прошу в случае каких-либо моих личных, на первый ныне раз, опшибок, именно в конфискации шкуны “Сейсио-мару”, производившей без документов рыбный промысел в реке Апалой, и в продаже конфискованного, то таковыя направить на дальнейший путь.

Во-вторых, совесть моя заставляет высказать вам, что эта названная шкуна сегодня в восемь часов вечера из реки вышла и близ устья остановилась на якорь, а часов в девять-десять вечера я узнал чрез немного лепечущаго по-русски японца с другой шкуны, “Иа-мару”, стоящей вблизи устья, фрахтованной Зубковым, что Зубков был на конфискованной мною шкуне и японцам на ней предложил идти прямо в Японию, не заходя в Петропавловск, в виду падающего на них штрафа. Из этого я заключаю, что Зубков является большим японским помощником. А может — шкуна и зайдёт».

Это безхитростное письмо Сотникова ярко рисует всю картину борьбы русской власти с японскими хищниками на Камчатке. Сотников конфисковал шкуну, отобрал у нея документы (чего надо ещё больше?), но он не уверен, что шкуна в виду «падающего на неё штрафа» пойдёт в Петропавловск платить оный. И думает так Сотников вполне основательно.

Дело в том, что редкая японская шкуна, конфискованная русскою властью, пойдёт туда, куда ей указывают наши власти, а она,

как это может подтвердить Н. Я. Домашнев, непременно пойдёт в Японию, ибо те документы, сложенные в жестяную цилиндрическую трубку, которую безропотно и охотно передают русским властям командиры японских шкун, не суть документы, имеющие в Японии юридическое значение. На Камчатке все утверждают, что судовым документом японской парусной шкуны служит особая дощечка с известною надписью. В дощечке врезана печать, и эта-то дощечка и есть истинный судовой документ, потеря которого лишает шкуну права свободного плавания в японских водах. Эта дощечка носится командиром судна на груди на шнурке или цепочке, подобно нашему шейному кресту.

Русские власти, конфискуя японские шкуны, ни разу не попытались получить эту дощечку, потому ли, что им неизвестно об её существовании, или потому, что японцы не отдают её. Что у японских судовладельцев есть такие дощечки, или что-нибудь иное подобное, и что выдаваемые ими русским властям судовые документы, всегда свёрнутые в трубочку и хранящиеся в особом жестяном цилиндре, не имеют ровно никакого значения, — в этом не может быть никакого сомнения, ибо ни разу ведь не случилось, чтобы та или иная конфискованная шкуна, у которой в знак гражданской смерти отобрали судовые документы, явилась в назначенный ей пункт для обратной их выборки. Японская шкуна, лишившаяся документов, свободно идёт в японский порт и благополучно плавает, тогда как любое европейское судно, утратившее по той или другой причине свои документы, уже не может плавать: его заарестуют за бесписьменность в любом порте и даже, как говорят, в японском.

Вопрос о значении документов, отбираемых русскими властями у японских парусных шкун, имеет большое значение в деле охраны охотско-камчатского побережья от японских хищников, и он настолько серьёзен, что заслуживает скорейшего его разрешения.

Таким образом, русские власти, вводящие в действие новый закон о рыбных промыслах в северном районе, с одной стороны, не имеют способов фактически воспрепятствовать хищническому промыслу японцев и силою заставить иностранцев уважать распоряжения русского правительства, а с другой, если им даже и удастся конфисковать японскую шкуну, то эта конфискация на практике сводится, собственно, к получению русскими властями жестяного цилиндрика, заключающего бумаги, не имеющие ровно никакого значения. И в водах Охотско-Камчатского края всё более и более развивается хищнический

промысел японцев, которому способствуют и некоторые русские предприниматели, вроде Зубкова, и другие, существование которых несомненно, но которые пока ещё не пойманы, а потому и не могут быть названы по имени.

Если заглянуть в книги кассы петропавловского специального сборщика, то сумма дохода, поступившего в эту кассу от рыбного промысла в 1900 году, и сумма сбора, поступившего в 1901 году, приводит к заключению, что японцы не считают уже нужным входить в какую бы то ни было сделку с русскою казною на право рыбного промысла в Охотско-Камчатском крае, а что они, не без советов, конечно, Зубкова и ему подобных предпринимателей, прямо идут на место промысла, где они рискуют разве потерять на одной-двух шкунах невода и упромышленную рыбу, а затем ничтожную жестяную трубочку с какими-то японскими каракулями.

Не нужно быть и пророком, чтобы сказать, что хозяйничанье японцев в наших северных водах будет развиваться с каждым годом всё более и более, и если русское правительство не примет, и при том немедленно, энергических мер к обузданию японских хищников, то наши рыбные богатства постигнет та же участь, какая постигла бывшие богатства наших северных морей китами, моржами и прочими морскими зверями, от которых теперь осталось лишь одно воспоминание.

В своё время граф Муравьев-Амурский настоятельно хлопотал об особых судах, которые имели бы своим специальным назначением охранение наших северных морей от хищничества иностранцев. Муравьева не послушали — морских судов, приспособленных к охране наших морей от иностранных китобоев, не дали, и киты истреблены. Они не ходят уже теперь такими стадами, какими ходили пятьдесят лет тому назад. Истреблены и моржи, ибо на лайдах восточного побережья Камчатки, на земле Гека, что при входе в Анадырский лиман, их не считают уже тысячами, а считают несколькими десятками, да и то не во всякий год. Да и откуда браться моржам, если их беспощадно истребляли и истребляют даже и в наши годы. Вот что доносил не так давно, всего шесть лет тому назад, петропавловский окружный начальник приморскому губернатору Унтербергеру:

«В прошлом году американец Прот на бриге “Пай” с довольно многочисленной командой и нанятыми для добычи моржей инородцами Карачинского селения добыл на песчаном лайде, что у мыса Семёнова, 1 500 штук моржей. Промысел производился посредством закалывания моржа железными копьями, насаженными на

шесты, более сажени длины; на лежбище мыса Крашенинникова моржи добывались стрельбою из ружей. Прот, добыв сколько ему было надо моржевых клыков на мысе Семёновом, оставил всю массу моржевых туш на лайде и ушёл. Масса гниющего мяса издавала отвратительный запах в течение всего лета. Безпрерывная пальба по плавающим моржам сделала свое дело: морж стал очень осторожен; на лайде мыса Семёнова морж ложится уже весьма редко, и то в самом незначительном количестве. Обитатели Карачинского селения никогда не могут застать зверя на лежбище и добыть его на копья. Стрельбою же из ружей из массы плавающих около Карачинского моржей всем жителям Карачинского селения удастся добыть не более десяти штук моржей в год».

Лежбище моржей осталось лишь около устья реки Жупановой, на высоком лайде, непотопляемом водою, длиною около двадцати пяти саженей и шириною около пяти саженей. Лежбище со всех сторон окружено подводными камнями, идущими в открытое море версты на три, и на этом лежбище лежит теперь не более ста штук моржей. За невозможностью застать моржа на лежбище вследствие того, что зверь напуган выстрелами, промысел производится не на лежбищах, а на воде со шлюпки. В самую тихую погоду подкрадываются к спящему на поверхности моря моржу и с носа шлюпки бросают в него гарпун. После удара морж моментально ныряет и очень быстро тащит за собою шлюпку в течение, приблизительно, десяти минут, за верёвку, привязанную к гарпуну. Ослабевая, морж начинает показываться на поверхности воды. В это время подтягивают его к шлюпке и окончательно добывают копьями. После этого срезают голову моржа, а туловище бросают в море. В весьма редких случаях раненые моржи бросаются на шлюпку и наносят ей повреждения. В Жупановском селении в 1894 году добыли только одиннадцать моржей. Морж, напуганный американцами, не имеет постоянного пребывания на Карачинском острове, а также и на прочих лежбищах восточного берега Камчатки. Он пошёл к северу, на землю Гека, но и там уже мало моржей, на что жаловались мне чукчи и анадырские казаки еще в 1896 году, в бытность мою на реке Анадыре.

Истребили иностранцы китов и моржей, а теперь, видимо, дошла очередь и до остальных наших рыбных богатств. Местные власти, начиная с Муравьева, сознавали необходимость охраны, настоятельно просили особое судно для крейсирования в северных водах. Хлопотал об особой камчатской шкуне и генерал-губернатор Духовской, но все эти хлопоты не увенчались пока успехом.

В Камчатку и Охотско-Камчатский край не дают судна, вероятно, потому, что там каждый год крейсирует военный транспорт «Якут», и охрана «Якута», нужно думать, признается вполне достаточной для северных вод. Для суждения, насколько верно такое мнение, дам здесь простое описание моего личного плавания на «Якуте», совершенного в первой половине июля 1901 года сначала к мысу Лопатке, а затем и по западному берегу Камчатки. Это плавание было совершаемо «Якутом» с целью охранять наше побережье от иностранных хищников. Вместе со мною плыл на «Якуте» и заведывающий рыбными промыслами Приамурского края Н. Я. Домашнев.

«Якут» крейсирует в северных водах уже несколько лет. В его экипаже всегда есть несколько офицеров, не считая командира, которые, плавая здесь не в первый раз, более или менее знакомы с северными водами, вообще говоря, изученными крайне слабо.

«Якут» по своей конструкции есть судно коммерческое. Это судно приобретено в 1892 году в Англии. Его осадка 14, длина 210, ширина 28 футов, машина одна, развивающая скорость до девяти миль в час. Котлы «Якута» плохи настолько, что в навигацию 1901 года пришлось два раза прекращать пары, дабы чеканить швы котлов: первый раз потребовался ремонт тотчас по выходе «Якута» из владивостокской бухты, а во второй раз в бухте Корфа. Дно «Якута» ординарное, водонепроницаемых перегородок нет, деревянной обшивки, так необходимой для плавания в северных морях, где всегда можно встретить плавающие льды, тоже нет, якоря слабые. При наличности таких данных, «Якут» соблюдает в море крайнюю осторожность, ибо, имея одну машину, да и то плохую, он боится шторма. Не имея деревянной обшивки, он боится плавающих льдов, имея одинарное дно, не имея водонепроницаемых перегородок и имея дело почти с совершенно неизвестными берегами, он боится подходить к ним близко, ибо малейшая прибрежная банка может моментально пустить его ко дну, а имея слабые якоря, «Якут» может стоять в виду берега только при совершенно тихой погоде: чуть ветер посвежел, «Якут» снимается и уходит в море.

На «Якут» ежегодно возлагается так много задач, что командир этого судна при всём желании, при всём мореходном искусстве не может выполнить, как следует, ни одной из них. В навигацию 1901 года «Якуту» были даны следующие поручения: описать бухту барона Корфа, открытую не так давно Геком, крейсировать вокруг Командорских островов, крейсировать у мыса Лопатки;

с прибытием в Петропавловск заведывающего рыбными промыслами Приамурского края Домашнева обойти вместе с ним западный берег Камчатки, становясь на якорь у устья каждой реки, где то признает нужным Домашнев, а затем пойти в бухту Провидения, где и ожидать члена русско-американской учёной экспедиции Богороза, которого доставить в Петропавловск, а затем вновь крейсировать вокруг Командорских островов, снять на мысе Лопатке казаков, охраняющих бобровые промыслы, опять посмотреть, что делается у Командорских островов, а затем, уже глубокою осенью, когда в северных морях наступает сезон жесточайших штормов, когда наступают морозы, леденящие снасти, борты и палубу судна, «Якуту» разрешается возвратиться во Владивосток, что бывает не ранее первых чисел ноября.

Если взять в руки карту и проследить, какие рейсы были предназначены «Якуту» в прошлогодней его кампании, а затем принять во внимание приведённые данные этого военного судна, то нельзя не высказать сомнения в возможности выполнить всё то, что возложено было на «Якут» его начальством. «Якут» и не исполнил всего ему порученного, и не имел физической возможности исполнить, но «Якут» сделал всё от него зависящее, по крайней мере, в деле охраны нашего побережья от японских хищников.

Тяжела служба моряка во всех морях, но нигде она, кажется, не тяжела так, как в суровых водах дальнего севера: вечные туманы, свирепые штормы, безлюдье, неприступность и неизведанность берегов, плохия качества судна и постоянное сознание абсолютной беспомощности на случай какой-либо серьезной аварии. Командиру и экипажу «Якута», плавающим в северных водах с начала мая и по конец октября, приходится, преодолевая неимоверные трудности, исполнять крайне рискованные для парохода задачи.

Мы взошли с Домашневым на палубу «Якута» 27 июня, в одиннадцать часов вечера. Для нас по распоряжению командира, капитана 2-го ранга Новаковского, были отведены особые каюты. Мы встречены были офицерами «Якута» радушно, гостеприимно. На другой день рано утром «Якут» снялся с якоря. Погода стояла великолепная, и мы, выйдя из створов Авачинской губы, прошли миль пятнадцать по перпендикуляру от берега, а затем повернули к югу и взяли курс вдоль берегов Камчатки.

В одиннадцать часов утра на шканцы нашего транспорта вынесли медную карчагу с водкой, покрытую толстым брезентом. У карчаги стали боцман, артельщик, дежурный по команде, и все

они стали свистать «к водке». Долго и пронзительно свистали, но на этот раз пришли пить водку всего четыре матроса, а впоследствии и того меньше. За не выпитую порцию матросам предоставлялось получать деньгами, и они почти поголовно отказываются от ежедневной винной порции.

Одновременно с призывом к водке на палубу была вынесена пробная порция, которая подана была сначала командиру, затем командир указал дежурному на меня с Домашневым, а затем порцию понесли на мостик вахтенному начальнику, а с мостика проба поступала уже в кают-компанию, где к этому времени все, исключая вахтенного начальника, собирались к обеду. Проба великолепная.

Время обеда и ужина было самым веселым на «Якуте». Шли оживлённые разговоры, милые шутки, остроты, на которые так таровата молодёжь «Якута».

В кают-компании было пианино, и мичман Г. после обеда часенёк садились и играл, а тут и споёт кто-нибудь.

Около часу дня кают-компания пустела, шли отдыхать, потому что каждый из офицеров и прошлую ночь стоял три часа на вахте, и в наступающую ночь ему предстоит тоже удовольствие. От часу и до трёх дня, с какового времени начинается чаепитие, «Якут» точно вымирал, только и слышен ритмический стук машины, да подчас команда или приказание вахтенного начальника и стереотипное «есть» матроса.

В шесть часов ужин, тот же свисток к водке, то же милое общество в кают-компании, где и не заметишь, как часы показывают семь и три четверти, и на палубе играют к спуску флага, когда туда выводят всю команду и выходят офицеры. Спустили флаг, окончилась церемония рапорта, завершающаяся рапортом старшего офицера командиру, и судовой день окончен.

К десяти часам вечера все, кроме вахты, по каютам.

С шести часов утра начинается уборка судна, чистота которого составляет гордость моряков. На палубу нельзя ни плюнуть, ни бросить спичку, ни окурочек папиросы, а если кто в присутствии моряка сделает то или другое, то он тут же, на месте преступления, получает замечание, да такое, что виновный покраснеет.

Первый день нашего плавания на «Якуте» стояла великолепная погода. Идя полным ходом, мы до света могли подойти к камням «Три Сестры», где следовало сдать груз провизии для казаков, охраняющих бобровые лежбища, но подходить к берегам до разсвета считается опасным, а потому в два часа ночи был дан малый ход.

В девять часов утра мы стояли уже вблизи камня «Три Сестры» на якоре. Видна Лопатка, узкая низменная полоса земли, которую заканчивается у моря гористая Камчатка.

Мы стали на якорь в пяти милях от берега. Якорь отдали на глубину 30 сажен, дно каменистое, допускающее возможность якорной стоянки только в совершенно тихую погоду.

Отправляя шлюпки с провизией на берег, командир приказал офицеру, командовавшему шлюпками, не задерживаться на берегу ни одной лишней минуты: выбросить провизию на берег и немедленно идти назад. Как ни хотелось мне съездить на берег, но ввиду этого приказа ехать не стоило. Я и не поехал. Шлюпки отвалили от «Якута» около десяти часов утра. В то время, когда шлюпки уже скрылись из вида, ветер стал свежеть, барометр падать, и если бы ветер ещё более посвежел, то командир решил: не дожидая шлюпок, сняться с якоря и выжидать погоду в море, подальше от берега. Но ветер, несмотря на дурные предсказания барометра, не окреп так скоро. В начале первого часа пополудни на горизонте показались наши шлюпки, а в три часа дня оне подошли к «Якуту», были подняты на палубу, и «Якут» немедленно снялся с якоря. Взяли курс сначала прямо в море, а затем на SW, к Лопатке. Пройдя этим курсом с полчаса, «Якут» очутился в тумане.

Командир обещал на другой день непременно спустить меня и Домашнева на берег, дабы дать нам возможность посмотреть знаменитыя бобровыя лежбища, познакомиться с их казачьей охраной и с условиями ея жизни и быта.

Мы были вблизи Лопатки, а потому, попавши в полосу тумана, нам нечего было плыть дальше, и «Якут» в пять часов сорок пять минут вечера этого дня вновь отдал якорь. Туман к семи часам вечера рассеялся, ветер стих, и я предвкушал удовольствие с разсветом побывать на лежбищах камчатских бобров. Но человек предполагает, а Бог располагает.

С девяти часов вечера «Якут» стало покачивать, ветер стал посвистывать, и репутация судового барометра к часу ночи была восстановлена. Начался шторм, заставивший командира «Якута» сняться с якоря и идти в море.

Скажу несколько слов о современном положении бобрового промысла на полуострове Камчатке.

До 1892 года бобры на Лопатке не промышлялись, ибо русские промышленники не знали об их существовании. Открыл бобров и создал бобровый промысел камчатский промышленник Петр

Карякин, отличный стрелок, отличный мореход, обогнувший на своей утлой парусной шлюпке весь полуостров и напавший в одном из таких путешествий на бобровое лежбище.

Окружная администрация воспользовалась открытием Карякина и объявила открытый им на мысе Лопатке бобровый промысел достоянием казны и приняла меры к охране этого ценного зверя от хищников как своих, так и иностранных. Меры заключаются в том, что с 1897 года на Лопатку стали посылать охрану, сначала по два казака, а затем это число дошло до шести. Казачья охрана живёт на самом мысе Лопатке в восьми верстах от бобрового лежбища. В становище охраны построены простая камчатская юрта, склад для провизии и несколько вешал для вяления рыбы и нерпичьего мяса. Отправляясь из Петропавловска, охрана берёт с собою чай, сахар, муку, соль, табак и огнестрельные припасы, а затем остальное продовольствие добывает охотой и ловлею рыбы.

На Лопатке, как и везде в Камчатке, водится много медведей, лисиц, волков, росомах и прочего. Частенько заходят сюда и дикие олени. Рыбы — изобилие, много нерп и лахтаков. Охрана живёт в некотором отдалении от берега, потому что в виду бобровых лежбищ нельзя ни курить, ни разводить огня, ни стрелять, а в противном случае бобры покинут излюбленное ими лежбище и пойдут искать другого, где их покой не будет нарушаем. Этот зверь не раз уже перекочевывал с лежбища на лежбище.

В прежнее время охрана выступала из Петропавловска в первых числах мая, когда Авачинская бухта окончательно очищалась ото льда. Шла охрана у берега на простых батах, которые при малейшем ветре вытаскивались на берег. К половине июня добиралась охрана до своего становища, а за это время на лежбищах уже успевала побывать не одна хищническая шкуна.

Промысел бобров, открытый в 1892 году, год от году падал, не превышая в другой раз шесть бобров за всё лето. Теперь промысел поднялся, так что, случается, промышляют уже до шестнадцати бобров в лето. Можно бы промыслить и больше, ибо в прошлом году охрана видела уже одновременно по двадцать бобров, лежащих на камнях, но промышлять более того, что на данный год назначено окружной администрацией, строго воспрещается. Заметное увеличение бобрового промысла обязано инициативе г. Ошуркова.

Вступивши в управление Петропавловской округой в 1895 году, Ошурков в этом же году возбудил вопрос о покупке морского вельбота, на котором охрана могла бы добраться до Лопатки

скорее, чем добиралась она на батах. Вельбот разрешили купить, и он был куплен за 500 руб. Вельбот отличный, но как ни хорош вельбот, а всё же приходят на Лопатку так поздно, что бобровые лежбища уже могли быть посещенными иностранными хищниками раньше прибытия туда охраны. Чтобы избежать последнего, Ошурков увеличил охрану до шести человек и стал посылать её двумя партиями: первая партия отправлялась в конце февраля из селения Явина, расположенного на западном берегу Камчатки, в двухстах верстах от Лопатки, а вторая партия, как и прежде, шла морем, на вельботе, на котором шла также и провизия. При этом порядке хищники уже не могли прийти раньше охраны. В делах Петропавловского окружного управления есть жалобы, каждый год поступающие от начальников бобровой охраны, на то, что хищнические шкуны покушаются ловить ценных бобров. Жалуясь на такую предерзость хищников, казаки похваляются, что они, «держа в руках русский флаг и заряженную винтовку», успешно прогнали хищников. Правда ли это — сказать трудно: это дело совести казаков. Во всяком же случае, каждый бобр представляет такую солидную ценность, до 1 000 руб., что упромыслить хищнически одного-другого бобра заманчиво, тем более, что проверить охрану в количестве показываемого ею промысла морских бобров нет никакой возможности, а к тому же под боком, во Втором Курильском проливе, на южном берегу острова Парамушира, уже возник настоящий японский городок, управляемый офицером японской службы, говорящим по-английски и по-французски, где имеется уже более 1 000 постоянных жителей, куда во время навигации заходят паровые японские суда запастись углём, а парусные — провизией. Из городка этого, как говорит народная молва, ходят шкуны и к бобровым лежбищам, ходят шкуны промыслять и морских котиков, на пути их к Командорским островам. Что это всё верно — вот доказательства:

В 1898 году до сведения Приморского военного губернатора дошло, что японский хищник по имени Сноу продал в Японии шестьдесят морских бобров, в том числе трёх камчатских, таких самых, какие водятся на лежбищах Лопатки. Предписанием от 17 апреля того же года за № 7688 губернатор запрашивает окружного начальника сведения по сему делу.

В том же году, 15 июня, против мыса Кроноцкого, в двадцати милях от берега «Якут» видел хищническую шкуну, с которой было спущено в море десять шлюпок. Шлюпки, расположенные полукругом на полувёрстном расстоянии друг от друга, плыли

в одну сторону, постепенно суживая круг. Эти хищническая шкуна была осмотрена «Якутом», причем в ее трюмах и на палубе оказалось шестьсот свежеснятых котиковых шкур и три шкуры камчатских бобров. Так как хищническая шкуна была застигнута в двадцати милях от берега, то она, как захваченная в экстерриториальных водах, была отпущена на все четыре стороны.

В 1899 году другая хищническая шкуна под командою англичанина Гольден-Орулье упромыслила у берегов Камчатки двенадцать бобров, которые и поступили затем на японские пушные рынки.

О хищниках бобров говорят многое, но я воздержусь передавать здесь ничем не подкрепляемую народную молву и ограничусь приведёнными фактами, о которых сохранился след и в делах Петропавловского окружного управления, и в делах Приморского областного правления, и, вероятно, в делах Владивостокской портовой конторы.

Казаки, охраняя бобровый промысел, вместе с тем и промышленляют бобров.

Промысел морского бобра производится исключительно сеткой, так как ружейный выстрел пугает бобров и заставляет их уходить от лежбища. Сетка для ловли морского бобра делается из тонкой белой бечёвки, длиной до пятнадцати сажен и шириною около половины сажени. Ячей сетки десять дюймов длины. Сетка ставится на якоря между камней, где проходят на лежбище бобры. Лежбище морских бобров представляет группу камней, находящихся отдельно друг от друга и на порядочном расстоянии от берега. Промышленник ставит сетку около лежбищ с вечера, на всю ночь, и смотрит её один раз утром. Бобр подходит к лежбищу с подветренной стороны, осматривается, нет ли опасности, и взлезает на лежбище. С утреннею зарёю бобр подходит к берегу искать раковин, служащих ему пищею, и нередко попадает в разставленные сети. Лучшее время для промысла бобров — май, июнь. В эти месяцы бобр бывает вблизи берегов, а остальное же время, как говорят, он проводит в море.

Выше я сказал, что количество промысла данного года каждый раз определяется окружной администрацией. Меньше может быть упромышлено, но больше того, что назначено, нельзя промышленлять, и казаки ежегодно ухищряются добывать именно столько бобров, сколько назначено начальством. Это нам кажется странным, так как бобр, запутавшийся в сетку, ни в каком случае не выпускается обратно в море, да это было бы и бесполезно:

бобр — зверь нежный, — выпутываясь из сетки, он бьётся о камни, ранит себе лапы, и пусти его на волю — он всё равно пропадёт.

В течение последних шести лет, исключая текущий 1901 год, добыт всего 61 бобр. Все эти бобры проданы в Петропавловске с аукционного торга на сумму 37 773 руб., из коих 16 184 руб. 50 коп. поступили в депозиты военного губернатора Приморской области, и, как мне передавали, деньги эти имеют специальное назначение улучшать условия охраны бобрового промысла, но в этом отношении пока ничего не сделано, если, впрочем, не считать вельбот, стоимостью в 500 руб., на котором ходят казаки из Петропавловска на Лопатку.

Вторая половина суммы, выручаемой от продажи бобров, идёт на пользу казаков, бывших в охране и промышлявших зверя. Каждому казаку выдаётся по равной части, но из казачьего пая выделяется по две копейки с рубля, которые идут, согласно закону, в пользу аукциониста, каковым является, собственно говоря, город Петропавловск, ибо вознаграждение аукциониста поступает в городскую кассу.

Аукцион производится в Петропавловске обыкновенно в конце августа. Цены на бобров, доходящая до 1 000 руб. за бобра, крепнут с каждым годом, и оне могут увеличиваться в любой степени, ибо во всем мире нет такого зверя, у которого был бы такой великолепный мех, как мех камчатского бобра. В 1898 году была попытка продавать бобровые меха и другую камчатскую пушнину во Владивостоке, но эта попытка, успешная в 1897 году, была неудачна в следующем году, так что областная администрация предложила петропавловскому окружному начальнику и впредь продавать бобров и прочие меха в Петропавловске.

Последнее удобнее и для ясачного населения Камчатки: взнося ясак пушшиной, население получает разницу между стоимостью ясака и ценностью пушнины на руки. Если пушнина продается с аукциона в Петропавловске, то инородцы и русские, проезжая зимой в Петропавловск за товарами, тогда же получают от окружного начальника на руки и разницу ясака и внесенной ими пушнины, а если пушнина продается во Владивостоке, то население может получить эту разницу только с навигацией следующего года.

Из изложенного, полагаю, следует, что бобровый промысел у мыса Лопатки охраняется больше Господом Богом, чем людьми, и истинное его положение известно только казачьей охране, так как окружный начальник не имеет в своём распоряжении не только способ нежданно-негаданно нагрянуть на поверку промысла, но он

вообще редко может попасть на Лопатку, ибо туда трудно пробраться даже на военном судне третьего ранга.

Снявшись с якоря, «Якут», чтобы уйти подальше от берега, чего при ненадежности машины и слабости якорей и нельзя было не сделать, ибо шторм делался сильнее и сильнее, взял курс *О*.

К трём часам ночи мы попали в густой туман, и с трёх часов свисток «Якута» запел свою заунывную песню, и эту песню он пел целых семь дней.

Разсвело, а с палубы «Якута» нет никакого кругозора: густою стеною стоит туман, волна хлещет в нос судна, и ход всего три мили в час.

В камчатских водах берега не исследованы, и нашей лоции неведомы ещё как якорные стоянки те многочисленные бухты и бухточки, которыми изрезан весь восточный берег Камчатки, да и исследовать эти бухточки не было пока надобности, ибо, кроме Петропавловска моряки всех наций и не знали здесь другой стоянки, а вот теперь сама жизнь выдвинула бухту Корфа, уже попавшую в 1901 году в расписание почтовых рейсов и описанную в том же году «Якутом». Если остались не исследованными берега Камчатки, то тем более не исследованы течения в Камчатском море, неизследованы настолько, что моряки, при всем их знании моря, при всей их опытности, попадают иногда в трагикомические положения. В таком именно положении был «Якут», попавший у южной оконечности Камчатки и в шторм, и в густой туман.

Уйдя от мыса Лопатки, в ночь с 28 на 29 июня мы болтались в море целую неделю. Всё время был туман, всё время нас качало. Вахта вела точный счёт показаниям лага, точную запись малейшим изменениям курса. По исчислениям мы были в шестнадцать миль от берега и на высоте мыса Поворотного. Мы только ждали солнца и свободного горизонта, чтобы определиться и затем, определившись, хотели взять курс прямо на Петропавловск.

4-го июля, около двух часов дня, сквозь густую завесу тумана выглянуло солнце, но оно, хотя и показалось «Якуту» во всем своем блеске, не разогнало тумана и, как говорят моряки, горизонта не дало. Чуть завидели моряки солнце, как вооружились секстантами, и долгота, в которой беспомощно уже шестые сутки болтался «Якут», была определена, но определить широту за туманом так и не могли.

И вот тогда стали вычислять широту, где находился «Якут», по теории вероятности. Взяли сомнерову линию, полученную секстантом долготу, показания лага и объявили, что мы находимся

на высоте Авачинской губы, и завтра, если рассеется туман, войдём в неё. Мы все рады были окончить это томительное и вместе с тем безцельное путешествие.

Утро 5-го июля было сравнительно ясное, хотя и облачное. Туман не застилал кругозора, но он густою пеленою застилал верхние слои воздуха, и камчатские ориентировочные пункты, Авачинская и Коряцкая сопки не могли быть видимы, но берега были видны. Берега в разстоянии двадцать-двадцать пять миль плохо различаются с палубы корабля, и при некотором воображении конфигурация данного берега может быть принята за конфигурацию берега желаемого. Наши моряки на основании сделанных вчера вычислений, на основании взятой им вчера сомнеровой линии признавали, что видимые берега суть соседние с Авачинской губой и, следовательно, с Петропавловском.

«Якут» держит курс прямо к берегам. По его палубе разгуливает камчатский промышленник и мореход Карякин, который не один раз ходил на своей парусной шлюпочке вдоль всей Камчатки. Чем ближе подходим мы к берегу, тем уверенность моряков в сделанных вычислениях делается меньше. В конце концов, на мостик зовут Карякина и дают ему морской бинокль.

— Признаешь, Петр Михайлович, берега?

— Признавать-то я, Ваше высокоблагородие, признаю, да страшно сказать.

— Отчего же страшно? Ведь это мыс Поворотный?

Карякин молчит.

— Ну какой же это, по твоему, мыс?

— Страшно сказать, Ваше высокоблагородие!

— Ну, говори же, что за страхи такие?!

— Вы меня, Ваше высокоблагородие, извините, а только это, однако, мыс Жёлтый, а не Поворотный!..

И видимый мыс, как оказалось впоследствии, и был Жёлтый, то есть вчерашняя вычисления погрешили миль на сто. Таковы течения в Камчатском море, таковы в нём туманы и штормы, что теория мореходного искусства оказывается здесь совершенно несостоятельной перед действительностью.

Неожиданно очутившись на высоте мыса Жёлтого, то есть у Лопатки, вблизи того самого пункта, снявшись с которого мы болтались в море почти семь суток, мы пошли уже не в Петропавловск, а взяли курс на Первый Курильский пролив, отделяющий Лопатку от первого острова Курильской гряды, а оттуда пошли вдоль западного берега Камчатки.

Погода благоприятствовала, и мы около двух часов дня вошли в Первый Курильский пролив, считающийся совершенно непроходимым при малейшем тумане, ибо фарватер этого пролива есть как бы жёлоб, образуемый рифами, идущими от скверной оконечности первого Курильского острова. Малейшее уклонение судна к тому или другому берегу, так возможное при тумане, грозит судну неминуемой гибелью. Этим проливом, сокращающим расстояние от Петропавловска до Охотского моря миль на триста, ходят редко, ибо в этих местах редко стоят и ясные дни, когда отчетливо видны оба противоположных берега Первого Курильского пролива.

«Якут» шёл первым Курильским проливом полным ходом. И командир, и старший офицер, и штурман, и вахтенный начальник стояли на мостике, вооруженные биноклями.

Я стоял на палубе, любовался видом северной оконечности дикаго Курильского острова, видом низменной Лопатки и видом гор, начинавшихся милях в пяти от Лопатки и тянувшихся затем вдоль всего Камчатского полуострова, а там и вдоль материка Азии. Яркое солнце освещало пролив, и, вглядываясь в воду, можно было видеть морския водоросли. Было, значит, мелко, опасно, и моряки недаром стояли на мостике.

Но вот опасный пролив пройден, и мы вошли в Охотское море. Зыбь в Охотском море мелкая, хотя и частая, и эта охотская зыбь почти совершенно не качала наш пароход. Мы отдыхали от океанской качки, но не долго отдыхали мы от тумана и от пронзительных свистков «Якута», целых семь суток наводивших на нас грусть и уныние. В шесть часов вечера этого дня был дан первый свисток, как вестник того, что мы опять идём в тумане. Мы держали курс на север, к устью реки Явиной, где Домашнев хотел сойти на берег, чтобы разогнать японских хищников. Туман и близость берега заставили командира поминутно бросать лот. Мы шли до девяти часов сорока пяти минут вечера, когда отдали якорь. По расчёту мы стояли у устья реки Явиной, и на этот раз расчёт оказался вполне правильным.

6-го июля, с рассветом, тумана не было, и Карякин признал те сопки, которые окаймляют нижнее течение реки Явиной.

Охотское море у устья реки Явиной имеет свою историю. Здесь находятся знаменитыя тресковый банки, где можно бы развить огромный промысел трески, этой ценной рыбы.

До 1895 года на явинския тресковые банки ежегодно приходили американския суда и промышляли здесь треску в огромном

количестве. Насколько этот промысел выгоден, видно из того, что американская шкуна «Гера», придя в 1895 году к устью реки Явиной, в течение трёх недель наловила и засолила здесь 320 000 рыб тресковой породы. Больше «Гера» не ловила, ибо не было соли, и судно не могло взять большого груза. Уходя с явинских банок, «Гера» увезла полный груз и продала камчатскую треску в Сан-Франциско по цене 7 руб. пуд, всего на сумму до 200 000 руб. (дело Петропавловского окружного управления, по описи № 570, т. 1).

С 1895 года американцы, по словам камчатской окружной администрации, не посещают уже более явинских тресковых банок, а не посещают потому, что в сказанном году русским властям как-то удалось взыскать с «Геры» пошлины 1 937 руб. 25 коп. Командир «Геры», шкипер Андерс, хотя и внес эту сумму в русскую казну, но протестовал. По его мнению, пошлина взыскана неправильно, ибо введение этой пошлины не было своевременно опубликовано русским консулом в Сан-Франциско и, наконец, в самом исчислении пошлины он разошёлся с русскими властями, которые посчитали тонну за шестьдесят пудов, а не за тридцать, как то считал шкипер Андерс. Этот протест Андерса кончился ничем, и русская казна не возвратила американцам 1 937 руб. 25 коп., взысканных за треску, нагруженную в 1895 году на «Геру». Американцы, вероятно, обидевшись на русских, перестали посещать явинские банки и промышлять здесь треску.

Промысел этот, нет сомнения, перешёл теперь к японцам, ибо эти предприимчивые рыболовы не могут не пойти навстречу английскому рынку, требующему тресковый жир в любом количестве. Пока что не установлено, промышляют ли японцы треску, или они ограничиваются рыбою лососёвых пород, да при тех средствах наблюдения за японскими промышленниками, какие имеются в камчатских водах у русского правительства, едва ли это и может быть установлено.

«Якут», ставши на якорь в виду устья реки Явиной, решил простоять здесь столько времени, сколько потребуется Домашневу для инспекции рыбного промысла.

6-го июля в восемь часов утра была спущена с «Якута» шлюпка, на которую в качестве пассажиров сели Домашнев, я и Карякин.

Волна была порядочная, и нашу шлюпку порядком пошвыривала, но шлюпка хорошая, и Карякин уверял, что он в любой шторм пойдёт на этой шлюпке. По пути к берегу мы встречаем множество уток всевозможных пород. Особенно интересна утка, названная

камчадалами «глупышом». Эта утка совсем не боится ни шлюпки, ни сидящих на ней людей. Глупыш подпускает к себе шлюпку так близко, что его можно убить прямо веслом. А как метко называли камчадалы эту утку «глупышом»: у нея действительно вид крайне глупый, какой-то растерянный, точно её смертельно пристрелили, и она вот-вот подохнет. Мы шли от «Якута» до берега около двух часов. Довольно затруднительно было высаживаться на берег, у которого ревел морской прибой. Когда мы дошли до «беляков», то нашу шлюпку уже так покидывало, что я инстинктивно посматривал, где лежат пробковые пояса, хотя, видя спокойное и веселое лицо Карякина, и стыдился в душе за свой страх. Опасности, конечно, не было, но прибой был такой большой, что он поминутно обдавал нас своими пенящимися брызгами. Последняя волна подхватила нашу шлюпку так энергично, что мы в один миг очутились па прибрежном песке, а на нас горою шел колоссальный седой прибой. Разсыпавшись, он продвинул нашу шлюпку ещё шагов на пять. Этот прибой, видимо, был самый сердитый, так как дальнейшие прибои уже не достигали шлюпки, и она, как говорится, обсохла, тем не менее, мичман, командовавший шлюпкой, нашёл, что она недостаточно далеко от берега. Матросы стали тянуть шлюпку, но не могли сдвинуть её с места. Тогда стали в тягло с матросами и мы с Домашневым, и кое-как общими усилиями и при помощи вёсел, служивших катками, мы стянули тяжелую и громоздкую шестивёсельную шлюпку с места и дотащили её на такое расстояние от берега, где её не могла достать даже ожидавшаяся прибывшая вода.

Устроивши шлюпку и оставивши несколько матросов охранять её, мы большою гурьбою отправились в Явино, где Домашневу нужно было добыть каких-то сведения, а затем попытаться нанять «морскую подводку», проще сказать, парусную шлюпку и гребцов для объезда западного берега Камчатки, по крайней мере, от Явина до Большерецка.

Селение Явино расположено верстах в четырёх от моря на берегу крайне мелководного пресного озера, верст пять длины и версты две с половиной ширины. Селение это находится вне камчатских трактов, и оно поэтому редко посещается чинами окружной администрации во время зимних поездок по округу. Явино посещается больше иностранными судами, раньше американскими, а теперь японскими. В Явине числится шестнадцать дворов, около ста голов рогатого скота, до трёхсот собак. Есть два десятка лошадей. Посреди села часовня, переделанная из простой камчатской

юрты. Крыша покрыта травой, посредине крыши укреплен небольшой деревянный крест, обитый жостью. Крест, хотя и мал, а всё же блестит. Не менее четвертой части внутреннего пространства часовни занято печью, сложенной из кирпича-сырца. Эта часовня имеет престол, на котором во время приезда из Большерецка священника совершается божественная литургия. Алтарь отделяется от внутреннего помещения простою досчатою перегородкою, имеющею некоторое подобие иконостаса, в перегородке этой есть и царские врата, есть и северные и южные двери.

Иконы — простые лубочные картины, продаваемые копейки по две за штуку, но сюжеты картин те же, что и во всех церквях: с правой стороны царских врат — Спаситель, с левой — Божия мать, над царскими вратами изображение тайной вечери, а против перегородки, изображающей клирос, образ святого Николая-чудотворца, в честь которого сооружена часовня. Во всей вселенной нет, вероятно, храма более бедного, более бедного, чем эта явинская часовня.

Жители села Явина живут зажиточно, как зажиточно живут русские по всей Камчатке. Помимо рыбных промыслов и хорошей охоты на пушных зверей, в числе которых по количеству первое место занимает лисица-огневка, а по качеству — соболь, явинцы разводят много скота.

Сбыта молочных продуктов, а равно и мяса, конечно, нет, но зато явинцы круглый год едят так вкусно и обильно, что им может позавидовать любой городской обыватель, особенно приамурский.

Образ жизни явинцев и их промыслы, в сущности, ничем не отличаются от таковых по всей Камчатке, а потому то, что я буду говорить в дальнейшем изложении обо всей Камчатке, одинаково относится и до Явина.

В Явине, между прочим, есть очень оригинальный насельник. Это — финляндский уроженец Отто Эрик, тридцати шести лет, кандидат прав Гельсингфорскаго университета, живущий в Явине уже восемь лет и по наружному виду ничем не отличающийся от прочих камчадалов.

Я совершенно не знал о существовании в Явине ученаго финляндца, а потому, зайдя случайно в дом Отто Эрика, я был несколько удивлён некоторым комфортом его жилья, а ещё того более полкой с книгами, в числе которых оказались сочинения Шекспира на шведском языке, сочинения Байрона на том же языке и многия другие книги, свидетельствующие об интеллигентности хозяина этого дома.

История Отто Эрика незамысловата: окончивши университет, он за что-то поссорился со своими родственниками и отправился в Америку искать счастья. В то время американские шкуны ходили ещё на явинские банки промыслять треску, и на одну из таких шкун в качестве простого матроса попал и Отто Эрик.

Промысляя треску, он частенько сходил на берег в селение Явино, где его пленила черноокая камчадалка, и Отто Эрик поставил крест над своим университетским дипломом, женился на понравившейся ему камчадалке и повёл жизнь, ничем не отличающуюся от жизни любого камчадала. Он ходит и соболевать, ходит и на медведя, промысляет дикаго оленя, нерпу и рыбу.

Из наносного леса им построен очень хороший, по тем местам, дом, в доме чистота, некоторый комфорт. У Отто имеются две нарты, промышленник он хороший, живет в довольстве, а к тому жена подарила ему четверых голубоглазых ребят, и Отто Эрик, учёный финляндец, опростел, но не на словах и не во имя какой-либо отвлечённой идеи, а ему просто полюбилась бесхитростная жизнь на Камчатке, полюбилась ему природа и «приятное содружество, — как говаривал Карамзин, — добрых поселян».

Лучшего Отто Эрик, видимо, и не желает. Он счастлив по-своему, а если его, быть может, и гложет червь человеческого тщеславия, то этого он никому не высказывает. Оригинальный финляндец произвел на меня впечатление человека, совершенно уравновешанного и, во всяком случае, философа, променявшего университетский аттестат на соболеву сетку да нерпичьи лыжи.

Кому удастся заехать в Явино, советую побывать у этого замечательного человека и побеседовать с ним. Отто Эрик человек общительный, хотя и не любит, если залезают к нему в душу.

Тут же, в Явине, живет и американец Кларксон. Он променял свою бойкую родину на безлюдную Камчатку также благодаря чарам здешней камчадалки. Кларксон также окамчадалился, хотя и в меньшей степени, чем Отто Эрик. Кларксон больше занимается коммерцией, чем промыслами, но в остальном он такой же камчадал, как и все явинцы.

В Явине мы пробыли часа четыре. Пили у старосты чай, к которому было подано несколько комков свежего масла, несколько крынок с кипячёным молоком. Принесли и творогу, и сметаны, и сливок. Мы, голодные, не только поели до отвала, но и накупили молочной провизии и для кают-компании, накупили столько, сколько могли унести.

Домашнев узнал в Явине, что у устья самой реки промышляют японские шкуны, но не в двух верстах от устья, как то полагается по закону, а в самом устье. Подрядить шлюпку до Большерецка ему так и не удалось.

Мы отправились обратно на пароходе не берегом озера, как пришли, а решили переплыть озеро на бат. Уселись на бат и отчалили, но, пройдя от берега с версту, наш бат сел на мель. Никакие усилия не могли его двинуть дальше, да и не стоило трудиться: глубина не более трёх вершков. И вот мы все вышли из бата и пошли вброд. Мы были почти на середине озера, и это путешествие по озеру в огромном, более версты, расстоянии от берега было очень оригинально: оно и возможно разве в Камчатке. Дно по счастью было твёрдое, и мы, нагруженные, кто корчагой сметаны, кто творогом, кто сливками, благополучно добрались до берега, перевалили через крутую сопку, густо поросшую чудною сочною травою, испещрённую множеством душистых цветов, вышли к морю.

Было около трёх часов дня. Вода прибывала, и наша шлюпка вот-вот могла очутиться в воде. Матросы на досуге разгоняли чаек, реявших с пронзительным жалобным криком над остатками кита, раннюю весною выброшенного морем. От морского чудовища остались лишь наиболее громоздкие кости, которые не могли утащить прожорливые волки и лисицы, лакомые до китовины.

Стащили шлюпку на воду, но отвалить от берега при сильном прибое было нелегко. Шлюпка не слушалась весла, а потому сошли в воду два матроса, которые пробуксировали её первых три-четыре прибоя, а затем вскарабкались на шлюпку, и мы пошли на вёслах. Чем дальше от берега, тем волна меньше. Не доходя мили две до «Якута», мы увидели на горизонте две парусные шкуны. Эти шкуны шли прямо на «Якут» и были усмотрены вахтой «Якута» ещё раньше нас: когда мы взошли на палубу судна, командир сказал, что он уже следит за этими шкунами и сегодня к вечеру остановит их.

Лишь только подняли на палубу шлюпку, как немедленно был поднят якорь, и «Якут» отправился навстречу парусным японским шкунам. Мы скоро сошлись близко со шкунами. На «Якуте» был поднят сигнал шкунам убрать паруса и отдать якорь. Сигнал, видимо, не был понят шкунами, и оне продолжали идти вперед. Тогда командир приказал снять чехлы с двух носовых орудий, зарядить их холостыми патронами, и вскоре пустынное Охотское море огласилось резким звуком орудийного выстрела.

Дали выстрел из второго орудия, и шкуны поняли, чего от них хотят: паруса были убраны, якорь отдан и вывешен сигнал, приглашающий переговорить в чём дело.

Когда японцы убрали паруса и стали на якорь, с «Якута» немедленно была спущена шлюпка, на которую сел Домашнев и сопровождавший его лесной объездчик. Шлюпка пошла к японским шкунам под командою офицера. Ещё Домашнев не возвратился на «Якут», как японския шкуны снялись с якоря, подняли паруса и пошли своим прежним курсом. Оказалось, что обе эти шкуны были зафрахтованы Зубковым, причём у них имелись и разрешительныя на рыбный промысел свидетельства, в числе рабочих были даже русские, но, по словам Домашнева, всякий сброд. Были тут и сахалинцы, и служившие на маньчжурской железной дороге, но оттуда изгнанные. Формальная часть оказалась, однако, в порядке, и Домашнев отпустил с миром остановленные «Якутом» шкуны. По возвращении шлюпки мы вновь снялись с якоря и пошли к устью реки Апалы. Раненько утром Домашнев ушёл на шлюпке к устью реки. Он пробыл там до часу дня и, возвращаясь, привёл с собою японский карбас, на котором японцы везли на «Якут» невода, конфискованные Домашневым. У устья Апалы промысел производился японскими рабочими и, кроме того, в устье самой реки. Независимо от конфискации невода, проданного затем в Петропавловске с аукциона, Домашнев составил протоколы, коими наложил на японских промышленников известный штраф и забрал их судовые документы, что в жестяных цилиндриках.

В этот день, 7-го июля, предполагалось по возвращении Домашнева на судно немедленно идти на Большерецк, но погода с одиннадцати часов утра стала свежеть, и командир, видимо, был недоволен, что Домашнев так долго копается на берегу.

Только Домашнев возвратился и стал взбираться по шторм-трапу на судно, как уже было отдано приказание поднимать якорь. Барометр упал как-то сразу, над волною стали летать маленькие серенькия птицы — буревестники, и мы, снявшись с якоря, очутились в шторме, который на другой день сменился туманом, и предположение «Якута» пойти в Большерецк так и не осуществилось. Питали надежду, что туман рассеется, что мы пройдем Первым Курильским проливом, где можно будет сойти на берег и посмотреть бобровыя лежбища. Надеялись также побывать в японском городке, что возник на берегу Второго Курильского пролива, но всё это осталось праздным мечтанием: туман не позволил нам идти ни Первым, ни Вторым проливом, а пошли Четвёртым.

8 июля, в час дня, мы прошли остров Ширинку, очень похожий по своим очертаниям на медведя, в четыре часа дня прошли пролив и взяли курс прямо на Петропавловск, отказавшись от всякой остановки. 9-го июля при совершенно ясной и тихой погоде, даже при лунном свете, мы входили в створы Авачинской губы и в двенадцать часов ночи у устья Раковой бухты отдали якорь, а назавтра, часам к девяти утра, пришвартовались к берегу.

Таким образом, проплававши на «Якуте» тринадцать суток, сделавши, как показали вахтенные записи, 1 632 мили, мы исполнили четыре дела: свезли тридцать семь пудов провизии к камням «Три Сестры», побывали в селении Явине, осмотрели вблизи этого селения две японские шкуны, и у устья реки Апалы Домашнев осмотрел рыбные промыслы. Сделали мало, но сделать больше командир «Якута» не мог: плаванию, как мы видели, всё время мешала погода и, кроме того, «Якуту» нужно было идти к точно определённой сроку в Анадырский край, в бухту Провидения, дабы взять там члена русско-американской экспедиции Богораза.

При изложенных условиях охраны камчатских вод «Якутом», нельзя не согласиться, что эта охрана весьма призрачна, и пользы от нея нет никакой. Военные моряки имеют огромную ответственность за малейшую аварию, и военное судно может подойти к берегу и стоять в виду его на якоре только при совершенно благоприятных условиях погоды, а погода в северных морях очень редко благоприятствует этому, и военное судно очень редко может выполнить программу охраны так, как то предписано начальством.

Для охраны нашего северного побережья нужно специальное судно, и даже не одно, имеющее парусное вооружение, хороших две машины, развивающих скорость до двенадцати миль в час. Судно это должно иметь деревянную обшивку, дабы оно не боялось плавучих льдов. Оно должно иметь для устрашения хищников два-три артиллерийских орудия. В Камчатском море нужно иметь два судна, потому что одно судно при наличии пяти Курильских проливов не может угнаться за хищниками: охранное судно пойдёт Первым проливом, а хищники, завидя сторожевое судно, уйдут Пятым проливом и наоборот. Так, по крайней мере, говорят моряки, с их же слов я взял и желаемые данные судна береговой охраны в охотско-камчатских морях.

Вопрос о приобретении для Охотско-Камчатского края особаго сторожеваго судна не нов, он подымался, как я заметил выше, Муравьёвым. Но то было давно, а я расскажу здесь о положении

этого вопроса в наши дни, причём для большей убедительности процитирую здесь в извлечении представление по этому предмету начальника Петропавловской округи Ошуркова, поданное им 25 августа 1895 года бывшему военному губернатору Приморской области генералу Унтербергеру.

Ошурков, как я заметил выше, задался мыслью развить экспорт камчатской рыбы. Лучшею рыбою он считает ту, которая ловится в устье реки Камчатки. Там, по мнению Ошуркова, и должен был начаться рациональный рыбный промысел.

Берега реки Камчатки, говорится в сказанном представлении, на сотни вёрст от селения Крестьянского до самой вершины реки Камчатки заросли прекрасным строевым лиственничным лесом. У жителей по долине реки Камчатки при массе рыбы, при массе материала для постройки бочек, нет соли, а завозить её туда трудно, ибо глубина усть-камчатского бара девять аршин. Морские суда, не имея поэтому возможности входить в устье реки, останавливаются в море, милях в пяти от берега, где всегда бывает волнение.

Ошурков рекомендует завести шкуну, вроде «Сторожа», охраняющего побережье Японского моря. Шкуна должна быть паровая, с осадкою не более девяти футов, дабы она могла свободно входить в устье реки Камчатки и подниматься по этой реке до селения Ключевского. Деятельность будущей шкуны, по мнению Ошуркова, должна быть такова: перезимовавши во Владивостоке, ранней весною шкуна приходит в Петропавловск и привозит груз, который, обыкновенно, приходит с первым рейсом (тогда пароходов Добровольного Флота, а теперь пароходов общества Китайской восточной железной дороги). Этот рейс охранного судна сберегает казне до шести тысяч рублей поимельной платы, плюс судно зарабатывает на попудной плате до девяти тысяч рублей.

Сдавши груз в Петропавловске, шкуна идёт в Нижнекамчатск, куда также везёт владивостокский груз, а оттуда принимает лес, рыбу и везёт всё это в Петропавловск, где, сгрузившись, принимает охрану бобрового промысла и идёт на Лопатку, а затем идёт по западному берегу до Тигиля включительно, и осматривает устье каждой речки, заставляя тем иностранных хищников, в то время только одних американцев, ловивших на явинских банках треску, выбирать промысловые документы, от чего ожидалось в казну поступлений до десяти тысяч рублей в год. Обойдя западный берег, шкуна идёт в Нижнекамчатск, или, смотря по надобности, в другие пункты. Такая шкуна могла бы, подобно «Якуту», обслуживать побережье Камчатки до половины октября. Ошурков полагал, что

расход по покупке и содержанию помянутой шкуны оправдался бы не только отвлечённым развитием благосостояния населения Камчатского полуострова, но и видимым поступлением сборов в казну за право рыбного промысла. Теперь, с наплывом японцев, эти поступления дошли уже до двадцати пяти тысяч рублей в год, а будь особая сторожевая шкуна, поступления, несомненно, увеличились бы в несколько раз. Сборы за рыбные промыслы, поднявшиеся в 1900 году до двадцати пяти тысяч рублей, в 1901 году, вследствие отсутствия охраны нашего побережья, уже падают и будут падать с каждым годом до тех пор, пока в камчатских водах не будет постоянной сторожевой шкуны, у которой не было бы другого дела, как обслуживать побережье Камчатки и других северных округ.

Изложенное представление Ошуркова не имеет пока никаких последствий.

Позволим себе высказать, что современные обстоятельства требуют немедленного движения вопроса о покупке для камчатских вод особой сторожевой шкуны, возбужденного Ошурковым ещё в 1895 году, тем более, что с покупкою такой шкуны весьма возможно будет освободить «Якут» от крейсерства в северных водах, что даст государственному казначейству немалое сбережение.

ГЛАВА IV. ИЗВЕРЖЕНИЕ АВАЧИНСКОЙ СОПКИ. АГАФЬЯ КАРАНДАШИХА. КАМЧАТСКИЙ ПАРОВОЙ РЫБООБДЕЛОЧНЫЙ ЗАВОД И УСЛОВИЯ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

За время плавания «Якута» по делам охраны камчатского побережья в жизни Камчатки произошли два важных события: 7-го июля началось извержение Авачинской сопки, а 8-го июля освящён и пущен в ход вновь устроенный паровой рыбообделочный завод.

Извержение сопки, редкое, грозное и величественное, начавшись 7-го июля 1901 года, продолжалось с большими или меньшими перерывами до 21-го июля.

7-го июля, около шести часов утра, у Авачинской сопки, как нам рассказывали по прибытии «Якута» в Петропавловск, начался сильный подземный грохот. Впоследствии оказалось, что грохот этот отчётливо был слышен на сто верст в окружности и в селениях, ближайших к Авачинской сопке: Петропавловске, Сероглазке, Калахтырке, Аваче, Паратунке, Николаевском, Старом острожке и Корьяках. Подземный вулканический грохот был так силен, что тряслись окна, двери сами собою отворялись. Подземный гул слы-

шался часами, и жителей перечисленных селений невольно обуял ужас и даже паника. Все признавали свое ничтожество перед могучим явлением природы и страшились его.

Подземный грохот к девяти часам утра сказанного дня достиг своего апогея, и из кратера вулкана при ясном и безоблачном небе стал подниматься вверх колоссальный столб густых паров, смешавшихся затем с огненным столбом, которым вулкан извергал глыбы раскалённых камней, огненную лаву. Огненный столб был виден не более пяти минут и сменился теми же густыми парами.

Ослепительно белая снежная вершина Авачинского вулкана, к девяти с половиной часам утра оказалась чёрной, покрытой грязными, дымящимися потоками раскалённой лавы, а снег, покрывавший вершину сопки, растаял.

Снеговые ручьи и потоки лавы не замедлили скатиться к подошве сопки, а затем и к вершине речки Мутной, впадающей в реку Авачу, и эти потоки, насыщенные серою и всякого рода вулканическим примесями, быстро загрязнили и отравили воды реки Авачи, по которой в это время шла ходовая рыба. Рыба, очутившись в не сродной ей среде, изменила своему стремлению идти вверх по течению безостановочно, пока не найдёт гнездовья для метания икры, и массами повернула назад. Масса ходовой рыбы уснула и, всплывая на поверхность реки, быстро неслась ея течением к морю.

Приавачинское население, видя обратный ход рыбы, чего никогда не бывало, видя массы сонной рыбы, пришло в отчаяние: река Авача и ходовая в ней рыба, особенно июльская, главный источник пропитания населения перечисленных деревень. Извержение сопки не приняло больших размеров, и последующие взрывы вулкана были всё слабее и слабее, ограничиваясь в иные дни одним лишь столбом паров, да подземным гулом.

Эффектную картину представляла Авачинская сопка в ночь с 9-го на 10-е июля, когда мы возвращались на «Якуте» в Петропавловск: по ея поверхности от жерла кратера и до подошвы лились огненные реки лавы. Эти огненные потоки, то широкие, подобно реке, то узкие, подобно ручейку, бороздили сопку по всем направлениям и освещали каким-то невиданным светом могучую Авачу и ея ещё более могучую соседку, Корякскую сопку. Жители Петропавловска, хотя и боялись извержения и предсказывали всякие ужасы для Камчатки, но толпами ходили на Култукское озеро, откуда видна Авача, где и любовались редким и величественным явлением.

Среди бела дня случалось, что столб паров от действия ветра принимал различные фантастические формы, а 9 июля, при совершенно ясной, но ветреной погоде, от четырёх до пяти часов дня мы наблюдали с палубы «Якута», подходившего к Авачинской губе, как ветер придавал вулканическому столбу паров такую конфигурацию, что надо всей Камчаткой точно парил колоссальный богатырь с булавой в руке. Этот облачный богатырь сильно пугал и без того разстроенное воображение смиренных жителей Камчатки.

Извержение лавы было три раза: 7-го, 9-го и 13-го июля, а затем деятельность Авачинского вулкана ограничивалась одним лишь подземным гулом да извержением паров, а к 18 июля огненные потоки лавы уже потухли и, вероятно, скоро остыли. Мало-помалу очистилась река Мутная, а за нею и река Авача, и по этой последней опять пошла ходовая рыба, и в таком большом количестве, что приунывшие жители свободно назапасали годовые порции рыбы как для людей, так и для собак.

Нельзя, однако, сказать, чтобы извержение Авачи прошло безследно для жителей Камчатки. Мелкая, невидимая глазом, вулканическая пыль покрыла собою всякую траву, всякий лист дерева почти на всём пространстве южной Камчатки. Странствуя в двадцатых числах июля по селениям Камчатки, я видел эту пыль и на листьях, и на траве. Пыль эта так тонка, что она совершенно напоминает пыль на лакированной мебели большого барского дома, спустя четыре-пять часов после уборки комнат. Эта пыль, видимо, не придавала траве какого-либо неприятного вкуса, так как и рогатый скот, и лошади охотно ели траву во весь период действия Авачинского вулкана, хотя за все это время и не было дождей. Вулканическая пыль не прошла безследно для здоровья жителей: начиная с 10-го июля и по конец этого месяца во всей южной Камчатке не было ни одного человека, который не кашлял бы. Кашляли и взрослые, и старики, и старухи. Этот «вулканический» кашель не походит на кашель простудный. Кашляя, чувствуешь какую-то резь во всех дыхательных путях, мокроты почти совсем нет.

Петропавловский окружный врач В. Н. Тюшев, между прочим, говорил мне, что огромное количество на Камчатке больных чахоткою обязано именно вулканической пыли, которая обильно даётся Ключевскою сопкой, постоянно действующей, хотя каждый раз и слабее, чем действовала в 1901 году Авачинская сопка.

С двадцатых чисел июля, за окончанием действия Авачинской сопки, стал прекращаться и поголовный кашель, и жизнь Камчатки вошла в свою обычную колею

Действие Авачинского вулкана не обошлось без характерного инцидента. Нужно заметить, что в июле месяце по всем камчатским рекам идёт ходовая рыба. Запрещение ловли рыбы японскими рабочими вызвало большой спрос на местные рабочие руки и на рыбалки, и для разгрузки и нагрузки судов котиковой компании, так что в Петропавловске 7-го июля, когда начала действовать Авачинская сопка, оставались одни женщины да дети, а все мужчины были на тех или других промыслах. Вулканический грохот, предшествовавший извержению вулкана, привёл в ужас всё женское население Петропавловска, и оно в то время, когда загрохотал вулкан, толпами бежали искать помощи у окружного начальника Ошуркова.

— Ваше высокоблагородие, что же, как делать? Пропали мы, провалимся сейчас в море.

— Не робейте, миленькия. Я уже послал на сопку казаков...

— Ваше высокоблагородие! И сами поезжайте, а то что же с нами будет?

— Поеду, поеду, уже коня седлают...

И камчадалки успокоились. Такова вера у северного населения во всемогущество окружного начальника и его сподвижников — казаков. Но окружный начальник, когда я, сойдя с «Якута», пришёл к нему в гости, при всём его всемогуществе был в унынии: из острогов и селений, расположенных по реке Аваче, получались вести, что рыбадохнет от лавы, попадающей в эту реку с реки Мутной.

Нужно было проверить эти вести и принять какие-либо меры к предотвращению голодовки. Ошурков решил ехать в селение Авачу, расположенное на устье реки того же имени. В этой поездке приняли участие: командир «Якута», три морских офицера, морской доктор и Домашнев.

12-го июля, в десять часов утра, мы отправились в Авачу на паровом катере и через два часа были уже в этом селении.

Вести о гибельном действии вулканической лавы на ходовую рыбу хотя и подтвердились, но все же это явление, как оказалось на месте, не имело таких угрожающих размеров. Рыба, действительно, до 8-го июля массамидохла, но, затем, когда сошла в море вода, загрязненная вулканическими примесями, всё пошло своим порядком: рыба шла, и жители села Авачи ловили её в изобилии.

Обрадованные таким положением дела, мы совершили маленькую прогулку на батах вверх по реке Аваче. Кто охотился на уток, а кто плыл на бату без всякой видимой цели. Я, как не охотник, забавлялся молодыми чайками, уже оперившимися, хорошо плававшими, но не умевшими ещё летать. Серья, с желтыми носами, оне во множестве стояли на прибрежных песках и плавали в воде, а над детенышами с жалобным писком тысячами носились в воздухе старья чайки. На воде, плывя на бату, не поймашь молодую чайку: она по течению плавает и ловко, и быстро, но на песке, особенно если отбить молодую чайку от воды, её легко поймать. Очень забавная и храбрая птица: когда видит, что ей не уйти, она садится и принимает боевую позу и нещадно кусается, когда возьмешь её в руки.

Наша прогулка вверх по Аваче доставила нам большое удовольствие. Когда мы вернулись в селение, там денщики уже приготавливали самовар и кое-что закусить.

Всё было приготовлено в доме камчатской героини, Агафьи Ивановны Карандашихи, восьмидесяти двух лет. Эта почтенная старуха принимала непосредственное участие в блистательной обороне Петропавловска от покушения на него в 1854 году англо-французской эскадры. Ея муж был казачий урядник, а она сама, тогда ещё молодая, частенько работала подённо для семьи Василия Степановича Завойко. Когда на Петропавловск неожиданно-негаданно напали враги, Завойко, как известно, всех призвал к оружию, причем правитель канцелярии камчатскаго губернатора коллежский ассесор Лохвицкий был командиром орудия батареи, расположенной на Кошке. На эту батарею, наиболее опасную, был назначен муж Карандашихи, урядник Василий Карандаш. Его жена, Агафья Ивановна, не пожелала вместе с прочими женщинами спастись в горы, но пошла на батарею и во время горячаго артиллерийскаго боя 17-го, 20-го и 24-го августа была на батарее, подавая заряды, поправляя лопатой подстреленныя земляныя закрытия батареи. Ея муж, раненый 20-го августа осколком снаряда, за неимением перевязочнаго пункта лежал тут же, в тылу батареи, и Агафья Ивановна, помимо активнаго участия, собственно, в обороне, исполняла роль сестры милосердия и в отношении к своему мужу, уряднику Карандашу, и в отношении к другим героям безсмертной обороны Петропавловска. В то время, когда Агафья Карандашиха доблестно несла на петропавловской батарее артиллерийскую службу, у нея тут же, на батарее, за земляным закрытием, лежал грудной младенец Иван. Грохот артиллерийскаго боя

не остался безследным для Ивана Карандаша. Он, как говорят в Камчатке, «мерячит», то есть с ним бывают припадки, которые делают его плохим работником и обузой для матери. Это мерячение есть следствие испуга грудного младенца пушечной пальбой, отразившегося на его психике и сделавшего его инвалидом.

У Карандашихи только и семьи, что этот полукретин сын, хотя, впрочем, уже женатый, и героиня лучшей страницы истории русской военной славы после смерти своего мужа от раны, полученной в бою 20-го августа, живёт в величайшей бедности.

С чувством глубокого уважения должен сказать об отношениях к Агафье Карандашихе экипажа транспорта «Якута» и петропавловского окружного начальника Ошуркова.

Раннею весною, лишь приходит в Петропавловск «Якут», как Карандашиха в тот же день является к командиру с визитом, и все командиры «Якута» и других военных судов, посещающих Петропавловский порт, а их переменялось уже много, принимают восьмидесятилетнюю героиню-камчадалку. Они подают ей руку, приглашают к себе в каюту. Приглашает Карандашиху и кают-компания.

По какому бы делу ни пришла Карандашиха и к начальнику округа, она приглашается им в гостинную, и ей подаётся угощение. Помимо этого моряки и Ошурков кормят Карандашиху и её мерячащего сына. Ошурков ежемесячно отчисляет ей из собственного пайка провианта обычный солдатский паёк, а что касается «Якута», то таковой снабжает старуху решительно всем.

По моему мнению, защитница Петропавловска имеет право на признательность не частных лиц, каковыми в данном случае являются экипаж того или другого военного судна и личность окружного начальника, но правительства, тем более что на попечении Карандашихи остался больной сын, отец которого убит в бою, а он, тогда ещё грудной младенец, в том же бою получил увечье. Даже одно это обстоятельство делает Карандашиху достойной внимания и щедрот правительства. Да и сама-то она — разве не заслужила? Разве не стояла она грудью за своего Царя, за свою родину?

У нас на Руси частенько, впрочем, остаются в забвении подвиги высокой доблести, высокого самоотвержения. Многие славные деяния русских людей благодаря их природной скромности остаются в неизвестности, и узнают о них сплошь и рядом случайно. Живых героев Петропавловского боя только и осталось, что Карандашиха, да и той уже восемьдесят два года!

Не послужит ли изложенное мною об Агафье Карандашихе, живой реликвии Петропавловской славы, к тому, чтобы власти обратили внимание на эту старуху, чтобы ей дан был, хотя какой-либо знак признательности государства к тем, кто так блистательно, кто так героически отстаивал честь и достоинство России в отдалённом и пустынном ее уголке?

В Петропавловск мы возвратились около семи часов вечера. 14-го июля мы ездили, также на паровом катере, в Тарьинскую бухту посмотреть вновь открытый камчатский паровой рыбообделочный завод, только что начавший свою деятельность.

Завод устроен Камчатским торгово-промышленным обществом, учреждённым в 1897 году и действующим по уставу, Высочайше утверждённому 13-го июля 1897 года, и согласно постановлениям, опубликованным в «Собрании узаконений и распоряжений правительства»: в 1897 году за № 122, в 1898 году за №№ 58 и 109 и в 1900 году за № 93.

Сказанное общество имеет своею целию производство различных морских и речных водных промыслов (сельдяного, трескового и вообще рыбных, боя китов, лова и боя морских зверей, лова трепангов и крабов) в Охотском, Беринговом и Камчатском морях с заливами, проливами и реками, в них впадающими, в Татарском проливе и в реке Амуре с его притоками. Равно общество имеет целью устройство и содержание заводов для приготовления консервов, жиров и землеудобрительных туков. В цели общества входит также торговля разного рода товарами, а также добыча и разработка для надобностей предприятия ископаемого угля в Камчатке.

Этому обществу предоставлено право с соблюдением существующих законов, постановлений и прочего, приобретать в собственность, а равно устраивать и арендовать промысловые и торговые заведения и склады с приобретением для сего движимого и недвижимого имущества, а также содержать для нужд общества пароходы и другие суда.

Основной капитал общества определен в 1 000 000 руб. золотом, разделенный на 8 000 акций по 120 руб. золотом каждая.

Насколько уже реализованы теперь сказанные 8 000 акций, в чьих она руках, русских или иностранцев, я не знаю: одни говорят, что это есть предприятия русских капиталистов с г. Прозоровым во главе, а другие говорят, что камчатское рыбное дело находится в руках иностранных капиталистов. Где правда, я не мог узнать, да откровенно сказать, меня это и не интересовало. На основании виденного собственными глазами, я могу здесь ска-

зять только, что Камчатское торгово-промышленное общество взялось за дело совершенно серьезно, и все 1 500 000 руб. кредитными находятся в деле и имеются во вновь построенном на берегу Тарьинской бухты паровом консервном заводе и паровом же, огромных размеров, гуановом (туковом. — *Ред.*) заводе.

Начавши строить два огромных завода, снабжая их совершеннейшими машинами, общество встретилось с массою затруднений, обусловливаемых пустынною и своеобразными условиями Камчатского полуострова с одной стороны и новизною дела с другой.

Нужны были огромные капиталы, железная энергия и полная вера в будущность предприятия, чтобы не опустить рук с первых же шагов.

Завод начали строить на берегу Тарьинской бухты, в восемнадцати верстах от Петропавловска. В этих местах лесу много, но он, тополёвый или берёзовый, сплошь дуплистый и корявый, для постройки не годится, и лес пришлось привозить извне: частью из Америки, частью из Японии и частью с Сахалина. В Камчатке никогда не было кирпичного завода, и все печи на этом полуострове сложены или из кирпича-сырца, или из кирпича привозного. Не делая кирпича, жители Камчатки и не занимались вопросом о местонахождении годной для кирпичей глины, и обществу, приступившему к постройке завода, требовавшему, помимо обыкновенного кирпича, и кирпич огнеупорный, пришлось, не теряя времени, привезти всё потребное количество кирпича из Японии. Мало этого, в камчатских реках, дно которых всегда глинистое или каменистое, не нашлось даже такого песка, который нужен для каменной кладки, а морской песок не годится для этой цели, а потому из Японии привозили и песок, не говоря уже об извести.

Приступая к постройке заводов, консервного и гуанового, общество выписало инженеров: для консервного завода из Америки с жалованием двенадцать тысяч рублей в год, не считая путевых пособий и процента с будущих прибылей, а для гуанового завода были выписаны инженеры из Норвегии.

Инженерам было сказано: составить чертежи заводов и оборудовать их самыми лучшими машинами.

В пустынной Тарьинской бухте целый год кипела работа. За неимением в Камчатке рабочих, таковые выписывались и из Америки, и из Японии, и из Норвегии, и из Швеции, и даже из Франции, и к концу июня сего года в Камчатке, точно гриб, вырос консервный завод и начат постройкой гуановый завод.

Высокая заводская труба, извергая клубы чёрного дыма от японского угля, видна уже на половине Авачинской бухты, а когда войдёшь в Тарьинскую бухту, то отчетливо видны заводские постройки и множество копошащихся там людей.

Местность, где построен завод, необыкновенно живописна. Завод построен на самом берегу, на несколько возвышенном плато, а в тылу заводских построек амфитеатром раскинулись горы, покрытые зеленеющим лесом. Рыбный завод, даже в лето сего года, когда он далеко ещё не был окончен, и когда его деятельность находилась ещё, так сказать, в стадии испытаний, уже производил впечатление и большей населённости, и большей оживлённости, чем самый Петропавловск, столица Камчатского края.

В июле месяце сего года там были возведены следующие постройки: 1) здание рыбоконсервного завода барачного типа, крытое волнистым железом, но не обшитое ещё тесом, за неприбытием онаго из Америки. На заводе этом были уже установлены и пущены в ход все машины, речь о которых ниже; 2) казармы для рабочих тёплые, приспособленные для зимнего жилья; 3) флигель для всех служащих, разделенный на множество комнат, для каждого служащего отдельно, и имеющий, кроме того, общие залы, где служащие собираются для обеда, чтения газет, книг и проч; 4) баня и прачечная, и 5) рядом с консервным заводом уже было положено основание гуановому заводу, и выведена на две сажени его колоссальная железная труба.

Когда мы прибыли на завод, на берегу лежало множество ящиков и рам с частями всевозможнейших машин, лежали штабелями в тюках, покрытые брезентами, всевозможные материалы для надобностей завода, как-то каменный уголь, лес для ящиков, жёсть для банок и многое прочее. По всем направлениям двигалось множество рабочих: плотников, столяров, каменщиков, печников, слесарей, кузнецов и т. п. Рабочие-японцы в особых палатках на самом берегу, а рабочие прочих наций были размещены, кто в казарме, кто в дощатых бараках, кто в палатках.

Всем делом правит американец Смит. Это типичный янки. В будние дни его не отличишь от обыкновенного рабочего: с трубо-носогрейкою в зубах, в синей американской рабочей блузе и в таких же штанах, с подвязанным поверх блузы грязным парусинным фартуком, с засученными рукавами на мозолистых руках, он работает плечо в плечо с простыми рабочими, и только повелительность жеста, а подчас тумак, которым Смит щедро наделает рабочих, выказывают в нём распорядителя работ.

Таковы, собственно, и норвежские инженеры, строящие гуановый завод, но те все-таки ходят в пиджаках и соломенных шляпах, хотя и наряду с рабочими таскают особо тяжёлые части машин.

В праздничные дни и не узнаешь этих иностранных инженеров. Мне приходилось в праздники обедать в компании с ними. За столом сидели уже не те чернорабочие, какими я видел их на работах в будние дни, а сидели джентльмены, гладко выбритые, подстриженные, некоторые с нафабранными усами, наряженные в изящнейшие костюмы, а многие и в белых галстуках. За заводским табльдотом садилось до двадцати четырёх человек. И какие только нации не имели здесь представителей?! Разговор разноязычный, хотя английский язык преобладает. Работа начинается на заводе с пяти часов утра. Скажу несколько слов об изготовлении консервов.

Рыба, пойманная на заводских рыбалках заводскими рабочими, а равно и купленная у жителей по цене 8 коп. штука красная рыба и 3 коп. штука — горбуша, подвозится на баркасах к навесу, построенному сажень в пятнадцати от берега. Под этим навесом сделаны столы с проведёнными к ним трубами, из которых, по желанию, льется вода, накачиваемая в трубы паровую помпою. Под этим навесом производится потрошение и чистка рыбы. Работают японцы и быстро, и умело. Когда подойдёт к навесу баркас с рыбою, то рабочие, что под навесом, особыми крючками быстро бросают рыбу на помост навеса, а когда вся рыба выбрана из баркаса, то одни рабочие подают её на столы, а другие отрезают ей голову, потрошат и вынимают внутренности. Особый рабочий, имея в руках деревянную метёлку, вроде щетки, тщательно вычищает брюшную полость рыбы от сукровицы и от остатков внутренностей, а другой рабочий, держа в руках водопроводную кишку, всё время обильно обливает потрошимую рыбу водою. Рыба, очищенная от внутренностей, поступает на другой стол, стоящий рядом. На этом столе рабочие обтирают особыми деревянными щётками наружные части рыбы, как бы чистят её, а затем рыба бросается в особый чан, в который непрерывно вливается трубами вода. От навеса к самому заводу проложены две линии дековильки, по которым во время работ непрерывно бегают вагонетки, движимые канатом, накручиваемым на вал паровой лебедки. Когда вагонетка окончательно нагружена очищенной рыбой, она по рельсам тянется вверх к самому заводу, а затем, освобождённая от груза, переводится на другую линию и уже в силу собственной тяжести по наклону бежит к навесу за новым грузом.

У того угла, к которому вагонетки подвозят рыбу, стоят рабочие, которые крючками сбрасывают рыбу на деревянную наклонную плоскость, к которой проведена труба, и рыба вновь промывается.

У входа на самый завод вертится деревянный вал с деревянными же десятью полками. Рабочие ловко и быстро бросают на эти полки рыбу. С другой стороны этого вала вертятся круглые ножи, которые перерезают рыбу, задерживаемую полками сказанного деревянного вала, на куски фунтового веса, ни больше, ни меньше, а именно фунтового. Эти куски по особому желобу передаются к тому мастеру, который ведаёт набивкой рыбы в коробки. Коробки делаются в верхнем помещении, так сказать, на втором этаже. Делает коробки особая машина ловко и быстро: «тук, тук» — и жестяная банка цилиндрической формы, помещающая фунт рыбы, готова. Жестяные банки по особому желобу непрерывно катятся к тому месту, где в каждую коробку насыпается определённая доза соли, а затем коробка идёт туда, где другая машина вталкивает в коробки куски рыбы. Особый механизм ставит коробку в перпендикулярное положение, и поршень, движимый паровой силой, быстро вталкивает в банку кусок рыбы, а затем особый механизм закрывает банку крышкой, и банка, наполненная рыбой, автоматически идёт далее. Сначала она катится над желобом, в котором помещается расплавленное олово. Олово плавят бензином, нагнетаемым в горелки пневматической машиной. Пройдя таким желобом, коробка запаяна.

Запаянные коробки ставятся в особые железные рамы по пять дюжин в каждую, и эти рамы при помощи особого приспособления погружаются в чан с водою, что даёт возможность определить, все ли коробки запаяны герметически. Та коробка, у которой есть хоть малейшее отверстие, даёт пузыри, и такую коробку вытаскивают из рамы, осматривают её и паяют вручную, затем вместо вынутой коробки ставят исправленную раньше.

Рамы с коробками, уже проконтролированными водою в отношении герметичности, складываются на особые вагонетки и вкатываются в колоссальные паровые печи, каковых на заводе четыре. Варится рыба в печах текучим паром высокой температуры, причём время нахождения рыбы в печах определяется американцем Смитом. Когда Смит скажет, что рыба готова, печи отворяются, вагонетки по рельсам вывозят уже готовую рыбу, и все рамы ставятся на особые столы. Тут происходит самая главная и трудная в консервном деле работа.

Удаляют воздух, попавший вместе с рыбой в коробки. Только что рыба вынута, только поставлена на столы, как мастера, только и знающие это дело, маленькими острыми коническими молоточками начинают пробивать дырочки в каждой крышке коробки. С шумом и свистом выбрасывается из каждой коробки струя пара, а с нею и воздух, а в это время другой рабочий, держа в одной руке кусок свинца, а в другой раскалённый паяльник, капает свинцом (оловом. — *Ред.*) на отверстие, и как раз в тот момент, когда пар уже вышел. Эта работа очень интересна, и исполняется она с замечательною ловкостью и быстротой. Глазом не моргнёшь, как в коробочке пробита дырка и запаена. Эту работу исполняют мастера, выписанные с рыбоконсервных заводов на Аляске.

Когда воздух в коробках выпущен, и оне запаены, рамы с банками при помощи блоков погружаются сначала в чан с особым составом, побывши в котором жестяные коробки делаются чистыми и блестящими, а затем в чан с проточной водою, где коробки обмываются окончательно. Рамы складываются на вагонетки, и уже готовые рыбные консервы отвозятся в склад, где их, остудивши, укупоривают в ящики.

Я ничего не смыслю в машинах, но думаю, что машины камчатского рыбоконсервного завода совершенны: всё делается ими так быстро, так точно и верно, что достаточно проследить хотя за одной какой-либо коробкой с того момента, как машина стала стягивать жестяный лист в цилиндрическую форму, а затем делать швы коробки и т. д., чтобы сказать, что завод оборудован безукоризненно, ибо весь процесс приготовления консерва делается без сучка и задоринки, а это и может быть только при совершенных машинах. То же самое я должен сказать и о людях, приготавливающих консервы: каждый из них делает своё дело так быстро, что трудно даже проследить, как производит он то дело, к которому приставлен.

Механическая часть завода поставлена великолепно. Суточная производительность завода рассчитана на 800 ящиков по четыре дюжины жестянок в каждом, то есть, завод может производить в сутки 38 400 жестянок однофунтового веса.

Независимо от сего, как я сказал выше, рядом с консервным заводом строится жирово-туковый завод, производительность которого будет 50 тонн в сутки или 3 150 пудов.

Появление в далёкой Камчатке такого крупного предприятия, как описанный рыбоконсервный завод и строящийся рядом с ним жирово-туковый завод, совершившееся так быстро и так неожиданно,

сильно волнует камчатские умы. Одни не одобряют такой широкой постановки дела, ибо полагают, что заводу не хватит сырого материала, и предсказывают ему полный крах и даже в близком будущем, другие с этим не согласны и думают, что сырьё хватит, и заводу поэтому предстоит блестящая будущность.

По моему мнению, нельзя сказать ни за, ни против приведённых предсказаний. Фабрично-заводское предприятие в Камчатке, да ещё на таких широких началах, ещё совершенно новое дело. Ни у кого, ни из сторонников, ни из противников завода, нет данных, подкрепляющих ни их оптимизм, ни их пессимизм. Результаты деятельности завода в 1901 года правда печальны: изготовлено консервов мало, ибо, действительно, не было материала, но в этом виновата прежде всего организация его добычи, по моему, неумелая, а, быть может, обусловливаемая новыми правилами производства рыбных промыслов в Камчатском море, коими лов рыбы японскими рабочими воспрещен.

Завод действует на основании контракта с военным губернатором Приморской области, заключённого 12 июня 1900 года. По букве этого контракта завод прежде всего для своего устройства и ловли рыбы получил земельный участок в Тарьинской бухте в долгосрочную аренду, а теперь администрация заставляет завод помимо контрактной платы платить ещё особую плату за право рыбного промысла на заарендованном участке.

Впрочем, о том положении, в каком очутился завод благодаря новым правилам, хорошо говорит прошение товарищества, поданное им 12 августа 1901 года военному губернатору Приморской области. Привожу главнейшие пункты этого прошения:

1) До устройства завода ловля рыбы разрешалась на семи рыболовных участках, а с устройством завода четыре участка запрещены (в бухтах: Лагерной, Усовской, Богородской и Богатырёвской), так что теперь завод может рассчитывать максимально на 140 000 рыб в сезон вместо 400 000, что обезпечивает консервный завод лишь на одну треть его действительной производительности.

2) До устройства завода лов рыбы разрешалось производить иностранными рабочими, преимущественно японцами, очень дешёвыми и не требовательными, а, главное, ловкими рыболовами. С устройством завода иностранные рабочие при ловле рыбы запрещены, местных же русских рабочих нет, а привоз из Европейской России рискован, ибо завод должен ежегодно выбирать рыболовные участки с торгов.

3) До 1900 года лов рыбы разрешался бесплатно, с 1900 года с платою по 100 руб. за участок, а с 1901 года, когда завод устроился, по 200 руб. за участок. Цены на участки растут с поразительной быстротой. Общество, нуждающееся в рыбе для производительности завода, без сомнения, заплатит высшие на торгах цены, но при этом ежегодно будет в зависимости от каждого случайного конкурента, пожелавшего, даже ради забавы, поднять цены до возможно высокого предела, при полной уверенности, что общество должно будет платить предельные цены или входить в частные соглашения с конкурентом.

4) В Высочайше утверждённых главных основаниях для заключения контракта с товариществом, между прочим сказано, что участки отдаются для рыбных промыслов, а в пункте III даже обусловлено, что товарищество обязано приготавливать ежегодно до 50 000 пудов рыбы. В заключённом военным губернатором Приморской области контракте с обществом в пункте I выяснено, что береговые участки Тарьинского залива отдаются товариществу для ловли рыбы и устройства консервного и жирowo-тукового заводов. Казалось бы, что товарищество на основании приведённого пункта контракта имело и имеет право ловить рыбу против двух контрактных участков бесплатно, но Петропавловское окружное управление нашло, что за эти контрактные участки товарищество должно уплачивать правительству по 200 руб. в год за каждый, а за оба 400 руб., каковые и взыскало с товарищества.

5) В пункте 5-м Высочайше утверждённых главных оснований и в пункте 6-м контракта сказано, что товарищество обязано иметь в числе рабочих: в первое пятилетие 5 %, а во второе 10 % русских подданных. Основываясь на этом условии, а также и на упомянутом уже пункте 1-м контракта, товарищество, имея в числе рабочих японцев на одном своём участке, производило лов рыбы девятью японскими рабочими, имея в тоже время на берегу более 10 % русских рабочих. Но заведывающий рыбными промыслами Приамурского края нашёл, что товарищество даже на своих контрактных участках обязано ловить рыбу исключительно русскими рабочими, составил акт и оштрафовал общество на 900 руб.

Камчатское торгово-промышленное общество, преемник Русского товарищества котиковых промыслов, состоящее исключительно из русских капиталистов, — говорит цитируемое прошение, задавшись целью развить промышленность и торговлю в Камчатке с пользою для себя и края, составило акционерный капитал в 1 500 000 руб. и, внося их в такое рискованное дело, как заводская

обработка рыбы и морских зверей, намеченная в стране полупустынной, далекой, суровой, труднодоступной в летние месяцы и совершенно отрезанной от всякого общения с остальным миром в месяцы зимние, твёрдо верило, что оно встретит всякое сочувствие в правящих сферах, а в случае надобности и поддержку.

Общество, организуя в Камчатке миллионное предприятие, не утруждало правительство ни просьбами о субсидиях, ни просьбами о каких бы то ни было изъятиях, тем паче о льготах. Но предприятие общества вследствие новых условий, созданных временными правилами для производства рыбных промыслов в водах Приамурского генерал-губернаторства, в момент возникновения этого предприятия непредвиденными, попало в такое положение, что оно рискует не только не поставить эксплуатацию наших северных вод на должную высоту, на возможность конкурировать на австралийских и европейских рынках продуктами Камчатского (Беринговаго) и Охотского морей с американцами, но оно, предоставленное случайностям, рискует потерять в Камчатке свои капиталы, а с ними похоронить всякую надежду на какое бы то ни было промышленное оживление этой страны.

Какая судьба постигла это прошение товарищества, мне неизвестно, но я не могу не высказать, что на камчатское фабрично-заводское предприятие крайне желательно смотреть не только с точки зрения интересов фиска, но, разрешая это прошение, следует принять во внимание и всю двухвековую историю той страны, где без всякой субсидии возникло крупное торгово-промышленное дело, которое может поднять экономическое благосостояние всей северной окраины, тем более, что описанное предприятие, несомненно полезное, предвещает известную будущность Камчатке. Ведь до наших дней для Камчатки и для всей вообще нашей северной окраины не было сделано ровно ничего. Два века администрация нашего дальнего севера только и делала, что писала канцелярския бумаги и тем, позволяю себе высказать, тормозила развитие этой страны.

Какая будущность завода, заслуживает ли сей завод внимания и поддержки властей — я не буду говорить, а скажу лишь о том влиянии, какое оказал завод на ценность камчатской рыбы с первым же оборотом своих машин.

До открытия завода, как я уже заметил выше, ходовая рыба лососёвых пород не имела никакой цены, ибо ея было так много, что в ней решительно никто не нуждался, а сбыта не было. И рыбу вялили в примитивных сушильнях, где она и пропадала тысяча-

ми, десятками тысяч бросали её по всей Камчатке в ямы на корм собакам, и за всем тем камчатские реки по окончании нереста каждогодно выносили в море неисчислимые массы снетки, дохлой рыбы.

С открытием завода на Камчатке явился спрос на рыбу и притом по хорошей цене. И жители окрестностей Петропавловска, даже в лето 1901 года, уже заработали на ловле рыбы для завода много денег. Некоторые с 8-го июля по конец месяца по сотне и более рублей на человека. Этот промысел так выгоден, что многие говорят, что ловить рыбу для завода лучше, чем соболевать. Собственно говоря, добыча рыбы в Авачинской губе в прошедшем году была крайне затруднительна, так как до 8-го июля никто из камчатских обывателей не верил в скорое открытие завода, а потому ловили рыбу только ближайшие жители, но и они не могли уделить заводу столько времени, сколько то требовалось. Им самим нужно было в это время запастись рыбой и для себя, и для собак, нужно было и косить сено для скота. На Камчатке вообще рабочих рук мало, и если камчадалы погонятся за одним, то упустят другое. Мы думаем, что если завод озаботится должным количеством рабочих рук и получит просимые рыбалки, то он не будет иметь недостатка в сырье, как то было в лето минувшего года. Дело пока организовано плохо. Для характеристики я расскажу следующий факт: в 1900 году товарищество, как и другие предприниматели, производило промысел рыбы на западном берегу Камчатки. Вся упромышленная и засоленная сухим японским способом рыба не могла быть увезена в ту навигацию в Японию, а потому рыба была сложена в штабели прямо на берегу. Несмотря на советы нанять сторожей, на что потребовался бы расход самое большее 1 000 руб., главный доверенный товарищества не нанял сторожей. И вот результаты: рыбу клевали и сороки, и вороны, ели её зимой и волки, и лисицы, причём последние, как мне жаловались в Явине, поевши солёной рыбы, бесились, забегали в селения, где и кусали собак, которые от этих укусов также бесились. Эту же рыбу воровали ранней весной минувшего года японские хищнические шкуны. Да и зачем было некоторым японцам ловить рыбу, если груды уже готовой рыбы, хотя и прошлогодней, но годной для продажи на японских рынках, стояли без всякого призора?! Рыбы украли на сумму до 40 000 руб. Так, по крайней мере, говорил командир «Байкала», собиравший эту рыбу в июне месяце 1901 года по западному берегу Камчатки. И во многом поступает так администрация камчатского рыбопромышленного

общества. Там, где расходуются сотни тысяч рублей, она дрожит подчас над двугривенным, и этот двугривенный, безразсудно сберегаемый, приносит обществу многотысячные убытки.

При пожелании полного успеха новому камчатскому торгово-промышленному предприятию позволяю высказать надежду, что некоторые недочёты в организации дела будут устранены. Дело новое, и без ошибок оно едва ли могло и установиться. Судьба завода, по моему мнению, тесно связана с судьбою всей Камчатки.

Завод товарищества, как консервный, так и жирowo-туковый, для которого весной 1902 года ожидались специальные промысловыя шкуны, даже китобойныя, и есть именно то дело, которое может поднять экономическое благосостояние Камчатки.

Разрешение вопросов, связанных с судьбою и деятельностью завода, имеет особую важность: в судьбе этого завода — судьба благоденствия всей обширной северной окраины, ибо если будет удача камчатскому заводу заведут заводы и в Охотском крае, и на западном берегу Камчатки. Спрос на рыбу крепнет с каждым годом, и это неисчерпаемое богатство сказанной окраины возместит государству все его затраты, все его жертвы на ея благо, а население окраины обогатится.

ГЛАВА V. СУХОПУТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАМЧАТКЕ. НАБЛЮДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ КАМЧАТКИ НАД ЖИЗНЬЮ РЫБ ЛОСОСЁВЫХ ПОРОД. БЫТОВАЯ СТОРОНА КАМЧАТСКОЙ ЖИЗНИ. ПОЛОЖЕНИЕ БОЛЬНЫХ ПРОКАЗОЮ НА КАМЧАТКЕ

18-го июля, в девять часов утра, я выехал вместе с Ошурковым в селение Паратунское, расположенное на реке того же имени, в тридцати двух верстах от Петропавловска. Путь идёт сначала бухтой, а затем пешком, верхом на лошадях и водою на бату.

Бухту мы проплыли на шлюпке под парусом, причём с нами плыл камчатский уроженец Гаврила Подпругин, двенадцати лет. Он знает всякие парусные галсы, знает, когда и как крепить парус, как держать руль при той и другой перемене ветра. Я любовался этим малолетним моряком и думал: вот где непочатый угол природных штурманов, а между тем, не было, кажется, случая, чтобы сделали опыт вывезти хоть одного камчатскаго мальчика для обучения мореходному делу, хотя во Владивостоке и есть мореходные классы.

Пользуясь хорошим ветром, мы пришли на так называемую подпругинскую рыбалку часа через два с половиной. Здесь пара-

тунские жители ловили для завода рыбу, причём невод у них был японского типа, полученный с завода. Рыба шла хорошо, и рыбаки были довольны своими делами. В течение дня на эту рыбалку два раза заходил паровой заводский катер, который и буксировал на завод пойманную рыбу, а в следующий рейс он привозил квитанцию за отвезённую рыбу, брал новую и т. д.

Когда мы добрались до рыбалки, настало время тащить невод, концы которого были прикреплены к баркасу, стоявшему на мёртвых якорях. Вследствие ветра рыбы в невод попало немного, не более двухсот штук, но вместе с рыбой попались две нерпы. В Авачинской бухте вообще много нерп, и часто случается видеть их стаями. Нерпа очень любопытна. Когда идёт катер, то его шум привлекает внимание нерп, и оне поминутно и в разных местах высовывают из воды свои морды и смотрят на катер. Нерпам, видимо, нравится струя, оставляемая винтом катера, и оне в тихую погоду плывут в этой струе стадами, хотя и на приличном расстоянии от катера.

Лахтаки, нерпы и прочие ластоногия водятся в значительном количестве по обоим берегам полуострова. Иностранческое и русское население Камчатки весьма успешно производит промысел морских зверей. Кожа лахтак и нерп идёт на ремни: для скрепления нарт, на сбрую для собак и на подошвы для иностранческой обуви (торбасов). Кожа нерп, как более тонкая, идёт на лыжи, без которых туземец при тех громадных снегах, какие бывают в Камчатке, не мог бы ходить на промысел пушного зверя. Из кожи нерп делают также разнообразные сумы, заменяющие иностранцу чемодан. Мясо и жир нерп и лахтак и идёт в пищу людям. Самый лучший лов лахтак и нерп бывает ранней весной, начиная с половины марта. В это время зверь ложится на лед, плавающий по морю. Туземцы на своих батах переезжают открытое место, имея с собою ружьё и самого первобытного устройства копьё в виде маленьких гарпунов, называемых спицами. К древку гарпуна привязывается ремень около десяти сажень длины. Выйдя на лёд, где ложится зверь, с подветренной стороны, туземцы, одетые в белые рубашки из американской дрели, незаметно подкрадываются к лежащему зверю и бьют его палками. Ушедших в воду и часто выходящих на её поверхность стреляют в голову, подвезают к битому зверю на бату и бросают в него спицу, которая, пройдя в кожу зверя, зацепляется за неё своими крючками. Ремнём, привязанным к спице, убитый зверь вытаскивается на берег. Осенний промысел нерп и лахтак производится на лежбищах по

берегу или на песчаных косах у устья рек. Он чрезвычайно опасен, и смельчаки-промышленники, случается, платятся своей жизнью. Случаи гибели промышленников чаще всего наблюдаются на западном берегу полуострова. Происходит это потому, что хороший промысел зависит в большинстве случаев от направления ветра. Благоприятные ветры для западного берега: западный, северный и юго-западный. Средний ветер, гоня волны, встречающий противное течение реки, производит большие буруны, перекатывающиеся через песчаные косы, где лежит зверь. Промышленник, вооруженный спицей, находится около лежбища в месте, откуда ветер не может обнаружить зверю его присутствие. Выждавши удобную минуту, когда бурун только что прошёл, промышленник бежит к лежбищу и бросает в первого попавшегося зверя спицу и, удерживая раненого зверя на ремне, привязанном к концу древка спицы, добывает зверя ножом. При приближении буруна отходит в безопасное место. Но бывают такие случаи, что зверь, получивши удар спицей, бросается в воду, и промышленник, крепко держащийся за ремень, стаскивается зверем в воду и погибает. Случаи эти редки, но чаще всего причиной гибели промышленника служит то, что промышленник, убив зверя, по каким-либо причинам замедлит уйти от надвигающегося буруна. Гибель его в этом случае неизбежна. Подошедший бурун перебрасывает промышленника в речку, откуда он уносится в море быстрым течением реки и отходящего от берега буруна. Лахтаки и нерпы заходят по более глубоким речкам вверх, вёрст на тридцать и более. Заходящих в реки стреляют из сделанных в известных местах засадок, но поймать убитого зверя удастся редко: в пресной воде он скоро тонет.

Нерпа, пойманная неводом, пока она ещё в воде, бьётся энергично, того и гляди порвёт ячеи сети, но когда показалась уже корма сети, нерпа делается смирнее, а когда корму вытянули из воды, то попавшая в неё нерпа и не шелохнется. Удар по носу палкой, и нерпа уже без жизни, её вытаскивают на баркас, и она идёт на потребу промышленников.

На рыбалке мы пробыли часа два. Здесь нам сварили уху из только что пойманной рыбы, сварили чай, а затем оседлали лошадей, и мы с Ошурковым двинулись дальше.

Ехать на камчатском седле прямо мучительно. Это седло не более, как две деревянные пластины, сбитые под углом с таким расчётом, чтобы они могли поместиться на спине лошади. Снизу они обшиты медвежьими шкурами, а иногда кошмой, но верх без

всякой обивки, и всаднику приходится сидеть на ребре двух пластин. Даже подушка, имеющая наволочку из лисьих лапок, помогает мало, и проехать на камчатском седле сотню-другую вёрст — дело нешуточное, особенно без привычки.

Лошади камчатския, якутской породы, сильны, выносливы и довольно бойки. Доктор Слюнин говорит, что камчатския лошади ходят только шагом, но те лошади, на которых в течение двух недель ездил по Камчатке я, а я ездил на сменных лошадях, прямо-таки не любят ходить шагом, а всё время шли рысью и даже хорошей.

Камчатския лошади совсем незнакомы с овсом и, пожалуй, не станут его и есть, хотя овса им и никто никогда не давал. Летом и зимою оне на подножном корму, за исключением лишь зимних дней, когда стоит особо сильная пурга или образовался наст, по которому лошади, конечно не кованые, ибо о подковах в Камчатке не имеют понятия, и не могут ходить. Питаясь только травой, камчатския лошади имеют длинную мохнатую шерсть. Лошади смиренные, но только не жеребцы. Жеребец, когда завидит себе подобного, стремительно несётся в атаку на своего соперника, и седоку его не удержать. При такой оказии самое лучшее спрыгнуть на землю, ибо в бою жеребца с жеребцом не удержишь верхом и рискуешь получить серьёзное увечье. А когда нет по дороге жеребцов, то можно ехать совершенно спокойно. Седловка на Камчатке очень плохая: седловые ремни редко скрепляются пряжками, а больше узлами, а узел в седле — дело ненадёжное.

Лишь только мы выехали с рыбалки и проехали с версту, как подпруги моего седла, скреплённые узлами, ослабели, ибо кое-где развязались узлы, седло накренилось на бок, и я слетел на землю. Конь, видимо, был приучен к падению своих пассажиров: я, слетевши, барахтаюсь на земле, стараясь освободить ногу из стремени, простой тополёвой тоненькой дужки, а конь, остановившись, смотрел на меня, и стоял смирно всё время, пока поправляли седловку, и пока я опять взгромоздился на него верхом. Мы ехали берёзовым лесом, который, начавшись в полуверсте от берега, тянется затем с большими или меньшими перерывами по всему бассейну рек Паратунки и Авачи, а затем переходит в бассейн реки Камчатки. Лес корявый, хотя и толстый. По сторонам тропы, по которой мы ехали, множество грибов. Если бы остановиться для их сбора, можно набрать любое количество. Вот лошадь Ошуркова шаркнулась в сторону: она испугалась выводка тетеревей, притаившихся в траве на самой тропе и вспорхнувшего перед носом лошади. Выводки взлетают всё чаще и чаще, и лошадь, привыкшая к шуму

их взлёта, уже не обращает на них внимания, и мы идём покойно. Через четыре версты — Дальнее озеро.

Это озеро в две версты ширины и до пяти длины глубокое, очень живописно. Оно окаймлено высокими горами, в иных местах отвесными, поросшими лесом. Дальнее озеро волнуется при особо сильных ветрах, а обыкновенные ветры, сдерживаемые горами, проносятся над озером, не волнуя его. Из Дальнего озера вытекает небольшая речка без названия, впадающая в реку Паратунку. Из Паратунки идёт в это озеро множество ходовой рыбы, пропускаемой запорами в праздничные дни, и здесь, в озере, рыба мечет икру, из которой выводятся мальки, мелкая рыба, которая через некоторое время массами уходит из озера в реку Паратунку, а оттуда в море.

Жители говорят, что молодая рыба, идя в море, встречается с рыбою, идущую в озеро метать икру. Таких озёр, как Дальнее, в Камчатке много, и все они служат колыбелью рыбы лососёвых пород, которых так богаты наши северные воды.

Мы с Ошурковым быстро переплыли на шлюпке озеро, и когда мы подошли на расстояние сажений пятьдесят до берега, то было так мелко, что с лодки видно дно. Дно песчаное, а местами илистое, поросшее водорослями. В воде несметное множество мелкой рыбы. Её так много, что можно прямо черпать ведром и даже ловить руками. Никто из камчадалов не тронет мелкую рыбу, которая, по их убеждению, уходит в море с тем, чтобы вырасти там, а затем вернуться в это же озеро, чтобы дать жизнь новым рыбам и умереть здесь. На Дальнем озере, мне кажется, и есть тот ключ, который может помочь учёным разрешить загадку жизни рыб лососёвых пород.

Что рыба идёт в реки ежегодно, что она мечет в реках и пресных озерах, вроде Дальнего, икру — в этом не может быть сомнения. Нет сомнения и в том, что рыба, придя из моря в пресную воду, уже не возвращается обратно в море. Время хода рыбы для каждой породы своё: чавыча идёт с 9-го мая, красная и горбуша — с половины июня, а кижуч и хайко — со второй половины июня. Когда наступает время хода другой породы, то порода, пришедшая в пресную воду раньше, уже кончает своё дело. Она, как говорят в Камчатке, лощает, а вылощавшись, она умирает, и мёртвая несётся течением в море. Такая рыба, массами плывущая в известные периоды по поверхности любой камчатской реки, называется камчадалами «сненкой». Сненки бывает так много на камчатских речках, что когда она пошла, работа по выбору из запо-

ров рыбы начинается с того, что запор сначала очищается от сненки, которую перебрасывают на другую сторону течения, и эта работа тянется часами. Так много набирается этой сненки. Сненкой усеяны и прибрежные пески. К тому времени, когда появилась сненка, к берегам речек выходят и медведь, и волк, и лисица. Всюду видны следы зверей, не пренебрегающих, как видно, ссенкой.

Мне пришлось плыть по реке Аваче в то самое время, когда пошла ссенка чавычи. Я видел массы дохлой рыбы — ссенки и на берегу, и на поверхности воды. Видел я рыбу и в предсмертной агонии. Плынешь на бату и видишь, как у берега трепещет полуобсохшая, огромная, до тридцати фунтов, чавыча. Подходишь к ней, а она и не пытается даже удрать. Возьмёшь её в руки, бьётся, но слабо. Я поймал таким образом несколько десятков чавыч. У каждой из них я вспарывал брюхо, но ни у одной чавычи уже не было ни одной икринки, а только пустой мешок, где была икра. Умирающая чавыча и чавыча-«ссенка», масса этой ссенки и полное отсутствие икры, как у ссенки, так и у полуживой чавычи, окончившей метание икры, есть видимое доказательство, что рыба, оканчивая икрометание, оканчивает и свою жизнь, а потому она и не может вернуться в море.

Жители, как я заметил выше, утверждают, что рыба и мальки, идущие из озера, и ходовая рыба, идущая из моря в реки и озера, встречаются друг с другом. Хорошо бы естествоиспытателям проверить это явление, а равно и проследить, какие именно мальки идут из озера в море: те ли, что появились на свет в данном году, или те, которые развились раньше, год-два тому назад. Тогда, быть может, будет пролит свет на то замечательное явление природы, которое в просторечии называется ходом рыбы. Я скажу даже больше. На камчатских горных речках, какова, например, Авача, неглубоких, прозрачных, как хрусталь, в ясные солнечные дни, сидя на берегу, можно наблюдать жизнь ходовой рыбы, точно в аквариуме. Камчадалы говорят, что вся рыба идёт парами, причём каждая пара знает друг друга и не допускает в свою компанию другой пары. Говорят также жители, что рыба идёт безостановочно вверх по течению до тех пор, пока она не найдёт своего гнездовья, то есть такого места, где, остановившись, она мечет икру. Говоря так, жители, по-моему, правы. Я сам видел на реке Аваче ход рыбы и часами сидел на берегу, наблюдая это любопытное явление. Хрустальные воды Авачи позволяют видеть решительно всё, что делается на дне этой реки. Сидя в ясный солнечный день где-нибудь на берегу, видишь, как массы, несметные массы рыбы,

точно тучи, всё время идут и идут вверх, не останавливаясь. Вот от руна отделяется пара, две, три. Эти отделившиеся пары всё замедляют и замедляют свой ход, вот оне и остановились. Одна из рыб, вероятно, самка, становится вблизи берега, наискос течения, а впереди её вершка на полтора-два, почти параллельно, становится другая рыба, видимо, самец. Эта пара, по уверению жителей, не двинется вперёд ни на один дюйм. Она остановилась затем, чтобы метать икру, и делает она это дело до тех пор, пока не окончит, а окончивши, тут же, почти не сходя с места, умирает. На реке Аваче можно видеть неисчислимое множество таких парочек, всё время стоящих на одном месте. Вот говорят, что рыба мечет икру на ходу, а на Аваче я сам видел множество пар, стоящих на месте. Наблюдая за той или другой парой, можно видеть, как к ней, от поры до времени, подплывает какая-либо другая рыба, и как на такую рыбу бросается самец, как он гонит её и, видимо, старается укунить за плавники.

Все, что я говорю о ходе рыбы, легко проверить и следует проверить, так как пожить на Аваче лето, последить за жизнью ходовой рыбы в этой реке, а равно и в озерах, это, значит, приблизиться к решению вопроса о периодическом ходе морских рыб в пресные воды. Река Авача — это природный аквариум. Берега озера Дальняго, как и всякого другого, куда попадает ходовая рыба, начиная с последних чисел июня, покрываются массами сонной рыбы, окончившей икрометание. К этому времени сюда сходится множество медведей, но только промыслять здесь медведей трудно, на лодке нельзя, ибо медведь увидит и убежит от охотника, а пробраться берегом также трудно, ибо путь преграждают почти отвесные скалы. Перебравшись на другую сторону озера, мы опять сели на лошадей и скоро приехали в летник селения Паратунского.

О летниках я говорил уже раньше и не имею что-либо добавить к сказанному по отношению к паратунскому летнику. Он такой, как и все. В паратунском летнике мы заночевали, а наутро двинулись дальше. Путь шёл тропой вдоль берега небольшой речки, впадающей в Паратунок.

Трава такая густая и высокая, что она закрывает всадника. Ехали и рощами: те же грибы, масса ягод, частенько взлетают выводки тетеревов. Речку Паратунок мы переплыли на батах, а лошадей переправили вплавь. Паратунок — река быстрая и глубокая. Рыба так и плещет по всей реке.

От реки Паратунка до селения Паратунского версты четыре, причём с третьей версты начинается болото, настолько вязкое, что

ехать на лошади трудно: увязая по колено, карабкаясь из болотной трясины, лошадь так энергично подпрыгивает, что непременно слетишь. Мы с Ошурковым предпочли пойти пешком, а лошадей повели в поводу. Путешествие от речки до селения, правда, небольшое, всего четыре версты, но легче пройти сорок вёрст хорошей дорогой, чем четыре версты болотом.

Селение Паратунское основано в 1853 году при В. С. Завойке иркутскими переселенцами. Это селение расположено сейчас же за болотом, у подножия лесистых гор, со всех сторон окружающих это селение. Вид селения очень красивый, постройки отличныя. В этом селении — Паратунские горячие ключи. Ключей здесь несколько, но два ключа остаются совершенно неиспользованными, тогда как третий ключ использован и является своего рода курортом.

Горячий ключ, имеющий при истоке 65 градусов Цельсия, образует ручей, который, при помощи плотины образовал озеро, температура коего никогда не бывает ниже 33 градусов Цельсия. На дне озера также есть горячий ключ. Над горячим озером всегда стоит пар, а в зимние, и вообще в холодные дни особенно густой. На берегу озера устроены три ванны, то есть помещения, где можно раздеться. Внутри ванн устроены лавки, посередине стоит стол, а на одной из стен даже зеркальце. Раздевшись, нужно поднять люк, проделанный в полу ванны, и по лестнице спуститься в озеро.

Привыкши купаться в холодной воде, как-то странно очутиться в горячей. Глубина озера выше пояса, и в первое время очень жжёт, но, обтерпевшись, можно пробыть в горячем озере минут десять-пятнадцать, особенно на его середине. Ощущение приятное, после купанья всегда обильный пот. Говорят, что воды паратунского горячего озера суть индифферентныя, но я не могу подтвердить этого, так как не знаю, был ли когда произведен анализ воды этого озера, а если и был, то какие его результаты — мне неизвестно.

Жители села Паратунского купаются в этом озере ежедневно, и притом круглый год, и зимою, и летом. Если даже допустить, что паратунское горячее озеро и не имеет особых целебных свойств, то побывать там все-таки стоит: так хороша там местность, такая там угодья по части сбора грибов, ягод, ловли рыбы, охоты на птицу, а для любителя и на медведя, так там вообще покойно и уютно, что я рекомендую любителям природы и сельской идиллии, нуждающимся в укреплении своей нервной системы, ехать на паратунские ключи.

Это чудный уголок, где, кажется, одна природа может излечить от многих недугов.

В Паратунском селении четырнадцать домов, все хорошие. Каждый дом паратунского жителя разделен на две половины: чёрную и чистую. В чёрной половине, отделённой перегородкой от кухни, хозяева обедают, пьют чай и проч., а чистая половина, обитая обоями, украшенная дешёвенькими комнатными растениями, лубочными картинками, стенными часами, меблированная стульями, столами, крытыми покупными салфетками, предназначена для приёма гостей. В чистую половину уже не подадут самовар, а приносят чай и всё относящееся к чайному угощению: сахар, булки, масло и сливки на подносах.

Паратунцы, как и все вообще жители Камчатки, очень гостеприимны. Лишь только вы пришли на порог дома, как хозяйка начинает возиться с самоваром (самовар есть во всяком доме), и минут через десять-пятнадцать вам несут чай на подносе, причём в стакан предупредительно накладывают не менее семи-восьми кусков сахара. Чай всегда «с прикусками», то есть с хлебом и свежим маслом, а равно и со сливками. Если вы ночуете, то часов в семь вас приглашают ужинать. Отличительная черта Камчатки: там ни для кого не будут накрывать отдельный стол, а накроют непременно там, где сядет вся семья, и гость, какого бы высокого ранга он не был, будет есть то же самое, что и вся семья. В Южно-Уссурийском крае чиновный гость всегда возседает за особым столом и ест что-либо особое, специально для него приготовленное, а вся семья смотрит в глаза. Другое дело в Камчатке: там вас сажают, хотя и под образами, но за одним столом со всеми. С левой руки помещается хозяин, а с правой хозяйка, которая, хотя и всё время хлопочет и суетится, но которая поминутно подкладывает гостю на тарелку то то, то другое.

Придя с Ошурковым в Паратунское селение, мы остановились у местного крестьянина Подпругина, приходящегося родственником по матери знаменитому иерарху Иннокентию Вениаминову.

Подпругин — это камчатская знаменитость. Вот уже более тридцати лет без него не обошёлся ни один исследователь, заехавший в Камчатку собирать какие-либо сведения об этой стране. Подпругин великолепный охотник, человек очень разумный, прекрасно знающий камчатскую жизнь. Он, обыкновенно, нанимается проводником, может при случае быть переводчиком камчадальских наречий, соберет коллекцию. Подпругин себе на уме, и он ничего не сделает безкорыстно. Таксирует он свои услуги по

высокой цене, и даже не прочь заработать на какой-либо коммерции лишнее. Подпругин немного даже плутоват, но это качество, в сущности, нисколько не умаляет его достоинств в отношении того, кто приехал знакомиться с Камчаткой. Пользуясь услугами Подпругина, можно и на медведей сходить, можно и баранов пострелять, можно и соболя видеть. Подпругин всё знает, всё укажет путешественнику, во всём ему поможет, а если он в конце концов сдерёт — то это, по-моему, правильно. Надо же извлечь ему пользу из его обширных и разносторонних знаний Камчатского полуострова и жизни на нём как людей, так зверей и рыбы.

Я походил с Подпругиным по Камчатке две недели, и в восторге от этого путешествия. Умный, услужливый, опытный, словоохотливый — он во время этого путешествия дал мне яркую картину камчатской жизни.

Домашняя обстановка Подпругина, хотя несколько и богаче обстановки прочих жителей с. Паратунского, но, в сущности, Подпругин живёт совершенно так же, как и прочие паратунцы, и жители других селений Камчатки.

В семь часов вечера меня и Ошуркова пригласили к ужину. Стол был накрыт чистою белую скатертью, перед каждым тарелка, ложка, вилка, нож. Хлеб белый. С начала были поданы закуски: солёные брющки чавычи, обильно посыпанные зелёным луком, юкала, мелко нарезанные куски медвежьего сала, а на другой тарелке — куски медвежьей солонины. Затем подавали уху из рыбьих головок, суп из диких уток со сметаной, жареные в сметане грибы, творог со сметаной, а затем жимолость и княженику со сливками. В заключение — чай. По такой карте, но с различными вариациями, меня угощали камчадалы за всё время моего путешествия с Подпругиным по Камчатке. В любом селении изобилие молока и молочных скопов, у любого хозяина есть и юкала, есть и солёная медвежина, а что касается грибов, ягод и дичи, то не ест их в Камчатке только тот, кто не хочет.

В следующей главе я расскажу о быте населения Камчатки вообще, а затем в конце сей статьи приложу сводную статистическую таблицу, где желающие могут найти цифры, относящиеся до любой отрасли хозяйства камчадала. А настоящую главу я закончу описанием моего посещения камчатской лепрозории, расположенной в селении Николаевском, в двадцати трёх верстах от селения Паратунского. Это путешествие я совершил верхом в компании с Подпругиным.

Село Николаевское расположено на реке Паратунке, в настоящее время в нём восемнадцать дворов. Селение Николаевское имеет все данные к процветанию: по долинам Паратунка и его притока, реки Быстрой, растёт прекрасный тополёвый и берёзовый лес, и паратунский тополь, иногда в два обхвата толщины, считается лучшим материалом для постройки батов, камчатских лодок, приспособленных для плавания по быстрым горным камчатским речкам, то глубоким, то стремящимся на каменистых перекатах при глубине не выше трёх вершков. Независимо от леса, николаевский надел имеет обширные пространства прекрасных тучных лугов, на которых круглый год, исключая дней пурги и наста, пасётся николаевский скот. Жители Николаевского имеют хорошие промыслы, и рыбные, и звериные, и их экономическое благосостояние видно из таблицы статистических сведений, упомянутой выше.

Как ни довольны были николаевцы своими местами, но благодаря поселению здесь прокажённых, они должны их бросить и искать новых мест. Это печальное, если не сказать более, явление произошло следующим образом.

Нынешний начальник Петропавловской округи, П. А. Ошурков, вступивший в эту должность в 1896 году, обратил внимание на жалкое положение в Камчатке больных проказою, которые, будучи рассеяны в различных селениях, не только не имели медицинской помощи, но они не имели даже призора, что для прокажённых, особенно в последнем фазисе этой ужасной болезни, было крайне мучительно. Желая облегчить страдания несчастных, г. Ошурков вошёл с особым представлением (17 июня 1896 года № 488) к военному губернатору Приморской области, в коем, указывая на жестокия страдания больных, на их безпризорность и обременение числившимися тогда девятнадцатью прокажёнными (в Петропавловске — 1 чел., с. Аваче — 1, Николаевском — 11, Милькове — 1, Карягинском — 1, Усть-Камчатске — 1, Аваче — 1, Верхнекамчатске — 1, Старом Осторге — 1) всего населения Камчатки, просил начальство об облегчении участи населения вверенной ему округи, причём средством к этому он рекомендовал лепрозорию, высказавши, что таковую следует устроить в селении Николаевском, вероятно, в уважение того, что в селении этом числилось наибольшее число больных, одиннадцать человек из девятнадцати прокажённых во всей Камчатке.

Это представление начальника округи не осталось безследным: в 1898 году из сумм, ассигнованных Министерством внутренних

дел на призрение прокажённых в Приамурском крае, было выделено четыре тысячи рублей для Камчатки.

Когда эти деньги были получены в Камчатке, то и вопрос о призрении прокажённых перешёл на практическую почву.

Решивши основать лепрозорию в селе Николаевском, окружная администрация по получении сказанной суммы предложила жителям этого селения переселиться в другое место и изъявила готовность купить их дома, всего восемнадцать, по цене 150 руб. за дом, что составляет сумму 2 700 руб., на что жители и согласились.

Ввиду того, что в Николаевском было одиннадцать человек больных проказой и в числе жителей могли быть и другие заражённые этой болезнью, хотя и незарегистрированные, окружная администрация решила: прежде чем приступить к выселению николаевцев, подвергнуть их всех медицинскому осмотру и выселять только тех, которые окажутся вне всяких подозрений относительно заразы проказой, для чего окружному врачу была дана соответствующая бумага.

Врач в Николаевское не поехал, больных от здоровых не отделил, и дело призрения больных в Камчатке, несмотря на ассигнование 4 000 руб. и некоторый приток благотворительных средств, осталось в той же стадии, в какой оно было и до 1896 года.

Оставляя в стороне вопрос, почему не поехал в Николаевское окружный врач и не исполнил весьма важного поручения начальника округа, оставляя в стороне вопрос, почему именно окружная администрация облюбовала для лепрозория селение Николаевское, когда для этой цели, по моему мнению, наиболее подходит пепелище так называемого дворца одного из сатрапов камчатской старины, находящееся на полпути между селением Паратунским и селением Николаевским, расположенное в местности, чрезвычайно красивой и здоровой, что для прокажённых, пожалуй, важно, я расскажу здесь то, что я вынес из своего посещения селения Николаевского.

В июле месяце 1901 года в Николаевском было трое прокажённых: Николай Бобриков, сорока двух лет, Степан Мурашёв, тридцати восьми лет, и Домна Михайлова, двадцати девяти лет. Больные помещаются в двух домах, находящихся в черте селения и недалеко от домов, населённых здоровыми семьями, больные мужчины отдельно, больная женщина отдельно.

На той окраине села, где помещены больные, есть два дома выморочных, никем не занятых. На этой же окраине, в постоянном

общении с больными и здоровыми жителями села Николаевского, живёт камчадалка-вдова, имеющая трёх детей.

Все трое больных имеют ясно выразившиеся признаки проказы: у женщины всё лицо покрыто какими-то буграми сизаго цвета, Мурашёв, в мою бытность в с. Николаевском, уже потерял способность ходить, а он кое-как ползал на руках, Бобриков ходил, но жаловался на стеснение в груди, на частую темень в глазах, на нытьё и лом в костях.

Когда я был в Николаевском, стоял знойный день. Солнце пекло невыносимо, ветерка не было, комаров, мошки — невероятное множество. Больных мужчин я застал вблизи занимаемого ими дома. Мурашёв лежал на траве, подложивши под голову соломенную подушку, а Бобриков из вязанки принесенного им хвороста отбирал сухие сучья. Лицо полумертвого Мурашёва было сплошь усеяно комарами, он не отмахивал их, ибо его лицо, руки и ноги, оголенные, покрыты буграми и язвами, уже не чувствительны к укусам комаров. И жалко, и страшно было смотреть на этого живого мертвеца, страшно потому, что комары, сидевшие на его лице, пившие его кровь, заражённую ужаснейшей болезнью, постоянно садились на моё лицо и, как мне казалось, кусали меня.

Мои разговоры с Бобриковым пробудили Мурашёва. Кряхтя и охая, сел он на корточки, осведомился, с кем говорит, и стал жаловаться на свою жестокую судьбу:

— Ходить не могу, вши меня заели. Тело не мыл более года, белья не менял с зимы. Все ноет внутри, а кости точно шильями раскалёнными кто колет. Когда товарищ заболел и заляжет — воды нет попить, за дровами некому сходить, некому печку истопить. Молюсь Богу, чтобы помереть скорей, да смерть не идёт.

И прокажённый не то застонал, не то зарыдал. Нужны стальные нервы, чтобы опрометью не бежать от этого пристанища величайшей скорби, посланной Провидением человечеству.

Те же самые разговоры, та же картина невыразимых страданий и в хате, занимаемой прокажённой женщиной.

За прокажёнными, собранными в селении Николаевском, нет ухода, нет за ними призора, по крайней мере это свидетельствовали они сами, обречённые на медленную, мучительную и верную смерть. С формальной стороны, пожалуй, заботятся о несчастных: каждый из них ежемесячно получает «прокажённый паёк»: треть кирпича чаю (20 коп.), муки полтора пуда (3 руб.), крупы шесть фунтов (48 коп.), сахару два фунта (33 коп.), рыбы два пуда (50 коп.),

на одежду четыре рубля, на дрова два рубля, на непредвиденные расходы один рубль.

Весь этот паёк отпускается окружным начальником аккуратно, но окружный начальник не имеет в своем распоряжении способов устроить призрение больных так, чтобы их бедная участь была облегчена хоть чистым бельём, хоть редкими банями, хоть словом утешения.

Два года тому назад за больными ухаживала женщина, муж которой и два сына умерли от проказы. Она сама, оставшись здоровою, посвятила свою жизнь уходу за прокажёнными: стирала им кушанье, мыла бельё, обмывала, наконец, язвы больных в тех случаях, когда проказа довершала свое дело и лишала свою жертву способности двигаться.

Но эта самоотверженная женщина умерла. Окружная администрация не может найти другой такой подвижницы, и вот больные, хотя и с обеспеченным продовольствием, должны маяться подчас и в голоде, подчас и в холоде, а в грязи всегда.

А маялись бы разве больные так, как маялся на моих глазах прокажённый Мурашёв, если бы отпущенные четыре тысячи рублей пошли по их прямому назначению, а не лежали бы пятый год в депозитах Петропавловского окружного управления, создавши пока что только тоненькое канцелярское дело, заканчивающееся предложением окружному врачу отделить в с. Николаевском больных от здоровых, на каковое никакого ответа врача нет и, вероятно, будет не скоро.

Это молчание врача по делу христианского милосердия, будучи, по словам статского советника Ошуркова, канцелярским торгизмом к улучшению участи прокажённых, собранных его распоряжением в с. Николаевском, в тоже время обездоливает всё селение Николаевское.

Выше я сказал, что жители согласились выселиться, но им, из опасения разноса заразы по всей Камчатке, не позволяют выселяться, а больных проказою приселяют, и селение Николаевское в глазах всей Камчатки получило репутацию очага проказы. Во всей Камчатке не найдется человека, который купил бы какое-нибудь произведение хозяйства николаевцев. Все сторонятся от николаевцев. Их хозяйство, не находя ровно никакого сбыта, падает, падают духом и сами жители но, покорные, как и все вообще камчадалы, воле властей, они безропотно несут тяжёлый крест, выпавший на их долю избранием селения Николаевского местом для устройства лепрозории и молчанием врача на сказанное

предложение начальника округа, благодаря чему они не могут даже переселиться в другие места, где их и не сторонились бы и покупали избытки их хозяйства.

Во всей этой грустной истории утешительно лишь милосердие Божие: из девятнадцати прокажённых, числившихся в Камчатке в 1896 году, к июлю 1901 года осталось лишь трое, но из этих троих двое, наверное, уже умерли. 28-го июля священник напутствовал Мурашёва в лучший мир, а там, вероятно, не замедлила отойти в вечность и больная женщина, и в Николаевском, быть может, остается теперь один зарегистрированный прокажённый, Бобриков, что, однако, отнюдь не исключает необходимости немедленно без всякой канцелярской волокиты приступить к постановке дела призрения несчастных больных на начала христианского милосердия.

Под тяжёлым впечатлением возвратился я из селения Николаевского. Положение дела призрения в Камчатке больных проказой не обошлось без типичной черты истории Камчатки, да и всей нашей северной окраины: этого дела коснулась мертвящая рука канцелярщины, как касалась она и, в конце концов, губила многия начинания, направленный к улучшению жизни и быта в сей далёкой стране.

Канцелярщина — это первый и главный враг развития северо-восточной окраины. Доказывать это едва ли есть какая-либо надобность. В окружных управлениях северных округ стоит раскрыть любое «дело», касающееся того или другого вопроса живой жизни, чтобы убедиться, что эта синяя обложка канцелярского дела — есть могила дела живаго.

ГЛАВА VI. НАСЕЛЕНИЕ КАМЧАТКИ, ЕГО ПРОМЫСЛЫ И БЫТ

Общая численность населения Камчатки в настоящее время до 8 000 чел. Эта цифра составляется так: русских 2 200 обоего пола; инородческого племени: камчадал 4 000 чел., бродячих инородцев (коряк ламут, чукчей) около 2 000 душ обоего пола.

Из камчатского населения первое место, как по относительной численности, так и по умственному развитию, принадлежит русским крестьянам и казакам. Крестьяне, населяющие Камчатку, суть потомки крестьян, привезённых в Камчатку в самом начале ее заселения. Русские люди, заброшенные в отдаленнейший уголок нашего отечества, в Камчатку, окруженные инородцами, сохранили православную веру, все свои обычаи и язык.

В то время как инородцы ищут пропитания исключительно в промыслах лесного и водяного зверя, в ловле рыбы, русские, занимаясь промыслом зверя, не забыли совершенно и исконного своего промысла — хлебопашества. Занимаясь хлебопашеством, хотя и в ничтожных размерах, они промышляют и зверя, а потому и быт их является более обеспеченным, и русское население Камчатки не знакомо с голодовками.

Следующее за русскими место занимают камчадалы. Камчадалы — аборигены полуострова. Отличаются они флегматическим темпераментом, религиозны, добры, строго уважают чужую собственность. Камчадалы, живущие в местностях, расположенных к югу от Тигиля и Ключевского селения, говорят русским языком и совершенно забыли свой родной язык. В местностях же к северу от Тигиля и Ключевского селения говорят на камчадалском наречии. Образ жизни у этих камчадалов остался в первобытном состоянии. Русская культура почти не коснулась их. Все новое представляется им чем-то необыкновенным, от чего они сторонятся. Привычка к старым обычаям и способам промыслов так укоренилась у камчадалов, что объяснения и разъяснения об улучшении их выслушиваются ими с явным недоверием.

За камчадалами следуют ламуты. Ламуты или тунгузы ничего общего с русскими не имеют, кроме исповедуемой ими православной веры.

Ламуты — народ добрый, честный, трудолюбивый. Их занятие: охота, рыбный промысел и оленеводство. Живут они вдали от селений отдельными, переносимыми с места на место юртами и приходят в селение только для приобретения от торгующих необходимых для них припасов: табаку, пороха, свинца, чаю, ситцев и прочего.

Последнее место занимают бродячие оленные коряки, пришедшие из Гижигинской округи. Это грязный, полудикий, грубый народ, подчиняющийся только физической силе, придерживающийся язычества и почти не подающий никаких надежд на принятие православной веры. Постоянных мест жительства они не имеют, а перекочёвывают со своими стадами с места на место по хребтам камчатских гор и вершинам речек. Главное занятие коряк — оленеводство, промысел пушного зверя и рыболовство.

Как ламутам, так и корякам русская речь совершенно неизвестна и весьма туго прививается. Причина заключается в том, что сказанные инородцы, завися в своей жизни от оленей, идут со своими стадами туда, где есть основание предположить обильный

корм. Ламуты и коряки, мало соприкасаясь с русским населением, остаются чужды русскому языку и русской культуре.

Центром жизни Петропавловской округи можно считать долину реки Камчатки. Долина реки во всех отношениях для заселения удобна. Селения, расположенные по течению этой реки, имеют в достаточном количестве лес, луга и пашни. В реку Камчатку вверх по течению входит из моря во время метания икры масса рыбы. Жизнь населения долины Камчатки вполне обеспечена. Местность Кроноцкого и Камчатского заливов и долины реки Камчатки изобилует хорошим, годным на постройки, лиственничным и еловым лесом. В лесах этих водится разного рода пушной зверь, дающий населению возможность удовлетворять свои неотложные денежные нужды и поддерживать хозяйство. Эти леса, к чести населения, ревниво охраняются от пожаров и хищнических порубок. Лес в Камчатке — не только древесный материал, известной ценности, но и жилище зверя, а зверь в Камчатке — самое главное народное богатство, и вот камчадалы, памятуя последнее, разводя на таборах огни, не тронутся с места, прежде чем костёр не будет тщательно залит водою, причём камчадал, заливая водою костёр, разгребаёт затем головни и уголья голыми руками и только после этого трогается с места.

Жители Камчатки, если поймают кого-либо тщательно не затушившим костёр, могут поступить с ним так, как поступают в Европейской России с конокрадом, пойманным на месте преступления.

Путешествуя по Камчатке в компании с камчадалами, можно нажить крупную неприятность, если бросить незатушенную папиросу или спичку. В Камчатке охраняет лес от палов всякий ея житель, и палы поэтому до весны и лета 1901 года были там неизвестны. В лето же 1901 года, к великому горю Камчатки, там начинают уже появляться палы. Дело в том, что по введении нового закона о рыбных промыслах, лов рыбы японскими поданными воспрещен, и рыбопромышленники стали нанимать в число рабочих всякий сброд, в том числе и бывших сахалинцев, которые не привыкли к камчатскому режиму в отношении охраны леса от огня и, оставляя огни не затушенными, в лето сказанного года произвели по западному берегу Камчатки несколько палов.

Насколько вообще это явление считается жителями Камчатки серьёзным, видно из того, что донесение о палах окружному начальнику, отправленное из Большерецка «полетучкой» с пером ястреба, припечатанным к пакету, было получено в Петропавлов-

ске на другой день, тогда как расстояние Большерецка от Петропавловского порта около двести вёрст.

Население, расположенное по долинам реки Камчатки, занимается частью земледелием. Засевают ячмень, коноплю и с успехом разводят огороды. Засевом ячменя занимаются преимущественно крестьяне селения Ключевского и смежных с ним. Сеют ячмень и камчадалы соседних с русскими селениями камчадалских острожков. По сведениям, данным администрацией округа, всей земли, находящейся в эксплуатации населения, состоит: огородов: около 300 десятин, пахотной 800 десятин, лугов 35 651 десятин. Из этого количества находится: под ячменём 570 десятин, под огородами 230 десятин, под коноплю 5 десятин. В 1900 году средняя цифра посева выражалась так: ячменя в Петропавловской округе засевалось до 3 000 пудов, урожай около 20 000 пудов, огородных овощей: репы, редьки, брюквы, капусты и прочих собирается ежегодно около 3 000 пудов; конопли засеивается около 75 пудов, урожай около 150 пудов. Сена в последние годы заготавливалось в Петропавловской округе средним числом до 100 000 пудов. Урожай ячменя колеблется между сам 5,5 и сам 7. Посев ячменя и конопли производится, обыкновенно, не позже 10 мая, но зависит от того, как освободится земля от снега. Огородные овощи и картофель сеются немного позже 20 мая. Уборка ячменя и конопли производится в половине или конце августа, смотря по степени созревания. За уборкою хлеба следует уборка огородных овощей и затем картофеля. Обработка полей производится самыми первобытными орудиями. Агрономическая усовершенствования не коснулись пока далекой Камчатки. Средняя цена пуду ячменя от 2—3 руб. Из конопли обыватели Ключевского селения и соседних камчатских селений выделывают неводное прядево, употребляемое ими для рыболовных сетей и неводов. Конопля засеивается в размере, нужном для собственного употребления, и производство конопли не составляет в округе особой отрасли промышленности.

Картофель сеется на восточном и западном берегах полуострова, но преимущественно в долине реки Камчатки. Средняя цена одного пуда картофеля от 1 руб. — 1 руб. 50 коп., остальные овощи возделываются исключительно для собственного потребления населения и в продаже не существуют.

Разведением скота занимается преимущественно русское крестьянское население округа и в самых незначительных размерах оседлое инородческое население. Бродячие инородцы, ламуты

и коряки, имеют табуны оленей. Русские разводят коров и лошадей. Лошади проводят зиму на подножном корму. В иную зиму лошади не могут доставать себе корм из-под снега и даже не могут переходить с места на место (вязнут в снегу). Обыватели, случается, привозят своих лошадей к дворам на собаках. Породы рогатого скота и лошадей определить весьма трудно, но полагают, что это есть акклиматизировавшаяся в Камчатке порода, завезённая сюда из Иркутской губернии и Якутской области крестьянами и якутами, переселёнными в Камчатку чрез Аян.

Рогатый камчатский скот небольшого роста, не разборчив в еде, дает молока достаточно. Камчатское население имеет лошадей только верховых для поездок по промыслу разного рода пушного зверя до тех пор, пока снег ещё мелок и не мешает ходу лошади. Лошади камчатския не знают подков. По тундрам и гористым местам оне идут очень осторожно, большею частью шагом, делая три или четыре версты в час. Около Толбачинскаго и Козыревскаго селений замечены два табуна одичавших лошадей, всего около двухсот голов. Одичавшие лошади чутки, сторожки, не допускают человека, и поймать их никому не удаётся. Количество лошадей и коров в Камчатке и распределение их по селениям этой страны видны из сводной статистической таблицы. Цены на скот существуют в настоящее время следующие: лошадь от 30—60 руб., корова от 15—60 руб.; олень от 6—10 руб., езжая собака от 3—15 руб. Цена на мясо: говядина от 9—8 руб. пуд; оленина от 3—4 руб. пуд.

Бродячее население Петропавловской округи, ламуты и коряки, имеют табуны домашних оленей, служащих им для пищи и как перевозочная сила. Олень, как перевозочная сила бродячаго инородца, выгоден для своего хозяина тем, что не заставляет его заготовлять на зиму сена. Олень круглый год на подножном корму. Камчатский олень гораздо ниже ростом и меньше севернаго оленя, малосилен и при перекочевках скоро утомляется. Коряки и ламуты при перекочевках запрягают в особаго устройства сани не менее двух оленей, кладя на каждая сани не более четырёх пудов груза. Переходы делаются не более тридцати вёрст в сутки с оставкой в пути для отдыха и для корма оленей.

Бродячие инородцы при всём своём желании увеличить свои табуны оленей не достигают желаемых результатов по следующим причинам: у инородцев, кочующих по западному берегу Камчатки, случаются частыя голодовки. Для поддержания своего существования инородец режет своих оленей и питается ими,

и в стаде получается не прирост, а убыль. Вторая причина — большое истребление оленьих стад волками. Стаи волков перебивают с места на место следом за табунами оленей. Иноходец беспомощен против такого хитрого, выбирающего тёмные ночи врага, не стреляет в волка из суеверия, а отравы, которой, по мнению иноходца, волк не отравляется, а угощается, у иноходца нет.

Кроме истребления оленьих табунов самим хозяином в дни голодовок и волками во всякое время, много оленей гибнет от эпизоотической, заразной болезни копыт, при появлении которой владелец лишается почти всего табуна, не зная и не имея средств предотвратить заболевания. По словам оленных ламут и коряк, болезнь копыт, от которой часто погибает всё стадо, является последствием неудобных пастбищ и мест стоянки табунов. Табуны оленей, находясь на мокрых тинистых местах, набивают копытные части мокрою глиною, которая при переходе оленей на более сухое место засыхает в канале и производит воспаление и нагноение, которые, быстро увеличиваясь, прекращают жизнь оленя. Больной олень, ходя по траве, оставляет на ней часть нагноения, а проходящий по следам больного здоровый олень, наступая на заражённую гноем траву, заражается и заболевает. Некоторым паллиативом эпизоотии служит у иноходца следующее средство: заболевший табун вгоняется в быструю горную речку. Текучая вода, промывая гной у заболевших, несколько предохраняет стадо от дальнейших заболеваний. Случая же, чтобы уже заболевший олень выздоровел, никогда не было. В 1892 году от копытной болезни пало в Петропавловской округе 2 000 оленей.

Для всего населения Петропавловской округи, как русского так и инородческого, необходимейшим домашним животным является собака. Вследствие местных климатических условий, собака заменяет населению лошадь, не требуя никаких особых расходов на своё содержание. Без собак обыватель Камчатки совершенно беспомощен. Без собак он не может выезжать на промыслы пушного зверя, дающего ему средства к существованию, без собак обыватель Камчатки не может заработать что-либо перевозкой купеческих грузов в селения округи.

В округе существует две породы собак: езжалая и зверовая. Езжалая собака небольшого или среднего роста, на крепких мускулистых ногах, с хорошо развитою грудью. Голова средняя, рыло узкое, уши стоячие, короткия, шерсть различной пушистости и цветов, хвост обыкновенно на втором году подрезается между третьим и четвертым позвонком от основания. Собаки этой породы сильны,

крепки, не требуют почти никакого ухода, ласковы, привязчивы к своему хозяину. Оне могут пробегать с грузом без остановки шестьдесят-семьдесят вёрст в сутки. Безпрерывной каждодневной езды оне не переносят. Во время переездов необходимо давать небольшой отдых, а через каждые двое суток езды — день отдыха. Обыкновенная езжалая собака ценится от 5 до 10 руб., а передняя от 10 до 20 руб. Порода зверовых собак, выслеживающих и загоняющих соболя, известна под названием «ламутской», и эта порода в округе считается лучшею. Ламутская собака роста среднего, на тонких стройных высоких ногах, с сильно развитыми грудными мускулами. Голова с узким рылом, глаза выразительные, нос развитой, шерсть средней величины — чёрная. Отличительный признак ламутской собаки — желтоватая небольшая круглая пятна под каждым глазом, рот, грудь, брюхо и оконечности опушены желтоватого цвета шерстью. Ламутская собака весела, ласкова, быстра на бегу, неумоима, понятлива, сильна и обладает прекрасным чутьём. Хорошая собака ламутской породы ценится не менее 100 руб. По отзывам старожилов, порода езжалых и зверовых собак в Петропавловской округе с каждым годом постепенно ухудшается вследствие плохих кормов по количеству и качеству. Собак зачастую кормят рыбою, пролежавшею по два и по три года в земляных ямах, вполне испортившеюся и издающею сильное злование. Болезни собак весьма различны. До 1870 года преимущественно замечалось тихое бешенство, происходящее от небрежного ухода за собаками их владельцев. В жаркие камчатские летние дни, когда собаки сидят на привязи, хозяин не заботится даже переменить собаке воду для питья.

В начале 1890 года в округе появилась совершенно новая, не бывшая ранее болезнь, отличительными признаками которой были кашель, насморк и болезнь глаз. Заболевшая собака худела и затем пропадала. Все принимавшиеся населением меры не помогали. Болезнь эта сильно распространилась по всей округе, не пощадив и зверовых собак. К числу причин, служащих к ухудшению породы собак, служит то обстоятельство, что население не желает оставлять лучших самцов.

Для езды употребляют кастрированных собак, и потому каждый, имеющий годовых щенков, холостит оказавшихся лучшими, но для приплода не оставляет, надеясь, что кто-нибудь оставит. Оставляют на приплод обыкновенно самых худших щенков, для езды негодных. На суках не ездят, и запряжка в нарту сук считается в Камчатке оскорблением пассажира.

Во всей Петропавловской округе нет ни одного каменного здания. Все жилые постройки города Петропавловска одноэтажные, крытые в большинстве случаев соломой или сухой травой. Материалом для постройки служит ель и лиственница. Эти деревья, вполне удовлетворяющие условиям строевого леса, растут на восточном берегу полуострова, начиная от Пущенского селения до Озерковского, на протяжении 579 вёрст. В остальных же местах Камчатки жилые помещения строятся преимущественно из ветлового и тополёвого леса. В округе мало плотников, с пилами население только учится обращаться. Плахи и тёс, случается, выделывают топорами. Все жилые помещения оседлого населения строятся из тонких деревьев, редко строятся опытными руками. Сложенные на мху и непроконопаченные постройки летом проливает дождь, а зимою стены промерзают. Окна двойных рам не имеют, и в большей половине камчатских окон стекла заменены выделанными и шитыми в продолговатые полотнища кишками медведя или нерпы.

Камчадалы, обитающие к северу от Тигиля и Озерковского селения, живут в земляных юртах и находятся в ещё худших гигиенических условиях. Их юрты не имеют деревянных полов и не защищены от дождя крышей. Юрты бродячих инородцев округи легки, удобно перевозимы с места на место при перекочевках. Для устройства юрты одновременно заготавливается несколько десятков тонких палочек, полвершка в диаметре и около двух аршин длины. Каждая три палочки в верхнем конце скрепляются через небольшие отверстия ремнём. Срубается также несколько штук длинных жердей. При постановке юрты четыре жерди связываются в вершине, а толстые концы раздвигаются в противоположные стороны, смотря по требующейся величине юрты. Концы двух жердей с каждой стороны раздвигаются до такого размера, чтобы человек в тёплой одежде мог пройти свободно, так как пространство между жердями служит входом в юрту. От одной крайней жерди до другой разставляются, смотря по нужной величине, на расстоянии один с третью аршина скреплённые по три палочки. Концы двух палочек в косвенном направлении втыкаются в землю, а третья накладывается в развилину следующих трёх палочек и так далее, до жерди, к которой привязываются, то же делается и с другой стороны жерди. Установленные так палочки обтягиваются ламутами выделанной оленьей кожей без шерсти, а коряками такой же кожей, но с шерстью. После этого в развилины тонких палочек, воткнутых в землю, вкладываются

толстым концом длинная жерди, а тонкий конец их накладывается на связанные сверху средние четыре жерди. Положенные жерди тоже покрываются оленьей кожей, и сверху оставляется отверстие для выхода дыма. Пол юрты очищается до земли от снега, покрывается прутьями, на которые настилаются невыделанные олени и других зверей шкуры, служащие вместе с тем постелями. Огонь для тепла и варки пищи раскладывается посредине юрты, под верхним отверстием. Юрты означенного устройства очень холодны, а потому ламуты никогда не снимают теплой меховой одежды. Юрты оленных коряк отличаются от ламутских тем, что коряки кроют юрты выделанными шкурами оленей с мехом и для получения большей теплоты привязывают к жердям внутри юрты большие полога, сшитые из таких же меховых оленьих шкур. В этих-то пологах и помещаются коряки со своими семьями. Более трёх пологов в юрте почти никогда не бывает. В каждом пологе может помещаться до восьми-десяти человек.

Петропавловская округа, помимо рыбы и зверей, о чём сказано выше, богата и всякого рода пушным зверем: морскими бобрами, медведем, лисицею, белым песцом, выдрю и прочими. Пушной промысел даёт населению Камчатки средства к удовлетворению насущных потребностей.

Главным предметом промысла служит дорогой зверёк — соболь. Добыча этого зверя производится по всему полуострову. Начинается промысел соболя с 1-го ноября и оканчивается 1-го марта.

Промысел этот производится ружьём, собакой и сеткой. Все другие способы добычи этого дорогого зверя, клонящиеся к быстрому его уничтожению, воспрещены. Каждый промышленник, желая добыть соболя, кроме необходимых перевозочных средств для поездки в местности, отдаленные от селений, должен иметь: заготовленную провизию, по крайней мере, на один месяц, ружьё-дробовик, собаку, умеющую выслеживать зверя, сетку и лыжи. Все эти предметы промысла, как дорогостоящие, передаются по наследству от отца к сыну или заводятся постепенно.

Промышленники, владеющие хорошим ружьём и, в особенности, собакой, не остаются без хорошей добычи. На промысел выезжают к верховьям рек, ставят на снегу палатку и, смотря по количеству заготовленной провизии, живут в ней недели две-три. Ежедневно утром промышленник берёт с собою зверовую собаку, пристёгивает к надетому на ней алыку (собачья сбруя) сетку, вложенную в узкий мешок из нерпичьей кожи, надевает лыжи и от-

правляется отыскивать на снегу свежий след соболя. Найдя соболь-
ий след, промышленник, смотря потому, позволяет ли снег бе-
жать собаке свободно, отпускает собаку по следу, надеясь, что со-
бака, догнав соболя, загонит его на дерево или другое какое-либо
место и не допустит соболя убежать до прихода хозяина. Если же
снег настолько рыхл и глубоок, что собаке и без сетки идти трудно,
то промышленник выслеживает зверя, идя сам на лыжах по его
следу. В этом случае, даже преследуя соболя по следу целый день,
редко удается добыть его. Измученный возвращается промышлен-
ник в свою палатку с пустыми руками.

На следующий день та же история. Самое благоприятное вре-
мя для промысла то, когда снег настолько твёрд, что не затрудняет
ходьбы на лыжах, и если, к тому же, ночью выпадет небольшой
снег. Выпавшая ночью мелкая пороша даёт промышленнику воз-
можность точно определить время, когда пробежал соболь. Собака
скоро настигает соболя, и соболь прячется от собаки на лесину,
или в кедровник, или в расщелины камней. Собака же, находясь
вблизи соболя, не даёт ему возможности убежать до прихода
промышленника. Промышленник по приходе осматривает сле-
ды соболя, и точно определяет место, где соболь скрылся. По сне-
гу в стоячем положении разставляется сеть на заранее привя-
занных к сетке палочках в полтора аршина длины, длина сети
около пятнадцати сажен. Сеть разставляется вокруг того места,
где спрятался соболь. Снег в том месте, откуда ушёл соболь в ке-
дровник, раскапывается.

Если промышленник удачно начал свои поиски, то соболь дол-
го не сидит в снегу и, видя, что ему не избежать гибели, выска-
кивает из своего убежища, и попадает в сеть, запутывается в ней
и схватывается собакой или самим промышленником. Добыча
же соболя, спрятавшегося в расщелине камня или скалы, требует
от промышленника больших усилий. Разставив сетку и оставив
около нея собаку, промышленник собирает дрова, и около норы,
куда скрылся соболь, раскладывает огонь. Дым скоро заставляет
соболя покинуть своё убежище. Выстрелами из ружья убивают
соболя только тогда, когда он, прорвавши сетку, убегает. Самая
лучшая порода собак для выслеживания соболя — ламутская.
Промышленник, не имеющий собственной зверовой собаки, берёт
у имеющего лишнюю, с тем, что половина всех добытых соболей
поступает в пользу владельца собаки. Хотя это условие и тяжело,
но промышленник охотно на него соглашается — без хорошей со-
баки нельзя добыть ни одного соболя. Ежегодная добыча соболя

по всей Петропавловской округе доходит до 3 000 соболей. Цена собольей шкурки от 25 до 40 руб.

Промысел медведя, шкура которого за последние годы сильно поднялась в цене, по сумме получаемого дохода стал на первое место после соболя. Промысел медведей производится преимущественно весною, когда медведи выходят из берлог и ищут себе пищи по берегу моря, и осенью, когда медведи разбредаются по мелким речкам, в которые входит рыба, служащая медведям пищею. Когда рыбы в реках достаточно, медведь очень осторожен. Невыход же рыбы из моря в речки делает медведя смелым, и голод, не позволяя ему ложиться на зиму в берлогу, заставляет его приближаться к человеческим жилищам. Зима 1897 года была особенно неблагоприятна для медведей по случаю недохода из моря рыбы. Голодные медведи целую зиму шатались близ селений и убивались обывателями во множестве. За 1897 год было убито в Камчатке 2 083 медведя. Среднее ежегодное число убиваемых медведей около 1 100 штук. Промысел медведя составляет для населения благосостояния Камчатки большую поддержку. Цена на шкуру медведя ежегодно повышается, мясо и жир убиваемых медведей употребляются в пищу. Кусок медвежьего солёного сала да юкала составляют главное продовольствие жителей Камчатки во время зимних промыслов. Медведи в Камчатке убиваются преимущественно пулями, и притом медведь подпускается на три-пять шагов, а убивать его на большем расстоянии считается трусостью. Ходят на медведя один на один, никаких ловушек и ям население не употребляет. Цена за шкуру медведя в настоящее время 18—35—40 руб., смотря по качеству.

Для промысла красной лисицы и белого песка употребляются привозимые торговцами железные капканы. Вблизи лисьих троп вырываются в лесу ямы, в которых в лунные ночи сидит промышленник, поджидая лисицу. В случае ее появления стреляют по ней крупною дробью. Этими же способами добывают и белых песцов, водящихся в северной части полуострова.

Цены на лисьи меха следующие: красная от 4—5 руб., сиво-душка от 30—75 руб., белого песка — 5 руб. До 1883 года промысел лисиц был весьма значителен, но в том же и последующем 1884 году, вследствие употребления для промысла лисиц стрихнина, зверь этот почти совершенно исчез. В настоящее время стрихнин, безусловно, воспрещен. В последние годы число добываемых лисиц возросло, и ежегодно добывают их до 1 500 штук.

В реках округа выдра водится. В среднем ежегодно добывается, преимущественно капканами, около 400 штук выдр. Цена за шкуру выдры 8—15 руб. Охота за лисицею, песцом, выдрю и другим мелким пушным зверем не составляет для камчатского промышленника особого, требующаго каких-либо затрат, промысла. Добыча этих зверей производится, так сказать, попутно. Кроме перечисленных зверей в Камчатке добывают: горных баранов, росомах и волков. Количество этих зверей невелико, и они не имеют особого значения в экономической жизни Камчатки.

Торговля в городе Петропавловске и в Петропавловской округе за малым обращением у населения денег, главным образом, меновая. Ведётся торговля способом, по которому инородец всегда находится в неоплатном долгу у торговца. Цены на предметы первой необходимости камчатского населения, благодаря увеличивающимся рейсам пароходов, с каждым годом всё уменьшаются. Петропавловские купцы выписывают себе товары частью из Владивостока, а частью из Одессы. В настоящее время в Петропавловской округе имеется следующее количество торговцев: первой гильдии — три, второй гильдии — четырнадцать, торгующих в округе по свидетельствам на мелочный торг — шестнадцать, на развозный торг товарами — сорок один. Как сказано выше, торговля ведётся в долг. Это имеет своим следствием то, что камчадалское население привыкло не подводить итогов своим долгам, не спрашивать, что стоит вещь, а брать её потому только, что она пригодна для хозяйства. Средние торговцы, получая свои товары в кредит от владивостокских купцов, оплачивают на следующий год свои кредиты вывезенной ими из Петропавловска пушниной, получаемой ими в обмен товаров.

За последнее время число средних торговцев с каждым годом всё увеличивается. В Петропавловске появились даже китайские лавки. Возникающая между ними конкуренция способствует удешевлению привозных товаров и вздорожанию пушнины, спрос на которую значительно увеличивается с каждым годом. В начале восьмидесятых годов соболь стоил не ниже 15 руб., в настоящее же время — не ниже 25—45 руб. Вообще, цены на пушнину, существующия в настоящее время в Петропавловской округе, должны бы были считаться очень высокими и не приносящими купцу никаких барышей. Но, принимая во внимание, что камчатская торговля исключительно меновая, и что купцы при покупке соболей уплачивают деньгами не более трёх рублей за шкуру, а остальную сумму оплачивают товаром, необходимым инородцу, можно

положительно сказать, что торговля в Камчатке не так убыточна, как рассказывают об этом сами торгующие. Не убыточна она потому, что купец получает свои товары из Владивостока с ничтожным фрахтом, а продаёт товар в Камчатке по ценам вдвое и более высшим, что и даёт ему возможность, не принося своим делам никакого ущерба, возвышать цену на пушнину. Выгодность торговли с инородцами привлекает всё большее и большее число торговцев средней руки, желающих поживиться за счёт инородца. Задолживание до сих пор велось при посредстве спаивания, так как инородец питает великую страсть к спиртным напиткам.

Конкуренция между торговцами и изгнание при торговых сделках спирта даёт надежду на установление нормальных цен, как на привозные товары, так и на нормальное оплачивание пушнины.

Из предписаний бывших генерал-губернаторов Восточной Сибири и губернаторов Приморской области видно, что, несмотря на категорическое запрещение ввоза в Петропавловскую округу спиртных напитков, снабжение ими инородцев, хотя бы под видом угощения, ввоз спирта до 1890 года практиковался в широких размерах. Торгующие в округе купцы и мелкие торговцы вывозили сюда спирт как бы для собственного употребления, целыми четырёхведерными бочёнками. Ввезённый спирт частью выпивался самими торговцами, но большею частью шёл в незаконную продажу и на угощение камчадалов при выезде их с промысла. Все едущие в округу за каким-либо делом неизменно везли с собой спирт.

Спаиваемые камчадалы не только за безценок отдают торговцам продукты своего промысла, но под влиянием развивающегося между ними пьянства они, случается, упускают даже время промысла.

В 1890 году начали применяться к делу все бывшие предписания о ввозе в округу спирта, имевшие единственную целию ограждать инородческое население от спаивания и получающихся отсюда печальных последствий. Не имея возможности сразу прекратить ввоз спирта, окружная администрация объявила торгующим и всему камчатскому населению, что лица и общества, желающие вывозить для собственного употребления крепкие напитки, должны каждый раз испрашивать особое разрешение окружного управления. Было объявлено также, что бутылки и посуда, в которых будут помещаться разрешённые администрацией к вывозу напитки, будут опечатываться печатью окружного управления и, кроме того, будут выдаваться удостоверения, какое количество разрешено вывезти, кому и куда. Старосты селений должны были

осматривать разрешенные к вывозу бутылки, и найденные не опечатанными печатью окружного управления должны были быть конфискуемы. Опечатывание напитков было необходимо в виду того, что не запечатанные бутылки могли быть распиваемы в попутных селениях. Дабы распоряжение о не вывозе в округу спирта не было только на бумаге, администрация распорядилась, чтобы все нарты, выходящие из города, тщательно осматривались. Лица, виновные в вывозе спирта без разрешения, подвергались взысканиям. Для предупреждения ввоза спирта в Тигиль, Усть-Камчатск и распространения его оттуда по округе, окружная администрация обратилась к командирам пароходов, посещающих камчатские порты, с просьбой не сгружать напитков, адресованных в Тигиль или Усть-Камчатск, в пунктах адресования, а, по возможности, доставлять таковые в Петропавловск.

Как ни хороши в теории эти распоряжения и меры борьбы администрации с торговлей спиртом, но на практике они сводятся к нулю. Путешествуя летом 1901 года по северным округам, я, между прочим, во всех портах просматривал пароходные коносаменты, и я не видел ни одного коносамента, где в числе товаров видное место не занимали бы спиртные напитки.

Говорить здесь о том, кому и сколько было доставлено в прошлую навигацию спирта, я не буду, потому что сыскная часть меня не касается, хотя вопрос о торговле спиртом в северных округах заслуживает серьезного внимания начальства.

По моему мнению, следует разрешить свободную торговлю спиртом: запретный плод не так сладок, цена спирта упадет, и спирт не будет уже служить средством к грабежу наших северян. Пусть пьет инородец спирт, но пусть его, одурманенного, не грабят, пусть не расхищают его достоинства, приобретенного дорогою ценою, потому что жизнь северного промышленника сопряжена с постоянными опасностями: дерёт промышленника медведь, тонет он в море, гоняясь за морским зверем, замерзает он в тундре, застигнутый пургой. Надо защитить северянина от грабителей, от разбойников, вооруженных не кистенем и ножом, а бутылкою спирта, и нападающих на северянина не в тёмном бору, а в его собственной юрте... с глазами ласковыми, радушно предлагающими своей жертве стакан спирту...

О торговых оборотах Петропавловской округи можно судить из таблицы, приложенной в конце книги. Ярмарок в округе нет. Устроенных путей сообщения тоже нет. Сообщение производится — летом верхом на лошадях — по протоптанным тропинкам и по рекам на

батах, а в зимнее время — на собаках и оленях. Перевозка грузов для торговли совершается, главным образом, на собаках, запряжённых в нарты и повозки, по семь и двадцать штук, а иногда и более. Собаки в приспособленной для них сбруе (алык) привязываются по две в ряд на длинных, толстых ремнях, прикрепляемых к передку нарты или повозки. Нарты делаются в виде дровень, но длиннее их, уже в ходу и значительно легче. Все части нарты скрепляются ремнями, чтобы получить некоторую гибкость, необходимую при встречающихся неровностях дороги, рытвинах и раскатах. Впереди запряжённых в нарту собак запрягаются одна или две собаки, обученные нескольким звукам, указывающим передним собакам, в каком направлении они должны бежать. Для более же скорой езды употребляются разнообразные слова и звуки. Задерживают нарту под гору, на раскатах и останавливают при езде так называемым «оштол», то есть берёзовой или рябиновой, толщиной с вершок, немного загнутой палкой с острым насаженным на неё железным наконечником. Пропуская «оштол» между копыльями нарты в снег, задерживают ход нарты и удерживают собак. Ход нарты делается всегда одной меры, и это делается для облегчения собак. После выпавшего снега дорога бывает, обыкновенно, занесена им настолько, что она незаметна. Первая прошедшая нарта, продавливая полозьями снег, делает дорогу, следующая нарта, попадая своими полозьями «в накат», идёт уже значительно легче. Двенадцать собак, запряженных в нарту с положенным на неё грузом от десяти-пятнадцати пудов, проходят расстояние от Петропавловска до с. Тигильского в количестве восьмисот вёрст не более чем в двадцать и не менее чем в десять суток. При переменах же в каждом селении собак средняя скорость езды по готовой дороге равняется восьми верстам в час. В летнее же время перевозка необходимых для торгующих товаров совершается вьюком на лошади. Вьюк не более пяти пудов.

Бат, на котором производится сообщение по рекам Камчатки, есть ничто иное, как длинное, с высокими краями и узкими концами корыто, выдолбленное из толстого ствола тополёвого дерева. Лодок и других плавучих приспособлений в Петропавловской округе нет. Плывая по течению реки, двое сидящих по концам бата приводят его в движение двумя небольшими вёслами с короткими ручками. Для плавания же вверх по рекам сидящие на концах бата имеют шесты и упираются ими в дно реки, обыкновенно неглубокое у берегов. Они быстро двигают бат с находящимся на нём грузом и пассажирами. Проходят, таким образом,

по пятьдесят вёрст в день. Самый большой камчатский бат может поднять груза до тридцати пудов. Обыкновенный же бат — до десяти пудов.

В зимнее время часто случается пурга. Дорога, занесённая снегом, в ночное время угрожает путнику возможностью сбиться с пути. С давняго времени во всей округе практикуется обычай обставлять дорогу вехами. Но при громадных между селениями расстояниях ежегодное «провешивание» дороги трудно и тяжело для населения.

ГЛАВА VII. ОЧЕРК ГИЖИГИНСКАГО КРАЯ

3-го августа вернулся с реки Анадыра пароход «Гирин». Этот пароход, возвращаясь во Владивосток, должен был обойти следующие порты Охотского моря: Гижигу, Олу, Охотск и Аян. Имея поручение начальства побывать в этих портах, 7-го августа в восемь часов утра я выехал на «Гирине» из Петропавловска. Командир «Гирина» рассчитывал пройти в Охотское море Первым Курильским проливом, но это благодаря туману не удалось. 8-го августа «Гирин» взял курс на Четвёртый пролив. По расчёту, мы должны были проходить Четвёртый пролив 9-го августа утром, но в этот день стоял туман, и «Гирин» с десяти часов утра взял малый ход, двигаясь то вперёд, то назад. Часа в четыре дня туман рассеялся, «Гирин» определился и пошёл в пролив. Мы вышли из пролива около семи часов вечера и взяли курс на север, на Гижигу. Наше плавание до Гижиги совершалось при такой тихой погоде, что мы шли, точно по реке, — качки ни малейшей. Видно много фонтанов, выбрасываемых китами.

13-го августа около одиннадцати часов утра в шестидесяти милях от Гижиги мы встретили пароход Китайской восточной железной дороги «Сунгари».

Видны оба противоположных берега. На них уже нет зеленого покрова, берега жёлтые, безжизненные. В два часа дня показался берег и с носа «Гирина». Мы, значит, достигли самой северной части Охотского моря и скоро бросим якорь. Идём осторожно, малым ходом, всё время бросая лот. Но вот глубина уже пять сажен, и идти дальше нельзя. «Гирин» отдал якорь. С палубы корабля не видно ни малейших признаков существования на берегах человека. Одне голые горы, где песчаные, где скалистые. Справа от парохода, милях в четырёх, залив, окруженный отдельно стоящими камнями, на расстоянии друг от друга миля-две.

Это залив Чайбуха. Он, говорят, удобен для якорной стоянки. В Чайбуху впадает и речка, а вверх по этой речке растёт хороший тополёвый лес.

Когда «Гирин» отдал якорь, немедленно стали разводить пары в катере, чтобы идти искать Гижигу, которая не видна с палубы парохода, в которой никто из прибывших на пароходе никогда не бывал, но в которую на нашем пароходе шло 1 300 мест груза, всего на сумму до 100 тыс. руб. Через час катер был готов. Взяли на катер и меня. Мы отвалили от парохода в пять часов вечера. Погода была великолепная. С катера идёт учащенная пальба по лахтакам, нерпам, ларгам, акибам и белухам, головы которых поминутно показываются то там, то сям. Морских зверей здесь — видимо-невидимо. Мы шли на катере со скоростью восемь миль в час. Часа через два вместо «Гирина» мы видим уже на рейде какой-то силуэт с длинным чёрным хвостом, подымавшимся от его трубы к небу, а с восьми часов вечера, то есть, через три часа ходу, мы видели какую-то точку, а затем и точка скрылась: так далеко остановился «Гирин»! «Гирин» скрывается из вида, но зато берега видны всё более и более отчетливо. На горе, замыкающей у речки Гижиги морской залив, стала различаться какая-то серая масса. Это Гижигинский маяк. На нём никогда никто не живёт, никаких сигналов с него никогда не подавали, но он стоит на горе уже третий десяток лет, стоит и разрушается сам собою. Маяк этот никому здесь не нужен, и его никто не ремонтирует. Вошли в устье реки Гижиги. Мелко, не более пяти футов, на обоих берегах устья огромные отмели, видимо, болотистые. Тучи чаек, уток, гагар и прочей морской птицы носятся над этими отмелями, то садясь на них, то улетаая с них. В то время, когда мы входили в устье реки Гижиги, вода шла на убыль, оставляя на отмелях морския ракушки и прочее, и птицы кормились. Прошли устьем милою-две; идём ощупью, то ткнемся в мель, то ткнемся в карчагу, лежащую на дне. Вечерело. Милях в трёх видны постройки, но нигде не видно ни людей, ни лодки. Идти дальше нельзя. Бросили якорь. Часов около девяти завидели лодку. То шёл лоцман.

Уже было совсем темно, когда лодка подошла к катеру. Оказалось, что теперь нельзя подойти к берегу. Вода идёт на убыль, и катер скоро совсем обсохнет. Лоцман посоветовал катеру идти обратно на пароход, а завтра, к трём часам ночи, буксировать сюда уже товары. Катер принял лоцмана и пошёл назад, а я перешёл на лодку.

Казаки, что сидели на лодке, вполне гармонировали с этими угрюмыми, безжизненными местами. Гребут молча, не слышно ни шутки, ни какого бы то ни было слова.

— Держи, паря, право-о-о! Здесь мелко-о-о-о! — говорит рулевой гребцам, но говорит эту фразу заунывно, тоскливо, безжизненно.

Наша лодка поминутно садится на мель, в иных местах её приходится перетаскивать шагов на десять-пятнадцать. Горят фонари, указывающие фарватер, но горят зря, без толку. В прибылую воду здесь можно идти и без фонарей, ибо вода доходит до пятнадцати-двадцати футов, а в убыль воды — на фарватере нет её совсем, и куда не ткнись — не больше двух-трёх вершков. Часов около одиннадцати вечера лодка подошла, наконец, к берегу, где построена «Кушка».

Кушка построена по фантазии одного из гижигинских окружающих начальников доброго старого времени. На её постройку израсходовано казённых денег до 15 тыс. руб., но зачем строили Кушку, кому она нужна — этого никто не скажет. Сказать, что Кушка ближе де к морю, чем местечко Гижига, нельзя, ибо нельзя же сказать, что пароход, останавливаясь в тридцати пяти верстах от этой Кушки на совершенно открытом рейде, близок к ней. А что касается гижигинских казаков, то Кушка является для них бичом Божиим.

Каждый день в течение уже свыше тридцати лет ходят на Кушку из Гижиги по шесть-восемь казаков. Ходят казаки и летом, ходят и зимой. Ни морозы, ни пурги, ни разлитие реки Гижиги, ни иные стихийные явления не препятствуют этому хождению. Тяжёлым бременем легла Кушка на гижигинских казаков.

На Кушке расположены казённые склады, тут и резиденция окружного начальства. Здания на Кушке пришли в полную ветхость, они уже разваливаются, и нужно пожелать только, чтобы на их ремонт не было отпущено ни одной копейки.

С саморазрушением сказанных зданий на Кушке связан вопрос о переносе резиденции окружного начальника и состоящего в его ведении окружного управления.

Куда бы не была переведена эта резиденция, в Гижигу ли, или на Чайбуху — казакам будет легче, ибо тогда казаки не будут ходить за двадцать пять вёрст в караулы и на дежурства.

Кушка состоит из следующих построек: дома для окружного начальника размером 24 на 12 аршин, высотой четыре аршина. Дом состоит из четырёх светлых и просторных комнат, но жить в этом доме опасно летом, а зимою, безусловно, нельзя жить. Полы

погнулись, и площадь пола каждой комнаты лежит в особой плоскости, под углом к соседней, так что в одной комнате полы имеют наклон в одну сторону, в другой — в другую, в третьей — в третью. Полы трещат под ногой, так вот и кажется, что сейчас провалятся.

Тоже самое следует сказать и о потолке: он тоже погнулся и имеет выпуклую форму. Вопрос во времени, но потолок непременно рушится, ибо все его балки погнулись и имеют дугобразную форму. Печи разваливаются, трубы разваливаются.

Словом, жить в доме, занимаемом начальником Гижигинской округи, решительно опасно: того и гляди рушится потолок или провалится пол, а зимою, кроме того, нельзя топить печей. Нынешний окружный начальник текущую зиму собирался проводить в помещении окружного управления, также ветхаго и холодного зимою, но то помещение может быть отапливаемо, а затем г. Веденский намерен был всё помещение управления обить звериными шкурами, и даже снаружи. Будет, пожалуй, тепло, но как скажется эта обивка шкурами всего помещения на здоровье начальника округи и его семьи — другой вопрос.

Помещение помощника окружного начальника, хотя и небольшое, двенадцать на девять аршин, вполне пригодно для жилья. Оно новенькое, зимою, говорят, в нём тепло.

На Кушке имеется казарма для караула и казаков, приходящих сюда из Гижиги по разным делам. Казарма так ветха, что в зимнее время она укрывает казаков лишь от ветра и пурги, но температура казармы ничем не разнится от температуры наружного воздуха.

Склады для казённых припасов великолепные, таких складов нет ни в одной из северных округ. Лес новый, лиственничный, не менее пяти вершков в отрубе. Пороховой погреб тоже хорош. Ввиду того, что окружным начальником уже испрашивается кредит на поправку казённых зданий на Кушке, главным образом, дома окружного начальника, своевременно возбудить вопрос об упразднении Кушки. Ея существование решительно ничем не оправдывается и, бросая Кушку, только и жалко будет зданий для складов и, частью, дома помощника окружного начальника, а что касается дома окружного начальника, то там могут быть годными в дело только брёвна, а всё остальное можно сжечь.

При решении вопроса о переносе резиденции окружного начальника, следует принять во внимание залив Чайбуху, против которого останавливаются пароходы и в который, как говорят, они

могут входить и подходить к берегу чуть ли не вплотную. Тогда вопрос о разгрузке судов упростится, а теперь разгрузить судно на гижигинском рейде дело очень трудное. Даже маленький ветер разводит на этом рейде такую волну, что она, заливая катер, может залить и его топку, что при волнении довольно опасно.

Выше я сказал, что «Гирин» привёз для Гижиги 1 300 мест груза. При хороших разгрузочных средствах этого парохода (два баркаса, поднимающих по тысяче пудов груза, и паровой катер для их буксирования) и при хорошей погоде сгрузить эти места можно было бы в три, много в четыре дня, но ветры и доступность устья Гижиги для парового катера и баркаса только в полую воду задержали «Гирин» в Гижиге семнадцать суток, ибо в иные дни нечего было и думать пускать катер на Кушку.

Если резиденция окружного начальника будет перенесена на Чайбуху, то разгрузка пароходов в Гижиге будет также удобна, как и в Петропавловске, и в Аяне, но тогда явится вопрос о перевозке груза в Гижигу на расстояние почти шестьдесят вёрст.

Тут, естественно, возникает вопрос и о переносе на Чайбуху и местечка Гижиги. Вопрос старый, подымавшийся еще при графе Сперанском, но ничего, кроме убытков казне, не давший.

Предрешать вопрос о местонахождении Кушки крайне трудно, ибо с этим вопросом связывается и вопрос о переносе Гижиги, построенной прямо на тундре и не имеющей на своём нынешнем месте ровно никаких удобств, и в то же время подверженной бедствиям от разлития реки Гижиги. Вопрос этот очень сложен, и для его сколько-нибудь основательного решения необходимо пожить в Гижиге, а не проехать, так сказать, мимоходом. Этот вопрос, как я выше заметил, будет поднят окружной администрацией, и я обязываюсь высказать здесь, что, как бы не решался сей вопрос, но Кушку во имя человеколюбия следует упразднить.

Кушка является тяжёлым бременем для гижигинских казаков. По моему мнению, Гижига ничего не потеряет, если переселится на залив Чайбуху: там есть речка, можно, следовательно, ловить рыбу. К берегу этого залива могут подходить пароходы, а затем облегчится промысел морских зверей, составляющий в обыходе гижигинца видную статью его хозяйства. Я, впрочем, отнюдь не настаиваю на заливе Чайбухе, ибо за семнадцать дней своего пребывания в Гижиге я не мог ознакомиться, как следует, с условиями гижигинской жизни. На Кушке живёт только гижигинское начальство да проводят дни нарядов казаки, а центром жизни Гижигинского края является местечко Гижига.

Это местечко, расположенное на левой стороне речки Гижиги, имеет вид крайне жалкий и бедный, особенно теперь, когда население этого местечка в зиму 1899—1900 года перенесло страшное бедствие.

В эту зиму, с конца декабря 1899 года и по апрель 1900 года, Гижигинский край посетила эпидемия кори. Эта эпидемия, завезённая из Камчатки торгующим Федором Косыгиным, не страшная в городах, где есть и врачи, и аптеки, и возможность соблюдать различные предписания врачей относительно диеты и гигиены вообще, приняла в далекой Гижиге угрожающие размеры, и картина бедствия населения от кори, в общем, такова.

Зима 1899—1900 года была в Гижиге лютая, холодная. Пурга свистела неделями. Снегу была такая масса, что всю Гижигу, можно сказать, засыпало снегом, из-под которого торчали лишь крыши домов, а перед дверями, занесёнными сугробами, вырывались в снег тоннели, которые служили для входа и выхода людей.

Болезнь началась 27-го декабря 1899 года, причём первым заболел зауряд-сотник Егор Падерин, который 2-го января 1900 года вследствие осложнений кори отдал Богу душу.

Ко дню смерти Падерина, то есть ко 2-му января, из шестисот жителей Гижиги уже заболело до ста человек, а в середине января болезнь приняла такие размеры, что из всех жителей Гижиги здоровых было только восемнадцать человек, а остальные все поголовно заболели. Болели целые семьи, так что дома оставались неотопливаемыми, ибо некому было сходить за дровами и истопить каминок. Смертность приняла такие размеры, что 12-го января 1900 года в один день умерло четырнадцать человек, а затем не проходило того дня, чтобы не было в Гижиге четырех-восьми смертей. О похоронах покойников не могло быть и речи, ибо некому было копать могил, и трупы умерших сносились отдельные дома, где и складывались в кучу, причем к 9-му марта, когда болезнь приутихла, в трёх домах, обитатели которых вымерли поголовно, было сложено 157 трупов.

Из этих 157 покойников не все, однако, умерли от кори, а многие, особенно дети, замерзли живыми. Так, например, в семье гижигинского казака Беломойнова 10-го января умер глава семьи, сам Беломойнов. Вечером того же дня его жена стала мучиться родами, и ей Бог дал сына, но только появился на свет новый гижигинец, как его мать, ослабленная родами, заболела корью, нашедшей для себя настолько благоприятную почву, что 11-го января к вечеру родильница умерла, а новорождённый так и не дождал-

ся следующего дня: он замёрз в ночь с 10-го на 11-е января. Племянник Беломойнова, также больной, 11-го января в полдень, пытался затопить камин, но он с лучинкой в руках так и свалился у каминка, не успевши его затопить.

И вот картина, когда здоровые заглянули в дом Беломойнова: племянник с лучинкой в руках лежит мёртвым при входе у каминка, немного дальше лежит мёртвый глава семейства, казак Беломойнов, а на кровати лежит мёртвая его жена, а с нею рядом, кое-как завёрнутый в кухлянку лежит новорождённый. Но не вся семья вымерла: на другой кровати маялся без сознания мальчик одиннадцати лет. Его голова горит, а ноги отмерзли (впоследствии этот мальчик всё-таки умер, причём причину его смерти гижигинцы объясняют тем, что отмороженные ноги, не будучи во время ампутированы, повлекли за собою дальнейшие повреждения организма, окончившиеся смертью мальчика).

Такая картина, как описанная, имела место во многих семьях, ибо теперь в Гижиге семь домов, обитатели которых вымерли поголовно, а про Беломойнова я рассказал не в виде исключения, а для иллюстрации картины бедствия, постигшего Гижигу в зиму 1899—1900 годов.

Вот при таких-то тяжёлых условиях самоотверженно послужили бедствующему населению два лица: помощник начальника Гижигинской округи Анкудинов (бывший начальник округи статский советник Пржевалинский также заболел корью. Он, положим, оправился от этой болезни, но летом 1900 года все-таки умер, причём причина его смерти, как мы слышали, имеет большую связь с корью), бывший помощником Н. Л. Гондатти в Анадырском крае, и г. Янковский, сын нашего коннозаводчика.

Эти два лица, будучи в числе восемнадцати, которых пощадила эпидемия, поработали с конца декабря 1899 года по апрель 1900 года так, как могут работать люди возлюбившее ближнего больше самого себя и готовые отдать ему душу не на словах, а на деле. Они разделили Гижигу на участки и привлекли всех здоровых к уходу за больными, а уход был нужен вот какой.

Корь, постигшая Гижигинский край, осложнялась чрезвычайным расстройством желудка, и вот здоровый, подавая помощь больной семье, прежде всего, должен был вынести в покойницкую трупы, затем обмыть больных от экскрементов, затем принести дров, затопить камин, сварить какую-нибудь еду, а затем уже ухаживать собственно за больным: ставить ему клизмы, компрессы, давать лекарства и прочее.

А как много было больных, как много приходилось выносить трупов, обмывать прикованного к смертному одру больного необычайным поносом, как вообще трудно приходилось здоровым и, главным образом, Анкудинову и Янковскому, про то говорят цифры, которые мы вновь повторим: населения шестьсот душ, из них здоровых в самый разгар болезни восемнадцать человек. Число смертей, главным образом за январь — сто шестьдесят человек.

Помощи извне ждать было нечего, и гижигинцы обратились к взаимопомощи. Между состоятельными жителями была устроена подписка, которая дала 1 300 руб., причём купец Брагин, лёжа на смертном одре, нацарапал на подписном листе: «Зертвую тысячу рублей», а другие — кто сто, кто десять (меньшей суммы нет). Могли подписать что-либо всего девять человек, и они подписали щедро. Собранные 1 300 руб. пошли на дело призрения сирот, которых эпидемия лишила родителей и вообще тех, которые кормили их.

Эпидемия стала ослабевать с середины февраля, а в марте уже стали выпадать по два дня подряд, обходившиеся без случаев смерти, а к концу марта многие повыздоровели, и общими силами были выкопаны две братских могилы, в которые и были перенесены сто пятьдесят семь (первые три покойника, умершие в декабре, тогда же и похоронены) покойников, и похоронены, конечно, без гробов. В наружном виде Гижиге остались следы описанного бедствия: навесы из-под рыбных вешал остались без крыш, ибо таковыя употреблены на топку каминков, да семь домов стоят заколоченными: их обитатели умерли все до единого и покоятся в общей братской могиле... Много осталось сирот, много таких, у которых в нетопленной несколько дней подряд хате при температуре до минус сорока восьми градусов по Реомюру отмерзли ноги, руки, нос...

Следы эпидемии, словом, были заметны и в мою бытность в Гижиге спустя полтора года. Много лет пройдет, когда гижигинцы станут забывать постигшее их бедствие, но, полагаем, не забудут они Анкудинова, Янковского и других гижигинцев, которые в дни бедствия поработали, как истинные христиане.

Свиристствовала корь и среди гижигинских, анадырских и, частью, охотских инородцев, много их умерло, но сколько именно и как, вообще, протекала эпидемия в инородческих стойбищах — про то знает один лишь Всеведущий Бог.

В Гижиге есть храм, обладающий капиталом до восьми тысяч рублей, составленным из пожертвований богатого гижигинского

купечества. При храме служит священник Верещагин, гижигинский старожил, живущий здесь свыше двадцати лет. В Гижиге же живет и миссионер корякского народа, иеромонах Валентин, бывший артиллерийский офицер, человек ещё молодой, видимо, преданный своему делу и весьма энергичный. Кроме духовенства в Гижиге живёт окружный врач, статский советник Любимов, прослуживший в северных округах свыше двадцати лет, главным образом, в округе Гижигинской. В состав Гижигинского общества входит также и местное купечество: Брагины, Молодовы и Замошников, кроме этих патентованных торгующих, занимается торговлей и фельдшер Миронов.

Обороты гижигинской торговли, если судить по количеству товаров, привезенных в 1901 году на «Гирине», довольно значительны, а если судить по обстановке жизни торгующих и по количеству числящихся у них капиталов, прибыльны. В то время, когда в домах гижигинских казаков и мещан всюду просвечивает крайняя бедность, дома торгующих, красивые на вид, обширные, имеющие погреба, сараи и всякого рода хозяйственные пристройки, обставлены даже роскошно. Полы домов торгующих покрыты коврами, выделанными из оленьих шкур, с затейливыми рисунками из белого меха, с бобровой оторочкой. Мебель у торгующих мягкая, в большинстве, из красного дерева, у купчихи Брагиной хорошее пианино. Гармонирует с мебелировкой и чайная, и столовая сервировка, в которую входит множество серебряных вещей. В то время, когда мещане и казаки едят юкалу да нерпу, торгующие не отказывают себе ни в паштетах, ни в прочих дорогих деликатесах. Найдется, при случае, и бутылка-другая лучшего шампанского, старого портвейна, заграничного ликера и т. п.

В Гижиге очень любят и угощать, и угощаться. «Это наше единственное утешение», — говорят там.

И праздники, а равно всякого рода семейные «торжества», проводятся гижигинцами весело и, главное, сыто. 16-го августа в Гижиге престольный праздник. Я был на этом празднике и скажу о нём несколько слов.

Обедня служилась соборне приходским священником и миссионером Валентином. На клиросе пели человек пятнадцать гижигинцев, преимущественно, фальцетом. Бас — голос грубый, и в Гижиге не одобряется, и там ражий детина, любитель попеть, напрягает все усилия, дабы петь «тоненько». Войдя в церковь, я думал, что поют женщины, оказалось, поют бородатые мужчины. За обедней присутствовала вся Гижига, и церковь была битком набита.

К правой стороне церкви становятся мужчины, к левой — женщины. У всех волосы блестят — они намазаны нерпичьим жиром. Женщины в шёлковых платьях, девушки в шёлковых косынках, замужние и вдовы — в шёлковых кокошниках, мужчины в пиджаках московской работы. Стоят в церкви благолепно, истово крестятся, отбивают усердные поклоны, вздыхают, а мужчины фальцетом подтягивают певчим.

После службы все гижигинцы, не мещане и не простые казаки, отправились в дом священника поздравить с праздником. Гостей встречает на крыльце матушка, которая тут же благодарит каждого «за посещение» и просит пожаловать «в горницу». Нас пришло человек двадцать. В ожидании батюшки мы чинно расселись в зале. Все гости — в парадном одеянии: купчихи в шелках, купцы в белых галустуках, служащие в мундирах.

Пришел батюшка в епитрахили, с крестом. Пройдя к святому углу, он начал праздничное молебствие. Все подошли к святому кресту и были окроплены святой водою. Окончивши церковный обряд, священник стал здороваться с гостями, лобызаясь с мужчинами и пожимая руку женщинам. В это время дочери священника вносили в залу два огромных подноса со стаканами и чашками чаю, подносы с тарелками, на которых красовались булки, пирожки, абрикосовское печенье, московские сухари. Барышни, подойдя к гостю, кланялись. Гость вставал, кланялся также, а затем брал стакан чаю, а когда он накладывал в стакан сахар, то барышни упрашивали гостя класть сахару побольше, не жалеть, «потому теперь большой праздник». Пили чай, имея стакан в руках, ибо стол стоял по близости только трех-четырёх, а народу было человек двадцать пять. Дамы пили чай с ложечек, а мужчины, как менее чувствительные к кипятку, пили прямо со стакана. Церемония чаепития, сопровождаемая разговорами о погоде, а то и о возможности войны с Германией, продолжалась больше часу. Когда кончилось чаепитие, матушка и её дочери стали вносить в залу кушанья: пироги, жареных диких гусей, и свежих, и солёных, жареную и разварную рыбу, отварные оленины языки, солёную разварную оленину, разные закуски, в том числе и сардины, и расторгуевскую паюсную икру, и кусок сыру, и разное прочее. Стол был уставлен обильною едою и выпивкою, в числе которой видное место занимал разбавленный водою спирт, а для дам — сладкая наливка, настоянная на морошке или княженике. Стояли и бутылки с дешёвеньким портвейном. Завтрак был а *lafourchette*; все поочередно подходили к столу, причём дамы, по гижигинско-

му этикету, брали себе микроскопический кусочек какой-либо одной снеди, но хозяйка тут же обижалась на гостью и, вырывая тарелку из её рук, накладывала ей как можно больше, но гостья энергично сопротивлялась; один край тарелки в руках хозяйки, а другой в руках гостьи. Руки и хозяйки, и гостьи заняты, а дочери хозяйки, пользуясь этим моментом, клали на тарелку огромный кусок пирога.

У всех на тарелках и пироги, и прочие яства, но никто не начинает есть. Матушка ставит на поднос множество рюмок, на другой поднос дочь матушки ставит бутылки, и начинается церемония обнесения гостей вином. Процессию сопровождает и сам хозяин. Подходят к каждому и каждому кланяются, и все отказываются, и чем энергичнее гости отказываются, тем поклоны ниже, тем чаще повторяется: «Не обидьте, не обезсудьте, пожалуйста»! Но вот рюмка взята. Прикоснулись к ней губами и ставят её обратно на поднос, и опять поклоны, и опять просьбы, пока гость или гостья не выпьет всё до дна.

Глубокою стариною веет от этих милых, истинно русских обычаев. Едва ли они сохранились где, но, сидя у батюшки во время поздравления его гижигинцами с престольным праздником, я мысленно переносился в семнадцатый век. Передо мною точно демонстрировали старинно-русские обычаи, от которых теперь, увы, осталось лишь воспоминание, да и то в книжках, вроде Забелина.

От батюшки пошли уже по всей Гижиге, причем те из визитеров, дом которых был на очереди, уходили из предшествовавшего дома и встречали у своих сеней всю ватагу визитеров с теми же низкими поклонами, с теми же церемониями, с какими встречала нас и матушка. Чем больше делали мы визитов, тем больше знакомились друг с другом, тем больше наша компания оживлялась и веселела. Последним визитом был визит к купчихе Брагиной, где есть пианино. Угощение обильное, комнаты просторные, хозяйка приветливая, а тут и на пианино забренчали...

Отменно хорошо провёл я престольный праздник в Гижиге, да и где можно себя чувствовать так, как в гостях у состоятельного гижигинца, который прямо не знает, куда вас посадить, чем угостить?! Тут гостеприимство неподдельное, чуждое каких-либо условностей и расчётов. Здесь принимают гостя потому, что любят гостя и сами любят гостить.

Состоятельные гижигинцы, к чести их будь сказано, очень отзывчивы к нужде и горю, зачастую постигающим мещанское и казачье население Гижиги, причём, помогая нуждающимся,

гижигинцы помогают широко. Подписка всегда производится на листах, имеющих следующую стереотипную надпись: «Мы, нижеподписавишеся, сколько у кого против фамилии обозначено, обязуемся мы все, подписавишеся, или наши наследники, уплатить для такой-то цели. И да поможет нам Господь Бог». Суммы собираются солидные. Так, после эпидемии кори в пользу оставшихся сирот пожертвовали: купец Василий Брагин — 1 000 руб., помощник начальника округа Анкудинов — 100 руб., начальник округа, покойный Пржевалинский — 100 руб., торгующий Замошников — 100 руб., священник Черных — 20 руб., врач Любимов — 100 руб., Янковский — 100 руб., купец Молодых — 100 руб., купчиха Брагина — 100 руб., затем идут более мелкие суммы.

В зиму 1898—1899 годов по случаю недохода рыбы была голодовка, и подписка между состоятельными гижигинцами дала в пользу нуждающихся 940 руб. 10 коп. Кроме таких нужд, как голодовка или эпидемия, гижигинцы не прочь жертвовать и на такие дела, как покупка миссионерского дома, на что было собрано 500 руб.

Нужно сказать, что гижигинцы вообще отзывчивы ко всякой нужде, и подписки там обычное явление, ибо надеяться там на какую бы то ни было помощь извне не приходится.

Население Гижиги, как я выше заметил, живёт бедно, и такой бедноты, как в Гижиге, я нигде не видел. Вся жизнь гижигинца зависит от хорошего хода рыбы да удачливого промысла морского зверя. А что касается земноводных зверей, то гижигинцы за неимением оружия почти совершенно не занимаются промыслом.

Русское население гижигинского края, находясь в полной зависимости от стихийных явлений, каковы: ранний ледоход, спор льда у устья реки, ветры во время хода рыбы и прочее тому подобное, бедствует и тогда, когда его соседи, коряки, тунгусы и ламуты, сыты, ибо у них есть и ружьё, хотя и фитильное, у них есть и стадо оленей. У русских же есть только сетки для ловли рыбы да дырявый баркас, на котором нельзя промышленнику выйти в море. Гижигинцы, собственно говоря, едят только то, что само идёт к ним в руки, они совершенно чужды духа какой бы то ни было предприимчивости. Гижигинское купечество очень мало торгует собственно с гижигинцами, ибо у последних нет ни пушнины, ни денег, а торгуют купцы с инородцами и, главным образом, с богатыми оленными чукчами Анадырского края, и этот торг гижигинских торгующих с чукчами является подспорьем для населения Гижиги, которое поголовно занимается доставкой купеческих

товаров на ярмарки, как в Гижигинской округе, так и в округе Анадырской. Зимний извоз дает гижигинцам средства к покупке чаю, сахару, табаку, муки, одежды, словом, всего того, что им необходимо и что продают торгующие.

Таким образом, жизнь гижигинца составляется из рыбного промысла во время хода рыбы, из промысла морского зверя, причём последнего стараются укараулить обсохшим на берегу, а затем из зимнего извоза на собаках. Есть, правда, несколько жителей, у которых есть ружья и которые уже пробовали ходить за медведем, но это единичные случаи.

В двадцатых числах июня в Гижигинский залив идёт несметное количество рыбы, называемой «уёк». Эта рыба и видом, и вкусом напоминает ревельскую кильку, но килька ли она, или другая какая рыба — я не могу сказать. Уёк идет такою массою, что берега гижигинского залива в двадцатых числах июня на десятки верст покрываются слоем уйков, выбрасываемых на берег морским прибоем, свыше двух аршин в высоту и до пятнадцати аршин в ширину. Слой уйков, быть может, тянется и на сотни вёрст, да дальше сорока вёрст от устья Гижиги никто не ездил и не хаживал. На протяжении сорока вёрст видали слой уйков, но что делается дальше, того никто не знает. Кроме уйков, идёт в этих местах селёдка, и тоже огромными массами, но и селёдку никто из гижигинцев не ловит, и только чайки пируют во время хода селёдки, оне не едят уже тогда рыбьяго мяса, а проклевывают у селёдок только один мозг.

Гижига частенько голодает, и будет она голодать до тех пор, пока ея население будет оставаться в той крошечной умственной тьме, в каковой оно находится ныне. Гижигинец чрезвычайно апатичен ко всему. Он не слышал о чем-либо лучшем, чем безлюдная холодная тундра его родины, и Бог один ведает, когда умственный кругозор гижигинца расширится настолько, что он пожелает извлечь пользу и из уйков, и из селёдки, и из массы морских зверей, водящихся в море.

Во всяком же случае следует возможно скорее вооружить казаков, а вооружая, научить их обращаться с оружием, ибо теперь они не умеют взять берданку и в руки. Тогда, быть может, гижигинцы не оставят без внимания ни медведей, ни великолепных гижигинских красных лисиц, ни белок. Вся пушнина, что идёт с Гижиги, добыта не русскими, а исключительно инородцами. Нужно, чтобы и русские промышляли пушного зверя, а для этого надо дать ружья, хотя бы одним казакам.

В Гижиге занимаются немного и огородничеством, и скотоводством, но в крайне незначительных размерах. На огородах сеют, главным образом, репу, которая служит единственным десертом гижигинца, подаваемым на стол в качестве наших яблок, винограда и т. п.

В Гижиге имеется тридцать девять коров. Молока гижигинские коровы дают мало, и молока еле хватает детям. Собак в Гижиге шестьсот штук. В Гижиге собак не привязывают, как в Петропавловске, а оне круглое лето бегают на воле, промышляя в речках и озерах рыбу, причём собаки едят летом только рыбы головки, и летом все ближайшие к Гижиге берега речек усеяны рыбью без голов.

Есть в Гижиге и тридцать пять лошадей, но лошади здесь не имеют экономического значения. Оне служат лишь для поездки иной раз верхом на Кушку да на Наяханскую ярмарку, в трёхстах верстах от Гижиги, начинающуюся 29-го июня, а кончающуюся 10 июля. На эту ярмарку прикочевывают тунгусы, привозя добытую за зиму пушнину: белку, медведя, лисицу и прочее, а торгующие привозят из Гижиги: чай, сахар, табак, чайники и прочие металлические изделия. На лошадь грузят выюк до семи пудов, причём с каждого пуда берётся по четыре рубля.

Гижигинскому краю нельзя особенно обижаться на природу: там могут водиться и лошади, и коровы, может произрастать репа и картофель, много там рыбы, зверей, но русское население этого края, крайне неразвитое и апатичное, пока пользуется только ходовою рыбою лососёвых пород, да немного морским зверем, а что касается домашних животных, то там и пользуется вниманием одна лишь ездовая собака, а лошадей, если некоторые и имеют, то всё же считают их не стоящими внимания, ибо в зимнее время при глубоких гижигинских снегах, лошади не могут там не только перевозит груз, но оне и сами, даже без седока, не могут двигаться по тундре, занесенной глубокими снегами. Лошади, случается, проваливаются с головою, тогда как лёгкая собака свободно идёт по таким снегам и тащит за собою гружёную нарту. Собака да ходовая рыба, в общем, дают так мало местному населению, что оно живёт в жалкой бедности.

По моему мнению, единственное, что может поднять захудалый Гижигинский край, это хоть маленький луч просвещения, рука которого совершенно не касается Гижиги вот уже третий век.

По мере возможности, я сделал попытку к просвещению Гижигинского края. При посредстве «Приамурских ведомостей» мне

удалось собрать 618 руб. добровольных пожертвований на покупку для того края волшебного фонаря и соответствующих чтений. Московская фирма Трындына уже исполнила заказ, и на пароходе Китайской восточной железной дороги «Сунгари», который, по расчёту, придёт в Гижигу в середине июня сего года, гижигинцы получают хороший фонарь и чтения со световыми картинками, всего на сумму 600 руб. На оставшуюся сумму имеется в виду выписать книги для чтения.

В Гижинском крае, суровом, далёком и труднодоступном, никогда не было и не будет местного образованного человека, который отнесся бы к его населению с тою сердечностью и любовью, каких заслуживает это, хотя и захудалое, но высоконравственное население, среди которого нет не только воров, мошенников и прочих, но нет даже простых лжецов. Гижигинские чиновники, не в обиду будь им сказано, за весьма небольшими исключениями больше пекутся о формальной стороне дела, о надлежащей отписке с областными властями, а собственно быт населения, действительная жизнь гижигинца едва ли интересовала когда гижигинское чиновничество. Гижигинская интеллигенция и гижигинское простонародье — это два отдельных мира, друг друга не знающих и друг другом не интересующихся, исключая разве случаев народных бедствий, когда имущие протягивают руку помощи неимущим. Этого едва ли достаточно...

Я позволил себе взять из Гижиги на свою личную ответственность мальчика, казачьего сына Ивана Падерина, одиннадцати лет, дабы выработать из этого мальчика будущего интеллигента Гижиги, которому были бы дороги интересы его далекой и бедствующей родины. Этого мальчика мне удалось определить в подготовительный класс Хабаровского реального училища. Падерин учится недурно, хотя, конечно, и не блестяще, ибо он до приезда в Хабаровск кроме тундры да пустынного гористого взморья его далекой родины ничего не видал, и даже те многия понятия, которые упоминаются в детских книжках для чтения, Падерину совершенно неизвестны.

Вывозя Падерина из Гижиги, я далёк был от мысли благодетельствовать этого мальчика, но я считал и считаю его тем орудием, при помощи которого с течением времени можно будет воздействовать на быт и экономическое благосостояние Гижигинского края. Падерин, по моему мнению, имеет право на благотворительность правительства: его дед и отец, природные гижигинские казаки, непрерывно прослужили Великому Государю 102 года,

прослужили верой и правдой, получая за свою службу всего 36 руб. в год да солдатский паёк.

Исходя из этого положения, я рассчитываю, что начальство Хабаровского реального училища окажет свою милость к вывезенному мною из Гижиги малолетнему казаку наряду с теми учениками, которые пользуются щедротами правительства за службу их отцов.

ГЛАВА VIII. ОЧЕРК ОХОТСКАГО КРАЯ

Разгрузка «Гирина» в Гижиге, задерживаемая погодою, затянулась на две недели. Только 27-го августа к вечеру были окончены расчёты пароходной администрации с гижигинскими торгующими и гижигинской администрацией, и окончательный отход катера с Кушки был назначен в девять часов вечера этого дня.

Было уже совсем темно, когда наш катер отвалил от берега. Мы быстро прошли устье реки, выйдя в море, мы попали и в туман, и в довольно сильную носовую зыбь. Катер вёл на буксире два баркаса. Мы шли не более трёх миль в час. Было холодно, а к тому же нас поминутно обдавало брызгами волн. Было три часа ночи, когда мы, иззябшие, измокшие, подошли к «Гирину». Около пяти часов утра были подняты на пароход и катер, и баркасы, и мы снялись с гижигинского рейда и взяли курс на Олу.

Переходя к Охотскому краю, я должен бы сделать описание физических свойств этого края, а равно и быта его населения. Но я не буду сего делать, так как я был в Охотском крае всего четыре дня, и за эти четыре дня я не мог составить сколько-нибудь ясного понятия об общем характере Охотской округи, а повторять литературу об этом крае не входит в мою задачу, и я поэтому отмечу в настоящем очерке лишь то, что наблюдал лично.

Снявшись с гижигинского рейда утром 28-го сентября, 29-го, около двенадцати часов дня, мы подошли к с. Оле. Лишь «Гирин» бросил якорь, как от берега отвалила шлюпка, на которой прибыл на пароход казак, заведывающий ольским продовольственным магазином. Наш пароход привёз в Олу до 800 мест груза. Груз в Олу с каждым годом увеличивается, и Ола с 1894 года, с открытием тракта на Колыму, приобретает значение торгового пункта.

Селение это расположено в полутора верстах от берега моря, на реке того же имени. Местность очень красивая. Самое селение построено на морской отмели, поросшей густою сочною травой,

а за селением, не более как в версте, начинаются леса, которые уходят в горы, обступившие Олу со всех сторон. В Оле шестнадцать дворов. Постройки, в большинстве, исправны, ибо поблизости много строевого лесу. Ола состоит как бы из двух селений: летнего и зимнего. Первое, летник, стоит на берегу речки, а второе — в некотором от нея разстоянии. На летник ольцы уходят с началом хода рыбы, что бывает в первой половине июня, и живут там до заморозков, что бывает в конце сентября. На летнике дома построены из толстых брёвен, и они разнятся от зимнего жилья только тем, что у них нет потолка, а в крыше, в самой её середине, проделано дымовое отверстие, как раз над очагом, который непрерывно дымится и коптит рыбу, подвешенную под крышей. Рыба подвешивается на жердях и заполняет собою все внутреннее пространство между срубом дома и плоскостью крыши. Ольские летники существенно отличаются от летников камчатских, ибо те скорее напоминают курные бани, тогда как ольские летники — это хорошие дома, до двенадцати на девять аршин, только не имеющие потолка и печи.

На вешалах летников, кроме рыбы, видное место занимает юкала из турпанов. Турпаний промысел имеет весьма важное значение для Олы. В июле месяце эта морская птица, линяя, собирается в несметном количестве к ольским морским берегам. Турпан, потевший во время линьки свои перья, уже не может летать, и этим пользуются жители Олы.

Турпаны, начиная линять, держатся стадами штук по пятьдесят-сто милях в десяти от берега, а затем морские течения всё более и более прибивают их к берегу, и когда турпаны уже подошли к берегу версты на две-три, жители, выждав хорошую погоду, все поголовно выезжают на лодках в море, причём лодки идут с таким расчётом, чтобы обойти турпанье стадо, которое уже исчисляется в это время десятками тысяч птиц, а затем, отрезавши турпанам всякий путь в море, лодки сближаются, постепенно суживают круг, а затем уже гребут прямо на турпанье стадо и гонят его к берегу. Когда глубина не выше пояса, жители выскакивают из лодок, хватают турпанов прямо руками и давят их, кто верёвочкой, а кто и прямо руками. Избиение турпанов длится долго, пока в пространстве залива, отрезанного от моря лодками, не остаётся ни одного живого турпана, а все они или удушенные погружены на лодки, или успели бежать. Каждый человек, выехавший на такой промысел, добывает не менее сотни-двух турпанов, а на семью в иной раз приходится по тысяче и более турпанов.

Разбежавшиеся турпаны примерно через неделю опять сбиваются в стадо, и тогда жители Олы таким же порядком вновь подготавливают их к берегу и вновь душат, хотя второе избиение турпанов и значительно менее добычливо, чем первое.

Во всяком же случае, жители Олы добывают столько турпанов, что их хватает и для собственного продовольствия, и для ездовых собак.

Когда турпанов привозят на лодках домой, то, прежде всего, чистят их от перьев, причём перо бросается как никому и ни для чего не нужное, а затем, очистивши от перьев, срезают мягкие части турпана и круто солят их, а остов турпана, куда входят внутренности, кости, ноги и даже голова, вешается для сушки и даётся затем собакам, как юкала. Вешала, конечно, без крыш, а потому и успешность сушки турпаньей юкалы зависит от состояния погоды: хороша погода и обильное продовольствие собак обеспечено, пошли дожди — турпанья юкала загнивает, валится с вешал и пропадает, и тогда надежда на рыбу.

Рыбы в Оле, как и всюду в северных селениях, непременно расположены на берегу таких речек, по которым идёт ходовая рыба, всегда много, но то же плохое устройство вешал служит иногда причиной нехватки юкалы как для людей, так и для собак.

Помимо турпанов и рыбы большее значение в продовольствии ольцев имеет скот. Коровы есть в каждом доме, так что молочная провизия входит в постоянный обиход ольца. Насколько в Оле достаточно молочной провизии, не имеющей, конечно, ровно никакого сбыта, видно из того, что в Оле гостю не подадут простого молока, а подадут непременно сливки, да такая густая, что их можно принять за сметану. За скотом в Оле, как и в других пунктах северной окраины Приморской области, нет ухода, хотя у каждого дома и есть «стайка» для защиты коровы от особо сильной пурги или мороза, когда коровам дают даже сено, тогда как в тихие зимние дни коровы добывают себе корм сами, выкапывая его из под снега.

В настоящее время Ола, благодаря новому колымскому тракту, имеет некоторый и денежный заработок, ибо сюда в половине августа приходят транспорты колымских якутов во главе с якутским казаком Калинкиным. Вьючный тракт от Колымы до Олы на протяжении шестисот верст, по словам якутов, очень удобен: на всём протяжении этого тракта не встречается ни крутых подъёмов, ни болот, ни более или менее значительных речек, затруднительных для переправы вброд, и колымский транспорт, благодаря удобствам сказанного тракта, выйдя 8-го августа 1901 года с Колымы,

21-го августа прибыл в Олу, то есть в течение тринадцати дней сделал шестьсот вёрст, в среднем почти пятьдесят вёрст в сутки.

Груз, который доставляется пароходами для Камчатского края в Олу, по разгрузке его с парохода хранится в особых складах, выстроенных на берегу лимана реки Олы, в таком его месте, куда в прибывшую воду могут ходить пароходные катера и баркасы с осадкою до пяти с половиной футов. Склады устроены капитально, хотя крыши, крытые корьём, немного протекают. Товары, погруженные в эти склады, частью вывозятся в Колымский край летним трактом на лошадях, частью зимою — на собаках и на оленях. За пуд груза платят три рубля. На лошадь навьючивают до семи пудов груза, на оленью нарту до двенадцати пудов, а на собачью — до пятнадцати пудов и даже до двадцати.

Оленью нарту везут два оленя, а в собачью грузовую нарту запрягают от шестнадцати до двадцати четырёх собак. Когда везут груз олени, то тогда впереди обоза идут два наиболее сильных оленя, которые разминают глубокий снег и тем прокладывают дорогу оленям, запряжённым в нарты.

Грузов в Олу приходит уже так много, что в перевозке их в Колымский край принимают некоторое участие, хотя пока и незначительное, и жители Олы, но, нет сомнения, что, по мере развития торговли Колымского края с Владивостоком и Одессой жители Олы будут принимать всё большее и большее участие в доставке грузов на Колыму, и извозный промысел составит для Олы видную статью дохода.

В 1901 году в Олу на пароходах Китайской восточной железной дороги доставлено следующее количество грузов: «Сунгари» — 5 790 пудов; тот же пароход во второй рейс привёз в Олу 7 000 пудов; «Гирина» — 1 100 пудов и «Шилка» — 4 000 пудов, а всего в Олу доставлено пароходами Китайской восточной железной дороги 17 840 пудов груза. Это уже такое солидное количество груза, что в его перевозке в Колымский край примут участие и жители Олы. Независимо от пароходов Китайской восточной железной дороги, доставляют в Олу груз и другие пароходы, как, например, «Котик», «Прогресс», «Байкал», принадлежащие частным лицам. На этих пароходах в навигацию 1901 года ожидалось свыше 10 тыс. пудов разных товаров.

В 1894 году, когда открыло в Оле свои операции Приамурское торговое товарищество, оно построило здесь обширное деревянное здание в два сруба. В этом здании за разстройством дел товарищества не пришлось никому жить, и здание осталось недостроенным

и в нём, вероятно, никто не будет жить, так как Ола сама по себе и не имеет значения торгового пункта, а является не более как перегрузочным пунктом, причём ответственность за сохранение и целость товаров, идущих для колымских купцов, всецело принимается артелями возчиков или подрядчиком Калининным.

По мере развития товарного движения по Ольскому тракту, оживает Ола. Но это селение, делаясь всё более зажиточным, не обнаруживает никаких забот об образовании подрастающего поколения, и школьное дело находится в зависимости от случайных обстоятельств: приедет в Олу священник (школа здесь церковно-приходская, находящаяся в ведении якутского епархиального начальства), любящий учить ребят, и школа так или иначе действует. Нет такого священника, или нет его вовсе, как это имело место в лето 1901 года, ибо священник, хотя и был назначен в Олу, но к месту служения ещё не прибыл, школа бездействует, и дети школьного возраста остаются без всякого обучения, ибо в этих местах нет даже грамотеев из запасных солдат, функционирующих, например, в Южно-Уссурийском крае в качестве народных учителей. Школьного здания также нет, и дети, когда есть учитель-священник, собираются в часовню, где имеется и классная мебель, и шкаф с книгами и тетрадями. В ольской часовне в зимнее время очень холодно, ибо стены не проконопачены, окна ординарные, полы тоже, печь полуразвалившаяся. Надеяться на постройку ольцами специального школьного здания, конечно, нельзя, ибо у ольцев не хватит на это средств.

По моему мнению, если бы обратиться к владельцу здания, недостроенного Приамурским торговым товариществом с просьбою подарить его (здание это находится в ближайшем ведении гижигинского торгующего Владимира Александровича Замошникова) для школы, то эта просьба была бы разрешена в положительном смысле.

Обращает на себя внимание крайне жалкое положение в Оле сифилитиков. Я видел в трёх семьях больных этой болезнью, и в такой ужасной форме, что сердце надрывается от жалости, тем более что ольским сифилитикам никогда не подавали и не подают медицинской помощи. У Алексея Беляева, по его словам, невыносимо, без всякой передышки вот уже второй год болит голова, и он всё время, что есть силы, сжимает её руками. Шестилетний сын Алексея Беляева, заражённый сифилисом еще в утробе матери, тоже страдает головными болями, а на его теле появились язвы. Больная Мария Беляева — вся в язвах и также жалуется на головную боль.

Говорят, что в Оле редкий житель не заражен сифилисом. Я не могу утверждать, что все поименованные лица страдают именно сифилисом, быть может, это другая какая болезнь, проказа или ещё что-нибудь, да род болезни, её название едва ли имеют какое значение. Я утверждаю лишь, что всё население Олы более или менее заражено какою-то тяжелою болезнью. Слышал, что та же зараза наблюдается и в других селениях по берегу Охотского моря от Гижиги до Аяна включительно, а потому, казалось бы, необходимо проверить моё сообщение, а затем и принять какая-либо меры помощи болящему населению охотского взморья.

В мою бытность в Гижиге и в Оле, я посетил, между прочим, стойбища коряков. Народ этот стоит на самой первой ступени человеческого развития и, по справедливости, может быть отнесён к числу наиболее первобытных дикарей земного шара. Я посетил два стойбища коряков: одно в двадцати пяти верстах от Гижиги, а другое в четырёх верстах от Олы.

Среди виденных мною коряков также распространена болезнь, видимо, сифилис. Я видел старух-корячек, у которых все лицо покрыто зияющими язвами. Такие больные сидят, обыкновенно, при входе в юрту и строгают тальниковые палки. Стружки тальника, тонкие, как корпия, вкладываются ими в язвы, подобно тому, как наши врачи вкладывают в раны гигроскопическую вату. Имеет ли тальник какое целебное свойство, я не знаю, но инородцы, видимо, признают за этим деревом известную целебную силу, да к тому же других каких-либо средств они никогда ни от кого и не получали. По моему мнению, сифилис в самой ужасной его форме съедает всё население восточного берега Охотского моря, и необходимо хоть чем-нибудь помочь ему. Из селений этого побережья, как на наиболее заражённое сифилисом, указывают на Ямское. У этого селения лет семь тому назад стояла американская парусная шхуна, команда которой и заразила многих явинских женщин, от которых сифилис широко распространился по всему побережью.

Иностранцы и теперь посещают охотское побережье, причём в августе месяце 1901 года в Олу приходил пароход «Прогресс», принадлежащий владивостокскому купцу Бринеру и зафрахтованный одной американской компанией для рейса к охотским берегам для покупки живых оленей. В Оле американцы купили 475 живых оленей, по 11 руб. за оленя, считая по этой цене всякого оленя, как езжалаго, так и молодого. Американцы, по уверению жителей Олы, совсем не умеют обращаться с оленем. Нагружая

олений на пароход, они заказывали местным жителям собирать олений мох, причём платили за небольшой мешок моху по 20 коп. — цена хорошая, и ольцы заработали на сборе моха хорошие деньги, так как ими доставлено на «Прогресс» до 10 тыс. мешков моху. Для оленей в трюме парохода был сделан желоб для воды, но желоб, сделанный неумело, протекал и, кроме того, на пароходе вообще не мог быть запас воды, достаточный для 475 оленей на весь путь от Олы до Америки, и американцы додумались: воды оленям не давать, а давать лишь мох, смоченный водою, но эта выдумка американцев обошлась им дорого, так как олени, непоенные, начали пропадать, и 7-го августа, в день отхода «Прогресса» с ольского рейда, пало шестнадцать оленей. Нужно думать, что на пути в Америку пропало много оленей, но точных сведений об этом у меня нет.

Покупка американцами живых оленей нежелательна, и об этом уже есть соответствующее распоряжение Приморской областной администрации.

Вблизи Олы проживает много оленных инородцев, среди них есть оленеводы, считающие свои стада в десяток и более тысяч голов, как, например, оленный тунгус Гаврила Гаврилов.

Оленеводство на севере Приморской области служит ныне лишь к удовлетворению насущных потребностей оленеводов, доставляя им материал для постройки юрт, одежды и служа, в то же время, главным их продовольствием. Торговли оленьими продуктами нет, не говоря уже о выделке оленьих шкур. Со временем, быть может, обратят внимание на оленя, как на животное, которое, не требуя за собою никакого ухода, может не только возить, одевать и кормить своего владельца, но и служить средством к его обогащению. Выделанная оленья шкура стоит больших денег, и спрос на оленьи шкуры уже начинается.

В навигацию 1901 года ездил по северным портам Приморской области крупный архангельский фабрикант, к сожалению, еврей, который покупал оленьи невыделанные шкуры и знакомился с местными условиями на тот предмет, чтобы завести в одном из пунктов северных округ фабрику специально для выделки оленьих кож, подобную архангельской. Это обстоятельство указывает, что оленеводство Приморской области уже обратило на себя внимание промышленного мира, и администрации северных округ нужно следить теперь за тем, чтобы тёмные инородцы-оленеводы не были бы обманываемы пронирыливыми сынами Израиля, но чтобы они извлекали из этого, уже почти единственного

в мире богатства, ту пользу, которую оно может и должно дать. Американцы не даром покупают наших оленей. Всемирный рынок, видимо, требует оленью кожу, а она и есть только у нас, в Приморской области.

В Оле я пробыл ровно сутки. Хотелось бы побольше побыть, да пароходы Китайской восточной железной дороги, совершая свои рейсы в северные округа, не торопясь в ходу, торопятся в портах и, случается, приходят в тот или другой порт только затем, чтобы дать свисток и взять удостоверение о бытности, тогда как время стоянки парохода в порту определяется временем, потребным для разгрузки и выгрузки судна, но, во всяком случае, не менее трёх суток.

Этот пункт контракта по местным условиям имеет прямо жизненное значение, и пункт сей подлежит к безусловному исполнению.

Дело в том, что все якорные стоянки в северных портах, за исключением таковых в Петропавловске, Аяне и на устье реки Анадыра, находятся в открытом море, и успешность разгрузки и выгрузки судна зависит от состояния погоды. Случается, что в ином порту судно сгружается в двое суток, а в ином равное количество груза задерживает пароход на десять-четырнадцать дней, и командиры пароходов, затратив за погоду в том или другом порту много времени, относят эту потерю за счёт следующего порта и стараются уйти из него как можно скорее, иногда через несколько часов, а это обстоятельство имеет то значение, что жители не успевают не только сдать свой груз на пароход, но даже не успевают предъявить его к нагрузке.

Пароходная администрация, по моему наблюдению, считает свою миссию исполненной, если товар, погруженный во Владивостоке, сдан в тот или другой северный порт. Что же касается приёма грузов, то пароходы под всякими предлогами отклоняют от себя эту неприятную и хлопотливую миссию.

К чему ведёт такая поспешность пароходов и как она отзывается на интересах населения северных округ видно из следующего.

Весною 1898 года в Охотск через Якутск проникли четыре семьи минусинских переселенцев: Сергея Выгузова, Гавриила Фролова, Алексея Петухова и Еремея Девягина. Эти четыре семьи осели на берегу моря в семи верстах от Охотска, в так называемом Старом порту, причём в лето 1899 года из наносного леса ими построены исправные дома со всеми хозяйственными службами, заведены всякия рыболовные принадлежности, собаки и до тридцати голов рогатого скота.

Новосёлы дружно принялись за свое хозяйство, причём они не беспокоили начальство никакими просьбами о ссудах и разного рода льготах.

«В Охотске жить привольно, — говорили они мне, — рыбы, лугов — сколько хочешь». Охотская же рыба, так называется нярка, отличается особыми вкусовыми качествами, и охотские нерячи копчёные балыки находят себе настолько хороший сбыт, что сказанные новоселы за два года проживания в Охотске устроились хорошо, и даже стали зазывать своих родичей, и родичи в весну 1901 года непременно пришли бы, если бы не пароход Китайской восточной железной дороги «Мукден». Этот пароход, придя в 1900 году на охотский рейд, получил требование на приёмку крестьянских балыков в день прихода, а на другой день погода была свежая, и довести груз на пароход не позволил бар, а на третьи сутки «вышел срок» стоянки парохода, и он ушёл, оставивши у перечисленных выше крестьян копчёных балыков на сумму до 2 000 руб.

Эти балыки, простоявши год в плохо сбитых ящиках, никакими брезентами не покрытыми, конечно, испортились, а в 1901 году крестьяне, опасаясь, что балыки вновь не будут приняты на пароход, сократили их производство, приуныли, а три ходока, пришедшие по их письмам осматривать охотския места, пошли обратно, говоря, что промыслять в Охотске балыки — дело неверное: возьмут балыки на пароходе — хорошо, а не возьмут — пропал.

В навигацию 1901 года пароход «Гирин» отказал принять в Охотске собак до Аяна. Собаки — это жизнь северянина, и собачья нарта есть мерило благосостояния тамошнего жителя. Я не знаю мотивов отказа, но констатирую лишь факт отказа.

Отказ парохода «Мукден» принять балыки и отказ парохода «Гирин» принять нарту собак имеют крайне серьезное значение для северян, особенно теперь, когда северная окраина Приморской области мало-помалу пробуждается от своего двухвекового оцепенения и проявляет несомненные признаки некоторого оживления.

В Охотск, например, пришли новосёлы, хотя всего четыре семьи, но важно то, что они пришли сюда по собственному почину.

Природа Охотского края, хотя и сурова, но она, тем не менее, даёт человеку возможность заниматься в широких размерах скотоводством, ибо в этом крае травы обильныя, тучныя и питательныя, рыбы и морских зверей много, как и везде в северных округах, много хорошего строевого леса, много зверей в лесах. Семьи, что поселились вблизи Охотска, в Старом порту, устроились хоро-

шо. Следует, чтобы в будущем пароходы относились с большим вниманием к крестьянскому грузу, и тогда труды крестьян по промыслу рыбы и ея заготовлению впрок дадут им настолько хороший заработок, что к ним приселятся и их родичи, а там пойдут в Охотский край и другие крестьяне. Малолюдые — главный недостаток северных округ, и малолюдые служит, между прочим, причиною того, что в Охотском крае, равно как и в Камчатке, сравнительно слабо развито скотоводство, тогда как там такие же почти условия для скотоводческого хозяйства, как и на Северной Двине, в Холмогорском крае.

Наш северянин больше всего думает о рыбе, а рыба идёт именно в то время, когда надо косить сено, а рыба предпочитается сену, и потому в северных округах, несмотря на хорошие условия для скотоводства, имеют скота самое ограниченное количество, и только потому, что наличное количество рабочих рук недостаточно для одновременной косьбы сена и промысла рыбы. Всякий лишний работник в северном крае имеет огромное значение, и необходимость увеличить население северной окраины Приморской области признана ещё графом Сперанским, хотя, к сожалению, те меры в отношении увеличения населения Охотского края, какие приняты были высшим правительством по представлению графа Сперанского, не привели ни к каким результатам, ибо местные чиновники сумели расхитить все отпущенные для сего средства и свести начинания Сперанского к нулю. Увеличить население северных округ Приморской области хотели граф Муравьев-Амурский, но и его мероприятия постигла та же участь, что и мероприятия графа Сперанского.

Местные чиновники, почти безконтрольные, то ли по не сытой алчбе и корысти, то ли по недомыслию вот уже два века тормозят большинство начинаний высшего правительства, направленных к подъёму благосостояния северного края.

Безплодность мер, в разное время принимавшихся высшим правительством для улучшения быта Охотско-Камчатского края, непроизводительность расходов на этот предмет государственного казначейства привели к тому, что северные округа уже мало интересуют высшее правительство, а перенос порта из Петропавловска в Николаевск, а затем во Владивосток, последние политические события на Дальнем Востоке совершенно отвлекли его внимание к крайнему Северо-Востоку Азии.

Этот уголок, заброшенный, предоставленный самому себе, живёт своеобразною жизнью, жизнь в нём не бьёт ключом, как в южных

частях Приамурского края, а тлеет, и никто не заботится, что будет из этой не угасшей, но предоставленной угаснуть искры. И искра жизни на крайнем Севере-Востоке России не гаснет и не погаснет никогда, ибо северная окраина Приморской области жизнеспособна.

Жизнь России, всё более и более развиваясь, коснулась и Северо-Востока Азии, ибо на этот край обратили внимание и промышленный мир, и, частью, русское крестьянство, ищущее земли и простора. На Камчатке зародилось крупное промышленное дело, а в Охотском крае сама собою возникает крестьянская жизнь.

Отказ «Мукдена» принять балыки в корне подрезывал благополучие новосёлов, а охотский окружный начальник даже пальцем не шевельнул, чтобы заставить пароход взять эти балыки.

Это тем более печально, что неудачная, хотя и серьезная, попытка крестьян вывозить охотские балыки во Владивосток откладывает на более или менее долгий срок развитие в Охотском крае рационального рыбного промысла, хотя таковой и может поднять на ноги весь этот край.

Высшее правительство, чтобы развить в Охотском крае рациональный рыбный промысел, четыре года тому назад выдало мещанину Колмакову безпроцентную ссуду в пятнадцать тысяч рублей сроком на пятнадцать лет. К сожалению, Колмаков не оправдал оказанного ему доверия. Колмакову выдана ссуда на развитие рыбного промысла, но Колмаков не столько занялся рыбным промыслом, сколько торговлею с Якутским краем. Будучи в Охотске, я ознакомился с предприятием Колмакова и свидетельствую, что в отношении «рационального рыбного промысла» им не сделано ровно ничего, если, впрочем, не считать скупки у охотских жителей небольшого количества копчёных балыков и продажи их затем во Владивостоке, что можно было сделать и без правительственной ссуды.

В бытность мою в Охотске у Колмакова было на складе товаров на сумму до 24 тыс. руб.; уже тогда было видно, что Колмаков не имеет намерения платить следующий с него годовой взнос на погашение ссуды, что я, между прочим, и высказал начальнику округа, и мои предположения оправдались, ибо в конце ноября 1901 года я получил от начальника округа письмо, в котором он уведомляет меня, что Колмаков отказался погашать данную ему ссуду и уехал в Якутск.

Если удастся взыскать с Колмакова казённые деньги, то, по моему мнению, следует возбудить ходатайства не об обращении

их в казну, а об образовании на эти средства рыбопромышленной артели из домовитых охотских жителей и минусинских новосёллов за их круговую, друг за друга, порукой. Следует сделать энергичную попытку к экспорту охотской рыбы. Капитал в пятнадцать тысяч рублей в руках артели даст Охотскому краю несомненную пользу и даже оживит этот край.

В Охотске заслуживает внимания казённая лавка, в которой продаются по заготовительной цене с надбавкой десять процентов различные предметы первой необходимости. Эта лавка нормирует цены на привозные товары и, как говорят, способствует процветанию населения. К сожалению, я не могу высказать своего взгляда на казённую лавку. Что лавка — дело в высшей степени полезное — не может быть сомнения, но принцип дела и его практическое осуществление — вещи различные. Я пробыл в Охотске всего двое суток, а потому и не мог ознакомиться с организацией казённой лавки.

Из Охотска «Гирин» вышел 5-го сентября, а 7-го сентября в семь часов утра он пришёл в Аян. Аян, возникший благодаря своей превосходной бухте, единственной в Охотском море, лет сорок тому назад, когда на Севере ещё оперировала Российско-Американская компания, если и не процветал, то все же в нём было больше жизни, чем теперь. Ныне в Аяне живёт всего семнадцать человек, считая в том числе трёх казаков и их детей, и это население размещается в роскошных зданиях Российско-Американской компании, сооруженных Филиппеусом с затратой больших капиталов, ибо этот деятель нашего Севера стремился сделать Аян главным торговым пунктом охотского побережья.

Мечты Филиппеуса пока не осуществились, хотя в Аяне и превосходная якорная стоянка и более мягкий климат, чем, например, в Охотске, Гижиге, Оле, и большие удобства для скотоводства. В Аяне обильные рыбные и звериные промыслы, а за всем этим Аянский край богат прекрасным лиственничным лесом, годным даже для судостроения. Аяну, несомненно, предстоит будущее, да и теперь торговая деятельность Аяна доказывает, что мысль Филиппеуса относительно Аяна, в общем, правильна.

Ныне через Аян идут на реку Маю чайные грузы, причём в последние три года через Аян проходило ежегодно в среднем до десяти тысяч ящиков кирпичного чаю.

Переотправкою чая в Якутский край ведают два доверенных: Приамурского торгового товарищества Попов и Русского товарищества котиковых промыслов Бушуев. Чай приходят в Аян

обыкновенно в конце августа и сгружаются в прекрасные склады, построенные Филиппеусом, где и хранятся до декабря, а с первых чисел этого месяца и до конца марта идет перевозка чаёв на оленях в Нелькан. В Нелькан транспорты приходят обыкновенно на пятнадцатый день. Из Нелькана груз сплавляется по реке Мае в Якутск. От Нелькана до устья Май расстояние шестьсот верст вниз по течению, вследствие чего это расстояние проходится в три-четыре дня, а затем грузы идут по реке Алдану на расстоянии тысячи вёрст, также вниз по течению, а от устья Алдана до Якутска, на расстоянии двести восемьдесят вёрст, грузы плывут вверх по течению. Весь путь водою, до двух тысяч вёрст, проходится в двадцать пять — двадцать восемь дней.

Тунгусы-возчики берут за доставку ящика чаю из Аяна в Нелькан по шесть рублей, то есть приблизительно по рубль пятьдесят копеек за пуд.

В самом Аяне оленные тунгусы не живут, а они прикочевывают сюда в декабре месяце, когда начинается извоз. Аян во многих отношениях интересный пункт, но наш пароход простоял там всего восемнадцать часов, да и то только потому, что ему надо было запастись пресной водой. Восемнадцать часов — это такой короткий срок, что собрать каких-либо более подробных сведений об Аяне я не мог.

В Аяне обращают на себя внимание две ненормальности: там есть казачья команда, но для команды нет казённого здания, и казаки живут, как бы из милости, в доме котиковой компании.

Затем, бывшая охотско-камчатская экспедиция Богдановича еще в июне 1897 года оставила на попечении управляющего аянской казачьей командой следующие товары: тридцать бочёнок солонины, шесть бочёнок неизвестного товара, четыре ящика свинца, один тюк верёвок, три мешка гречневой крупы, два мешка гороху, две поперечные пилы и тринадцать ящиков неизвестного товара. Эти товары, сложенные в складах, принадлежащих котиковому товариществу, вот уже более пяти лет охраняются казаками, составляя для них тяжёлое бремя, а затем котиковая компания имеет к Богдановичу денежную претензию за многолетнее хранение имущества его экспедиции в складах товарищества.

В Аяне нет склада для казённых припасов, и таковые помещаются в складах товарищества, а что касается соли, то она прямо сложена под полом одного из амбаров товарищества, причём в дождливое время соль подмокает.

Вопрос о постройке в Аяне складов для казённых припасов возбуждался чиновниками особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе Орловым и Савримовичем, а также и действительным статским советником Маргаритовым, но вопрос сей до сих пор остаётся открытым. Во всяком же случае, до тех пор, пока в Аяне не будет хороших складов для казённых припасов, туда, безусловно, не следует посылать соли, ибо таковая всё равно испортится.

А. П. СИЛЬНИЦКИЙ

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ СЛУЖБЫ НА КАМЧАТКЕ

Предисловие. В 1904 году, в бытность мою Петропавловским уездным начальником, со мною случилась на Камчатке история, о которой много говорилось в русской печати. 19 апреля во время прений в Государственной Думе по вопросу об административном переустройстве Камчатки амурский депутат Чиликин поведал народному представительству о моих злключениях в стране, административное переустройство которой составляет теперь заботу правительства.

Глубоко признательный г. Чиликину за его доброе обо мне слово, я считаю теперь уместным и своевременным рассказать читающему русскому обществу свою камчатскую историю, о которой до сих я умалчивал, опасаясь, что иные примут её скорее за сказку, чем за быль. Но эта сказка в общих чертах уже заслушана с высоты думской трибуны и занесена на скрижали думских журналов. В своём изложении, по возможности эпическом, я передаю подробности того, о чём сказал уже депутат Чиликин, по собственной, добавляю, инициативе, без всякой моей о том просьбы, ибо я даже не знаком с г. Чиликиным и никогда ни с чем к нему не обращался. Весь мой рассказ от слова до слова подтверждается документами, имеющимися в Министерстве внутренних дел, в управлении Приамурского генерал-губернатора и в Приморском областном правлении.

Назначение на Камчатку. Хакодате. В апреле месяце 1903 г., будучи редактором «Приамурских ведомостей», органа приамурского генерал-губернатора, я был назначен на должность Петропавловскаго-на-Камчатке уездного начальника.

Ещё до этого назначения я неоднократно бывал на Камчатке в качестве чиновника, которому поручались генерал-губернатором различные дела.

с 369

с 367

съ разн.
мален.

~~Историческое~~
~~Библиотечное~~

[Handwritten signature]

Сильницкий, А.

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ

1940

14 МЯСЯЦЕВЪ СЛУЖБЫ НА КАМЧАТКѢ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ВЪ 1904 ГОДУ, въ бытность мою петропавловскимъ уѣзднымъ начальникомъ, со мною случилась на Камчаткѣ исторія, о которой много говорилось въ русской печати.

Въ апрѣлѣ, во время преній въ государственной думѣ по вопросу объ административномъ переустройствѣ Камчатки, амурскій депутатъ Чиликинъ повѣдалъ народному представительству о моихъ злоключеніяхъ въ странѣ, административное переустройство которой составляетъ теперь заботу правительства.

Глубоко признательный г. Чиликину за его доброе обо мнѣ слово, я считаю теперь умѣстнымъ и своевременнымъ рассказать читающему русскому обществу свою камчатскую исторію, о которой до сихъ поръ я умалчивалъ, опасаясь, что иные примутъ ее скорѣе за сказку, чѣмъ за быль.

Но эта сказка, въ общихъ чертахъ, уже заслушана съ высоты думской трибуны и занесена на скрижали думскихъ журналовъ.

Въ своемъ изложеніи, по возможности эпическомъ, я передаю подробности того, о чемъ сказалъ уже депутатъ Чиликинъ, по собственн., добавляю, инициативѣ, безъ всякой моей о томъ просьбы, ибо я даже и не знакомъ съ г. Чиликинымъ и никогда къ нему не обращался.

17 мая на пароходе Китайской Восточной дороги «Сунгари» я вместе с семьёй выехал из Владивостока. Наш путь лежал на Хакодате, где мы и остановились на сутки, чтобы взять уголь.

Когда «Сунгари» бросил якорь, на его борте появились японские власти с доктором, который быстро осмотрел всех пассажиров, после чего нам было дано разрешение съехать на берег.

Хакодате — главный порт, откуда идут в охотско-камчатския моря японския рыболовные суда, парусные и паровые.

На «Сунгари» кроме меня, петропавловскаго начальника, плыл к месту своей службы и охотской уездный начальник Попов.

Когда мы с Поповым сошли на хакодатский берег, к нам подошёл какой-то японец, который на русском языке предложил нам свои услуги сопровождать нас по Хакодате и, вместе с тем, быть нашим переводчиком. Мы охотно приняли любезное предложение, тем более, что мы интересовались попутным японским городом и жизнью японцев вообще.

По знаку нашего новаго знакомца к нам подкатили три рикши. Это маленькия японския колясочки, везомыя человеком, «курумой», как его называют в Японии. Возница одет в широкую, до колен, синюю куртку, на спине которой нашиты какие-то белые иероглифы, на его голове коническая широкополая соломенная шляпа, на ногах деревянные сандалии, штаны засучены до колен.

Мы сели в поданные нам колясочки, и наши возницы, согнувшись в три погибели, тронули рысью, не уступающей, пожалуй, мелкой рыси лошади.

Быстро проехали мы набережную и свернули на какую-то улицу, с обеих сторон которой были расположены магазины с разными товарами. Посреди улицы проложена конка. Ея вагон маленький; люди, что сидят в ней, маленькие, лошади, что везут крошечный вагончик, — тоже маленькие. «Страна карликов», — думали мы.

Мы подъехали к гостинице. Ея архитектура такова же, как и всех виденных нами хакодатских зданий, как и всех японских городских зданий, образцы которых каждый видел на картинках иллюстрированных журналов.

В сенях гостиницы сидел, видимо, швейцар. Он сидел на корточках перед низеньким японским столом, заваленным какими-то книгами, вероятно, конторскими.

Появились две молоденькия миловидныя японки. Они пригласили нас следовать по лестнице вверх. Когда мы поднимались, нам казалось, что гостиница развалится. Под нашими ногами она дрожала. Так легка ея постройка. Нас ввели в помещение, мягко

устланное циновками, украшенное множеством японских картин по стенам и цветов на полу и на тумбах.

Посреди стоял европейский стол, и около него полудюжина венских стульев. Мы попросили позавтракать, но по-японски. Появились новые девушки, которые живо устали стол какими-то маленькими чашечками, соусниками, блюдами. Появилась металлическая фляжка с маленькими, с наперсток, рюмочками. Подали и европейская вилки, и японские палочки. Но с последними мы так и не смогли обращаться, что очень веселило наших прислужниц, поминутно улыбавшихся нам и приседавших. Стали есть. На столе было великое изобилие яств: солёная редька, маринованные баклажаны, разные бобы, капуста, морковь, картофель, затем стояла рыба под всевозможными приправами, между прочим с изюмом, с черносливом, просто с сахаром. Хватишь иной кусок, но тут же смотришь, как бы это незаметней выплюнуть его.

Тоже и мясо. Оно отдаёт каким-то специфическим вкусом, который решительно не приемлем русским человеком. Взяли фляжку с выпивкой: фляжка горяча, как огонь. Это, оказалось, нам подали горячее японское саке, рисовую крепкую водку. Но и японская водка на охотника. Попросили смирновки, а затем чего-нибудь по-европейски, ибо, признаться, есть-то хотелось.

Подали «английский бифштекс», зажаренный тонкими ломтиками, твердый, как подошва, а к тому же и отдававший кунжутным маслом. За все эти прелести с нас взяли недорого, всего три иены (около трёх рублей).

Расплатившись, отправились осматривать город. Удивительное однообразие. Один дом — точная копия другого. И люди вследствие полной однородности похожи друг на друга. На нас смотрели с любопытством, но мальчишки за нами не бегали, и «толпы зевак» не останавливались. Иные, впрочем, встречные японцы смотрели на нас как-то злобно. И это понятно. В Японии ведь готовились к войне, и по всей стране пелись песни, впитывавшая в народную массу смертельную ненависть к русским.

— Если зераете лусски консул — надо сюда!..

И наш чичероне указал нам на здание, стоявшее наверху горы, над зданием реял русский флаг. Тою же рысью стали мы подниматься в гору к зданию русского консульства.

Консула мы застали дома. Он оказался моим знакомым по Хабаровску, ибо до службы консулом он был правителем канцелярии амурского губернатора и приезжал в Хабаровск. Его фамилия Геденштром.

У консула мы застали, между прочим, известного писателя Сорошевского, прехавшего в Японию изучать племя айнов.

Беседа наша с Геденштромом открывала нам новые горизонты. Мы с Поповым ехали «управлять» отдаленнейшими окраинами государства Российского, на которые ввиду их колоссальных рыбных богатств обратили свое особое внимание японцы.

И Геденштром, уже проживший в Японии свыше пяти лет, научившийся за это время говорить по-японски, составивший себе знакомства с японцами, стал нам излагать свои предположения о неминувости и близости войны России с Японией, не предвещавшей нам, по его словам, ничего хорошего.

Я и Попов, слушая пессимистические речи Геденштрома, были искренно убеждены в несокрушимости нашей мощи вообще, а на Дальнем Востоке в особенности. Залог этой мощи мы видели в помпезном объезде на наших глазах А. Н. Куропаткиным владивостокских твердынь. Вблизи Владивостока мы сами видели, как крейсирует могучая броненосная эскадра, встреченная нами в кильватерном строе на высоте северной оконечности Русского острова. Мы не верили Геденштрому и даже склонны были истолковывать иные его похвалы по адресу японцев его антирусским направлением.

Но Геденштром и Сорошевский стояли на своём...

В подтверждение своих слов Геденштром принес пачку своих донесений в Токио, относящихся до замыслов Японии на наши северо-восточные воды, уже частью осуществляемые организацией патриотического северного рыболовного общества, положившего основание форта на острове Шумшу в Первом Курильском проливе, в непосредственном, значит, соседстве с нашей Камчаткой.

Помню, как сейчас, следующую фразу из донесения Геденштрома: «Согласитесь, ваше превосходительство, — писал Геденштром посланнику, — что отличительная черта японцев, как и всяких азиатов, состоит в том, что они склоняются перед правом, опирающимся на силу. Вот почему я опасаясь, что все наши соглашения с японцами о рыбном промысле в наших водах, охраняемых всего одним нашим военным судном, к тому же тихоходным, останутся мертвою буквою, исполнять которую японцы, конечно, не будут».

Как ни были мы, я и Попов, упоены сознанием русской мощи, особенно после объезда Приамурского края Куропаткиным, так импонировавшим на воображение русского человека своим величественным спокойствием и иными прочими качествами представителя сильного народа, но все же пессимистические речи Геденштрома и Сорошевского заставляли нас призадуматься.

А Геденштром рассказывал нам удивительные вещи и о дислокации японской армии:

— Вот теперь в Японии ждут Куропаткина. И из всех городов, которые будут посещены Алексеем Николаевичем, выведены батареи, вооруженные новейшими пушками, выведены войска, вооруженные новейшими винтовками. В маршрутные города стягивается японская заваль, вооруженная чуть ли не фитильными орудиями и кремневыми ружьями. То же и в военных портах. Все самоновейшие крейсера и броненосцы ушли на восточный берег островов, причём во всё время пребывания Куропаткина в Японии они будут держаться вдали от его берегов в открытом море.

— Нет уж, — возразил Попов, вспомнивший о блеске наших красносельских сухопутных и ревельских морских парадов, — я решительно не понимаю, зачем же тогда держать воинскую силу, если её прятать от взоров вероятного врага. Ведь воинская сила, чем грознее, тем более обезпечивает мир.

— Японцы, — сказал на это Геденштром, — готовят свои воинские силы не к парадом, а к войне.

И я, вспоминая теперь эту поучительную беседу, понимаю теперь русских властей, которые игнорировали донесения иной нашей японской дипломатической мелкоты о той угрозе, которая вот-вот нагрянет с каких-то там японских островов.

Мы слушали Геденштрома в самой Японии. Но мы только что видели уличную мелюзгу. Видели маршировавшие по городу какие-то воинские команды. Люди маленькие, какие-то заморыши... Ну, куда им с нами?!

Так, вероятно, думал и Куропаткин, когда ему показывали смотровые японские войска. Гордо смотрел на них Куропаткин и думал: «не посмеют».

Настал вечер. Зажгли электричество. В гостиную появились два пожилых японца, которые пришли затем, чтобы от имени рыболовного общества пригласить нас, русских чиновников, к гейшам.

Приглашение было принято, и вечер мы провели в чайном доме, в обществе гейш. Мы сидели в огромном зале, освещенном электричеством, устланном циновками, сидели без сапог, так как таковые нам предложили снять при входе в зал. Убранства в зале никакого. Только стены обильно украшены различными панно из вышитых шелками картин, изображавших птиц, пейзажи, цветы.

К каждому из нас была приставлена гейша, бывшая вместе с тем и прислужницей, подававшей нам угощения. А угощали нас различными японскими яствами, фруктами, сладостями, шампанским.

Перед нами другая гейши пели и плясали. Но их песни и пляски, так сказать, на охотника. В чайном домике мы просидели до часу ночи, а затем отправились на «Сунгари», отход которого был назначен в четыре часа утра.

От Хакодате до Командорских островов. Когда стали сниматься с якоря, на нашем пароходе оказалось много новых пассажиров: русских, японцев, англичан, немцев. Русские, севшие на «Сунгари» в Хакодате, все «рыбопромышленники», якобы заключившие с японцами контракты по найму парусных шхун для вывоза в Японию промышленной рыбы, в действительности же запродавшие японцам рыболовные участки, снятые с торгов во Владивостоке. Нужно заметить, что тогда, как и теперь, иностранцам, в том числе, конечно, и японцам, строжайше воспрещалось ловить рыбу самолично. Они могли только покупать её у «местных жителей» и грузить на свои шхуны. Этот запрет и создал целый промысел, состоявший в том, что соискателями на рыболовные участки в Охотско-Камчатском крае являлись различные предприниматели, в большинстве аферисты, которые, взявши с торгов тот или иной рыболовный участок, спекулировали им, отдавая его японцам, причём всякий русский промышленник, запродавший японцу свой участок, доставлял на его шхуну и два-три человека «русских рабочих», нанимая их обыкновенно на владивостокском Семеновском покосе, своего рода Хитровом рынке. Их во время промысла, на случай приезда русских властей, и демонстрировали в качестве «русских рабочих» данной рыбалки. Обязанность этих рыбаков состояла единственно в том, чтобы целыми днями валяться на береговых песках и пить саке.

Между японцами, севшими на «Сунгари» в Хакодате, были два интеллигентных молодых японца, ехавших на Командорские острова для изучения русского языка.

Эти японцы были туда приглашены начальником островов, покойным Н. А. Гребницким, проводшим в Японии в 1903 г. несколько месяцев в качестве чиновника, командированного русским правительством на рыбопромышленную выставку.

Мы выходили с хакодатского рейда при ясной солнечной погоде. И с палубы парохода мы отчётливо видели целый лес мачт парусных судов, уже готовых к отплытию в наши северные моря за рыбой. И когда мы, взявши курс на Командорские острова, повернули на север, мы видели на горизонте множество парусных шхун, державших путь тоже на север. Началось обычное промысловое движение на север с солью, неводами, товарами.

А с конца июля в этих же морях уже встречаются обратные шхуны, нагруженные до последней возможности рыбой.

Погода нам благоприятствовала. Море было так тихо, что не было никакой качки. А потому все чувствовали себя весело и приятно.

По вечерам в кают-компаниях устраивались концерты, пели, играли на пианино и даже танцевали.

На пятый день показались Командорские острова. Наш пароход был первым.

Мы везли все новости, провизию. И нас встретили так, как обыкновенно встречают на севере первый весенний пароход, не только с радостью, но и с нетерпением, что выразилось в том, что к нам навстречу, пользуясь хорошей погодой, далеко в море выехали шлюпки, на которых восседали чины командорской администрации, командорские приказчики и прочие «знатные». Спустили трап. Убавили ход. И к нам на ходу парохода взошли командорцы. Они засыпали нас вопросами. При общей сутолоке пароход вошёл на рейд и отдал якорь.

Перед нами раскинулось селение Никольское. Снег ещё не весь сошёл, а потому открывшийся нам ландшафт в одинаковой степени можно было назвать как зимним, так и летним. Но зелени не было ещё и в помине.

Лишь только пароход отдал якорь, как временный начальник Командорских островов г. Лех пригласил нас к себе на берег. Мы съехали. Никольское, население которого состоит из алеутов числом до трёхсот душ обоего пола, имеет очень оригинальный вид. Оно состоит из группы домиков, частью привезённых готовыми из Америки, покрашенных в красную краску и напоминающих товарные вагоны, ибо домики, как и вагоны, построены из узких досок. Посреди села церковь, маленькая, но красивая. У церкви памятник Берингу.

Жители одеты пестро: одни в котиковых куртках, другие в американских блузках разных цветов и покроев. Женщины все одеты по-европейски, с претензией на моду. Многие в шляпках. Поражает разнообразие запахов: то разит какою-то падалью, то едким рыбным запахом, то вдруг вы чувствуете дыхание весны... Падалью пахнет потому, что кит, выброшенный на берег неделю тому назад, которым продовольствовались вплоть до нашего прихода алеуты и их собаки, стал загнивать. Рыбой пахло потому, что у каждого проваливалась на связках «красная рыба», только что появившаяся в речушках с моря. А весной паховало потому, что все алеутки вышли встречать пароход, умастивши себя духами, помадами.

Алеуты, что живут на Командорских островах, должны бы быть самым состоятельным народом России, так как они являются монопольными промышленниками командорских зверей: морских котиков, бобров, голубых песцов. С каждого добытого зверя они, согласно контракту правительства с обществом, эксплуатирующим котикувые и бобровые лежбища на островах, получают крупную мзду.

Но на деле алеуты — самый бедный народ в мире, уже вымирающий. Причина та, что общество попросту обманывает алеутов, снабжая их за добытых зверей всякой дрянью, например: духами, граммофонами, побрякушками, а затем спиртом, ромом, виски и прочими горячительными напитками, хотя их ввоз на острова и запрещен. Расплата за зверей товарами, таксируемыми как Бог на душу положит, а главное — спаивание инородцев — вот корень их бедности.

А к тому же самое хозяйничанье общества на промысловых лежбищах не может быть названо иначе, как хищническим, что доказывается хотя бы тем, что промысел зверей ежегодно падает. Десять лет тому назад на Командорских островах добывалось до ста тысяч котов, а теперь их добыча спустилась до трёх-четырёх тысяч.

Тоже и бобры. Раньше добывалось бобров до пятисот штук в год, тогда как теперь их добывается уже не больше двух-трёх десятков.

Общество, с которым правительство заключило контракт на эксплуатацию Командорских островов, по названию русское, в действительности же — американское. Всё, по крайней мере товары, которыми снабжаются Командорские острова, привозятся на морских судах из Америки.

Хищническое хозяйство на Командорских островах уже давно обращает на себя внимание местной печати, которая неоднократно помещала об этом статьи, не имевшие, однако, никакого практического значения.

Правил островами в течение почти тридцати лет Н. А. Гребницкий, ныне покойный. Ещё при его жизни местная печать высказывала, что Гребницкий ввиду его пассивного отношения к интересам инородцев и промыслам скорее может быть почитаем агентом торгового общества, чем агентом правительства.

Верно ли это, или нет, но факт тот, что Командорские острова разорены вконец, и о былых промысловых богатствах ныне осталось одно воспоминание. А что касается алеутов, то их положение за оскудением котов и бобров с каждым годом делается безвыходнее. И для того, чтобы они не вымерли, правительству придется, пожалуй, в близком притом будущем, попросту кормить их.

На командорском рейде мы простояли до вечера, а затем при продолжающейся хорошей погоде пошли в Петропавловск, куда и пришли на вторые сутки в три часа утра.

Прибытие в Петропавловск. Первые шаги. Петропавловск, как и Командорские острова, был ещё на зимнем положении. Снег кое-где стоял, а на горах и в лощинах он лежал ещё целыми толщами. Зелени не было. Когда мы вошли в Петропавловскую бухту, город ещё спал. Но призывные свистки не замедлили разбудить петропавловцев, и на берегу началось движение.

В истекшую зиму в Петропавловске скончался уездный начальник Ошурков, заместителем которого явился я. Правил Камчаткой канцелярский служитель Сотников. Как и водится, ко времени моего приезда в Петропавловске накопилось множество вопросов. Сотникова не признавали за начальника, и каждый делал, что хотел. И мне сразу же пришлось окунуться в разного рода недоразумения, возникшие на почве личных счётов, причём петропавловское общество разделилось на два лагеря: одни признавали Сотникова, тогда как другие считали его «узурпатором», ибо, по их толкованию, в отправлении обязанностей окружного начальника должен был вступить уездный врач Тюшов.

Самое главное недоразумение возникало из того, что при описи имущества, оставшагося от покойного Ошуркова, в его составе оказалась шкура морского бобра. Бобр этот был добыт на мысе Лопатка, где их лежбище охраняется особой командой, ежегодно посылаемой туда распоряжением камчатского начальника.

И бобрам, добытым охранной командой, ведётся строгий счёт. Они представляются казаками при рапортах, посылаются затем во Владивосток для продажи с аукциона, а вырученные деньги делятся: половина идёт в казну, а половина в пользу казаков-промышленников. И такой случай, чтоб из партии бобров ускользнул бобр-другой, не представлялся возможным. Между тем при разборе пререканий я выяснил, что, кроме морского бобра, оставшагося в вещах Ошуркова, в Петропавловске есть ещё и другие бобры, добытые всё на той же Лопатке. Бобры эти оказались частью у купцов, частью у казаков, частью у петропавловских обывателей, частью во Владивостоке.

И мне волей-неволей тотчас по прибытии в Петропавловск пришлось заняться бобровым вопросом.

А тут в моё «производство» поступило и второе скандальное дело — об охране имущества, оставшагося после смерти петропавловского купца Русанова. Наследники жаловались на простое

расхищение, обвиняя в нём помощника уездного начальника Павскаго, выехавшаго во Владивосток и ожидавшагося в Петропавловске.

На своё новое несчастье, я столкнулся с довольно-таки пикантными обстоятельствами, относящимися до сбора камчатского ясака. Петропавловские торгующие, не успев я приехать, стали просить меня сделать аукцион ясачных соболей, оставшихся не проданными с зимы. Оказалось, что аукцион ясачных соболей искони веков производился в тесной компании камчатских торгующих, причём цены на соболей всегда держались в пределах от 10 до 15 рублей шкурка. Выяснилось также, что далеко не вся пушнина, собранная в ясак, предъявлялась в аукцион. Иные звери продавались как-то так, что от них не оставалось и следа.

Самый дорогой зверь на Камчатке — чёрная лисица. Она водится главным образом на острове Караге, находящемся в северной части восточного берега Камчатки. Копаюсь в делах и разного рода записках, я выяснил, что инородцы не имели права продавать чёрных лисиц кому бы то ни было, ибо они особыми приказами моих предшественников обязывались предъявлять чёрных лисиц непременно уездному начальнику. Выяснил я также, и при том документально, что год тому назад в селении Карагинском были взяты в ясак три чёрных лисицы. Но эти лисицы так и ускользнули из аукционных листов, как ускользнули из них и высокие экземпляры соболей.

И для меня стало ясно, что здесь, в Петропавловске, «рука руку моет»: начальство делает торгующим покровительственные аукционы, компенсируя себя кабинетными сделками по продаже чёрных лисиц и высоких соболей.

Но эти комбинации мне не улыбались. По простоте своей я думал, что приехал затем, чтобы помочь забитым и загнанным камчатским инородцам, этим истинным сынам матери природы.

Аукцион я сделал, но сделал тогда, когда было много приезжих, русских и иностранцев, вследствие чего мои ясачные соболи пошли не по 10—15 рублей, как раньше, а по 75—125 рублей, о каковой цене на Камчатке и не слыхивали, хотя она и была истинной ценой, так как камчатские соболи доходили в Америке до 200 рублей шкурка, а были и такие шкурки, что за них американские щеголихи платили и по 400 рублей.

Таким образом, первые мои шаги по службе, выразившиеся в розыске и конфискации хищнических морских бобров, в «недобросовестном отношении к своим» на аукционе ясачных соболей,

в неумении уладить дело по расхищению наследства Русанова, в желании узнать истинную историю карагинских чёрных лиц, возбудили против меня неудовольствие петропавловской «интеллигенции».

Недовольно осталось мною и областное начальство, которое я «засыпал» «кляузами», истолкованными как выражение моего желания «очернить» память своих предшественников, а самому «выслужиться». Областному начальству тем более не понравились мои «кляузы», что в одной из них я просил отобрать двух хищнических морских бобров, купленных в Петропавловске по дешёвым, конечно, ценам врачебным инспектором Приморской области Блонским, ревизовавшим в навигацию 1902 года медицинскую часть Охотско-Камчатского края.

Питейное дело в Петропавловске. Японские хищники. На каждом шагу я встречался с явлениями, с которыми трудно было мириться. Особенно доезжали меня многочисленные петропавловские кабаки. Самое их существование было мне решительно непонятно. Камчатка ведь страна инородческая, куда ввоз спирта категорически воспрещается законом. А в самом Петропавловске было пять кабаков, тогда как всего населения было 350 душ. Было ясно, что не для 350 душ, считая в том числе женщин и детей, содержится столько кабаков, и с огромными притом запасами алкоголя в разных видах, ввозившагося к тому же со сложением акциза главным образом из Америки. Выяснилось, что вся масса спиртных напитков, за незначительным сравнительно их расходом в Петропавловске, вывозилась внутрь страны для меновой торговли с инородцами.

Ввиду того, что процедура открытия кабаков и в Петропавловске обставлена разрешением городского общества, ввиду того, что патенты ещё не были выбраны, я прежде, чем выдавать патенты, собрал городской сход, на котором и было постановлено: разрешений на кабаки не давать, вследствие чего и на основании соответствующего приговора, к которому, кстати сказать, «руку приложили» и сами виноторговцы, прикинувшиеся, что они-де мало заинтересованы в своих кабачках, я кабаки закрыл, о чём и донес начальству.

Это моё действие, как я до сих пор думаю, было правильно и с формальной стороны, и по существу.

Но не так, однако, взглянула на это областная власть, уже предубежденная против меня прежними моими действиями, в особенности по части ясака и морских бобров.

От губернатора я получил нахлобучку и предложение: кабаки немедленно открыть, хотя и до сих пор я не уясняю, во имя чего, собственно, ратовал губернатор: на Камчатке ведь нет акциза, а патентный сбор такой пустяк, о котором со стороны фиска не стоит и разговаривать.

Время шло. Настал июль, а с ним и массовый ход рыбы. От жителей селений я стал получать донесения, что «пришли японские шхуны, которые стали в устье нашей реки, перегородили её ставными неводами с одного берега на другой и не пускают к нам рыбу. И мы сами, и наши собаки, — писали инородцы, — помрём с голоду».

У меня же не было решительно никаких средств помочь горю инородцев. Двоих своих рыбных надзирателей я «раскомандировал» по обоим берегам, причём у каждого был район в полторы тысячи верст без всяких притом перевозочных средств.

На рейде, правда, стояла канонерская лодка «Манджур» под начальством капитана второго ранга Кроуна, погибшего впоследствии на «Петропавловске» вместе с Макаровым. Но лодка имела массу «прямых» поручений, заключающихся, между прочим, в рейсах вокруг Командорских островов, в рейсах за Берингов пролив, а оттуда в Ном, на американский берег. И «Манджур» при всём своём желании не мог угоняться за всеми японцами, заполонившими наши реки.

Но в середине июля было получено донесение из Большерецка, выходившее из ряда. Доносили, что в устье реки Большой вошли двенадцать шхун с командой до двухсот человек, которые так энергично ловят рыбу в устье этой реки, что все расположенные по ея течению селения неминуемо останутся без рыбы.

И Кроун, прочитавши донесение большерецкого старосты, решил «проучить япошек». Он немедленно вышел в Большерецк, где и застал ту самую картину, о которой доносил староста. Лов рыбы производился японцами без всякого намека на соблюдение каких бы то ни было правил. И Кроун, образовавши судовую комиссию, составил соответствующие протоколы, после чего на точном основании своей инструкции конфисковал 12 шхун, причём их командиров и экипаж взял на «Манджур» и привёз в Петропавловск в моё распоряжение.

«Манджур» привёз ко мне около двухсот японцев, а я находился в таком положении: я должен был принять эту ораву на берег, приставить к ней, как к арестованной, караул, а затем озаботиться помещением, продовольствием и прочим. Но у меня

было в распоряжении только девять казаков, из коих два малолетних и три старика, так что дееспособных казаков у меня было всего четыре человека. Затем, приютить мне японцев было некуда. Карцер, устроенных при управлении, был достаточен разве для десяти человек, но уж, конечно, без всяких соотношений «кубического содержания воздуха к числу людей».

А за всем тем у меня решительно не было никаких кредитов на прокормление такой массы арестованных японцев. Положение моё было поистине «трагическим». Но деваться было некуда. Достал я посуду. Устроил нечто вроде артели. Определил дачу риса и прочей провизии и стал содержать «арестантов».

Нужно им отдать справедливость, что держали они себя отлично, среди них не было ни драк, ни пьянства и ничего, что требовало бы моего вмешательства в их внутренние дела. А расположил их я в одном пустующем пакгаузе Камчатского торгово-промышленного общества с его согласия, но всё же общество потребовало от меня «соответствующую бумажку» об отводе помещения для арестованных «Манджуром» японцев.

Через два дня, 22-го июля, около десяти часов вечера в Петропавловск пришёл пароход Камчатского общества «Котик». Посоветовавшись с Кроуном, я решил предложить пароходу отвезти арестованных японцев во Владивосток. Опять потребовали с меня бумажку, но японцев все же повезли. И довезли благополучно, но появление во Владивостоке «Котика», привезшего с Камчатки около двухсот японских хищников, произвело сенсацию. Стали разбираться, как и почему. А японский консул ввиду уже установившегося неудовольствия на меня областных властей возымел такое действие, что суд, куда было направлено дело о конфискации Кроуном 12 японских шхун, нашёл наши действия неправильными, о чём в назидание и поучение я и получил соответствующую бумажку.

Лично я не был на Большой. А там действовало русское военное судно, имевшее в отношении надзора за промыслами свои инструкции и действовавшее согласно с их велениями.

Но, тем не менее, конфискация шхун, арест японцев, отвод пакгауза и, главное, посылка во Владивосток особого парохода были записаны мне на новый минус, тем более, что раньше, до меня, «на Камчатке все было так тихо, спокойно, а вот теперь чёрт знает, что делается...»

«Котик» привёз мне «официальные бумаги», а петропавловская знать получила письма, что мои «шансы в мнении губернатора»

падают и что меня в виду обнаруженного мною беспокойного характера уберут.

Поездка по Камчатке. Сбор мною ясака. Я не боялся того, что меня «уберут», и был бы рад этому, так как выяснившиеся условия службы на Камчатке были решительно не по плечу мне. И меня не столько печалила несправедливость начальства в отношении лично меня, сколько печалило меня полное его нежелание вдуматься в камчатские дела, осложнявшиеся, к тому же, и фактическим захватом ея рыболовных угодий, против чего русская власть была, в сущности, бессильна, а когда вот она предъявила свои хозяйские права на устье реки Большой, то, как оказалось, села в калошу.

Мои мысли всецело разделял и покойный Кроун, который говорил: «Вот только доберусь до Владивостока»...

Кроуну настало время итти в Берингов пролив. И «Маджур» ушёл. Отношения ко мне камчатской интеллигенции под влиянием известий из Владивостока всё ухудшались. В Петропавловске оказалось множество обиженных мною, и на меня сыпался поток жалоб. Жаловались часто по таким поводам, о которых я даже не догадывался и не знал.

И когда ушёл Кроун, то я остался один, без всякой поддержки. И вот, чтобы дать себе хоть некоторый покой, ибо торговцы в иных случаях придирались ко мне только ради того, чтобы «известить», я решил уехать во внутрь страны, чтобы, кстати, посмотреть житьё-бытьё инородцев.

Я уехал из Петропавловска 28-го июля, оставивши дела своему заместителю, и возвратился в середине августа, объехавши все селения от Петропавловска до Усть-Камчатска. Из этой поездки я вынес, между прочим, такое впечатление, что торговцы буквально разоряют местных промышленников: они берут у них пушнину по невероятно низким ценам, а товары ставят им по невероятно высоким ценам.

Выше я сказал, что, продавши ясачных соболей на аукционе, в котором приняли участие приезжие, русские и иностранцы, я получил за них цену в среднем в шесть раз большую, чем стояла она на Камчатке раньше. От этой продажи у меня образовался капитал свыше семнадцати тысяч рублей, из которых я отсчитал около семи тысяч рублей на уплату ясачным плательщикам казённых повинностей и долгов, а остальные затем деньги в сумме свыше десяти тысяч рублей я отправил губернатору с просьбою купить на них товаров согласно «прилагаемым при сём приговорам

инородческих обществ», которыми я заручался во избежание обвинения меня в новом самовольстве.

Весть о собирании мною приговоров о выписке из Владивостока товаров распространилась в Петропавловск раньше, чем я возвратился из своей поездки. И нужно ли говорить, что в Петропавловске нет, кажется, ни одного человека, который бы не мечтал «выменять хорошего соболька».

«Взвинтил цены на соболей, а теперь вот какие-то товары выписывает. Раньше, — говорили петропавловцы, — начальники довольствовались маленьким, а этот всё хочет подобрать к своим рукам, а это уже подло: живи сам и другим давай жить...»

Приближалась осень. «Манджур» ушёл во Владивосток. Пришёл уже в конце октября последний почтовый пароход, привезший мне помощника, штабс-капитана Векентьева, офицера саперных войск, командированного в Петропавловск для ремонта казённых зданий и, кстати, в помощь мне по должности уездного начальника.

С последних чисел октября стал выпадать снег. И Камчатка мало помалу переходила на зимнее положение, которое выражалось в снаряжении промышленников в лес на промысел зверя, а торгующие собирались «в округ», собирать долги и «распускать товары». Собиралось в округ и духовенство для «требоисполнения».

В Петропавловске начался торговый сезон. И все торговцы, ввиду отмены губернатором моего распоряжения по части закрытия кабаков, думали, что я не в праве помешал им вывозить спирт в округ. Но так как в этом случае даже губернатор не мог мне предписать «не стеснять местную торговлю», то я на точном основании законов стал осматривать все выезжающие из Петропавловска нарты и отбирать погруженный на них спирт, ром, виски и проч. А к тому же на основании закона о земских повинностях я не стал давать приказов на взимание торгующими обывательских подвод, ибо подводная повинность при тамошних условиях в высокой степени обременительна для населения, тем более, что за подводку, по установившемуся обычаю, уплачивались только «прогоны» без внимания к тому обстоятельству, что на подводную, собственно, нарту надо запрягать и нарту с собачьим кормом, а затем хорошая погода — редкое явление на Камчатке. В большинстве же случаев там задувают пурги, случается, по неделе и более. И вот нарта, выехавшая до соседнего селения вёрст за сорок пятьдесят, зачастую возвращается через десять дней, ибо в дороге она «отсиживалась» от пурги.

Раньше, когда между камчатским начальником, камчатским духовенством и камчатскими торгующими существовали «добрососедские отношения», приказы на взимание обывательских подвод давались безпрепятственно. И если от этого стонало население, то торгующие были довольны...

И получилась на Камчатке такая картина, что вопрос о выезде в округ сделался трудным. Иные так и не могли выехать. Да и не стоило, потому что без спирта — какая же торговля?

А инородцы между тем «отводили душу». За прогон нарты они заламывали цены, что, как тогда говорили на Камчатке, «голова шла кругом». Случалось, что за 35 вёрст брали по 60 рублей наличными.

Всем стало худо. А инородцам «стало хорошо». И те из них, которым неотложно нужны были те или иные товары, не дождавшись ввиду изложенных обстоятельств торгующих, сами приезжали в Петропавловск, где прежде всего приходили ко мне, причём их со мною беседы заканчивались иногда тем, что они сдавали мне «особо хорошего соболя» для продажи его затем весною с аукциона, причём в этом случае я давал инородцу ссуду из инородческого капитала, на что имел право, ибо в моём распоряжении было 9 000 рублей инородческого капитала, выдача из которого ссуд из 6 % годовых принадлежала моей компетенции.

Образ моих действий всё более и более возбуждал против меня торгующих, но сделать что-либо они пока не могли, так как расправа со мною губернатора могла быть только весною, с открытием навигации.

Но на Камчатке можно расправиться и не дожидаясь губернатора, как это и случилось со мной. В конце января по установившемуся изстари обычаю я выехал в округ для сбора ясака. Никого из торгующих я с собою не взял, чем нарушил установившиеся традиции. Ибо до сего времени объезд начальника по сбору ясака был вместе с тем и сезоном аукционов, производившихся в каждом селении в тесной компании «спутников».

Камчатский народ, по-видимому, хорошо понял, какую линию я веду, а потому, насколько скверно относились ко мне в Петропавловске, настолько хороший приём и, главное, доверие встретил я во всех селениях Камчатки.

С объезда я возвратился в начале марта месяца, причём в моих нартах очутилось до 1 000 соболей, являвшихся «головкой» всего промысла данного года. Эти соболя поступили в ясак, а так как их стоимость далеко превышала размер повинностей, то на случай

продажи собранных мною соболей по той же, например, цене, по какой они пошли у меня в прошлую навигацию, у меня мог образоваться капитал свыше 80 000 рублей, который согласно приговорам я мог употребить на выписку товаров, и в таком количестве, что ими без малаго удовлетворилась бы вся годовая потребность страны, население которой в общем не превышает 7 000 душ.

Вслед за мной в Петропавловске стали появляться приезжие камчадалы, привезшие соболей на продажу, но, увы, уже без «головки», ибо, повторяю, последняя была у меня.

Чаша терпения петропавловских торговцев переполнилась, и они решили «разделаться» со мной. И разделались.

Меня объявляют сумасшедшим. С конца марта и в начале апреля петропавловская публика стала о чём-то совещаться, причём на совещания приглашался и уездный врач Тюшов, который, кстати сказать, с последним осенним рейсом получил из Владивостока письмо о том, что я «делаю доносы» и на него, врача, хотя я никаких «доносов» не делал, а что касается Тюшова, то о нём я, кажется, и не заикался в своих деловых донесениях.

На этих заседаниях, как потом выяснилось, обсуждался вопрос о моей душевной нормальности. Различныя факты из моей деятельности приводили камчатскую «интеллигенцию» к убеждению, что я ненормальный, вернее, сумасшедший человек. И эта мысль настолько понравилась петропавловцам как средство отделаться от меня одним взмахом пера, что 9-го апреля в девять часов вечера особыми «весьма секретными» записками приглашался в здание городской больницы весь цвет петропавловского общества, не исключая и моего помощника Векентьева, и начальника казачьей команды.

Когда приглашённые собрались, Тюшов открыл заседание, на котором прежде всего высказал, что к нему, врачу, поступили многочисленныя заявления о душевной болезни уездного начальника, и что он, не будучи психиатром, затрудняется дать своё заключение, а потому и обращается к собранию за проверкой тех фактов, которые изобличают мой психоз.

Взял г. Тюшов книгу Крафта-Эбинга и стал приводить различные примеры, показывающие нарушенное душевное равновесие.

Примеры выбирались «подходящие» под мои действия, вследствие чего собрание, за исключением моего помощника и начальника казачьей команды, единогласно постановило, что я действительно сошёл с ума и что поэтому меня необходимо немедленно устранить от занимаемой мною должности.

Заседание закончилось около часу ночи. На другой день я знал уже все его подробности. Ввиду того, что для меня совершенно ясны были побуждения сделать меня сумасшедшим, чему на Камчатке и бывали примеры в ее прошлом, я решил постановлению почтенного собрания не подчиняться, тем более, что поведение на нём врача едва ли отвечало достоинству носимого им звания.

Я пригласил врача в управление. Объяснил ему тот порядок, который указан в законе на случай душевной болезни чиновника, имеющего в руках ответственные дела и казенное имущество, а затем попросил его не вмешиваться в мои дела по управлению уездом, тем более, что весна уже близко.

Но эти мои слова Тюшову, видимо, не понравились. И по Петропавловску стали распространять молву, что я впал в буйное помешательство, которое угрожало-де жизни каждого обывателя. Под влиянием этих толков батюшки распорядились выносить святыни, чтобы выехать вместе с ним на маяк за 25 верст от Петропавловска. Если бы господа камчатские психиатры выезжали одни, я ничего бы не имел, но вывоз церковных святынь, отъезд духовенства на маяк, приближавшаяся Пасха и большая религиозность населения побудили меня принять меры, чтобы не допустить по крайней мере вывоза на маяк святынь, а с ними и создания интердикта на Петропавловск.

В конце концов все остались в Петропавловске, причём я просил всех оставить дело так, как оно есть до приезда начальства, которое могло определить и мою психику и оценить действия.

Известие о войне России с Японией. Принятые мною меры оброны Камчатки. Так продолжалось дело до 22-го апреля. Но в ночь с 22-го на 23-е апреля в Петропавловск приехал казак, который привёз «полетучку» о том, что Япония объявила России войну.

Это известие не являлось для Камчатки особо неожиданные, ибо о войне поговаривали давно, особенно со слов арестованных на реке Большой японцев.

Япония находится в соседстве с Камчаткой. И на Камчатке все знали, что японская крепостца, возникшая на южной стороне острова Шумшу, что в Первом Курильском проливе, возникла недаром. Знали, что там есть склады угля, соли, снастей, знали, что там зимуют шхуны и знали, наконец, что там есть солдаты. Когда мы получили известие о войне, то ни у кого не было сомнений в том, что как только вскроются морские забереги, на Камчатку, и именно на западный ее берег, придут японцы. Вот почему одновременно с получением вести и войне мне пришлось решать, как

же нам относится к японцам, которые, конечно, займут берега Камчатки, тем более что без камчатской рыбы им не обойтись.

Я должен был самолично принять то или иное решение, ни на какие указания свыше я решительно не мог рассчитывать, ибо всякое сообщение Камчатки с Владивостоком было прервано войной.

Никаких известий о ходе войны, кроме факта ее объявления, мы не имели.

Моё положение осложнялось объявлением меня сумасшедшим. И всякое моё распоряжение могло ведь быть истолковываемо как акт моего безумия, тем более, что предусмотрительные японцы, как мне было известно, заручились благорасположением моих теперешних антагонистов, причем Северное японское рыболовное общество вело даже переговоры о том, чтобы на случай войны камчатские рыбалки были «нейтральными». Такого рода переговоры велись с начальником Командорских островов, ездившим, как было замечено выше, в Японию на рыболовную выставку. А Гребницкий был крупною величиною не только на Командорских островах, но его признавали и на Камчатке. У Гребницкого были связи в Петербурге, были и крупные капиталы в американских и английских банках, нажитые им за тридцатилетнее «управление» командорскими промысловыми миллионными богатствами.

Когда я обдумывал создавшийся, точно в сказке, обстоятельство, я не придумал ничего лучшего, как немедленно собрать полный сход петропавловских жителей, не исключая и своих противников.

Сход собрался в восемь часов утра, причём явились на него решительно все, ибо весть о войне распространилась по Петропавловску с быстротою молнии.

Сходу я объявил, что началась война и что, по моему мнению, нам надо ожидать высадки японцев на западном берегу. С моим мнением согласились, причём многие петропавловские старики, на памяти которых происходила знаменитая победоносная защита Петропавловска от соединённой англо-французской эскадры, выразили желание взяться за оружие, чтобы прогонять тех японцев, которые высадутся на наших берегах.

Мысль о возможности защиты Камчатки собственными силами не была утопичной, и вот почему.

Камчатка — страна дикая, бездорожная, где горная, где болотистая, где лесистая. И двигаться по ней воинскими отрядам нет возможности. А уж везти с собою пушки и подавно. А население,

между тем, сплошь как один человек охотники, отлично знающие все тропы, а к тому же и неподражаемые стрелки. И таких стрелков мы могли набрать не менее двух тысяч, что при местных условиях представляло довольно-таки внушительную силу, особенно при партизанском способе ведения войны.

А вооружить население не представляло труда. У меня в складе лежали четыре тысячи новеньких берданок, да было в наличности 800 000 патронов к ним. И здесь, на совете с петропавловцами, было решено бороться с японцами, для чего и организовать дружины. С удовольствием могу отметить, что к этому решению примкнули и мои «враги», которые протянули мне руки и сказали: «Что было, то было, а теперь все будем делать одно дело».

Ударили в колокол, и весь Петропавловск потянулся в собор, где было отслужено молебствие о ниспослании одоления супостата.

А после молебна началась организация обороны страны средствами самой Камчатки.

Прежде всего была сформирована дружина в самом Петропавловске; в состав ее вошло 89 человек, среди которых были запасные нижние чины, между ними и унтер-офицеры. Дружина была сформирована на началах, указанных в законе для дружин ратников государственного ополчения. Домашними средствами были выбиты жестяные ополченческие кресты, которые затем и были разосланы вместе с инструкторами по всей Камчатке.

Начальником камчатских дружин я назначил штабс-капитана Векентьева, а в помощь ему я назначил унтер-офицеров запаса. На другой день, то есть 24-го апреля, из Петропавловска уже выехали инструкторы, которые повезли внутрь страны берданки и патроны к ним. Раздача населению оружия производилась очень быстро. Апрель — самое свободное время на Камчатке, а к тому же в это время и самая лучшая дорога: стоит так называемый наст, то есть снег, слегка подмерзший от утренних заморозков.

Население охотно становилось в ряды дружин. Инструкторы проходили с дружинами маленький курс стрельбы с целью ознакомить иных с берданкой, ибо у камчатских охотников были винчестеры, а патронов к ним не было.

В начале мая почти на всех устьях рек нами были выставлены заставы, которые и установили связь с селениями.

Прибытие американского парохода. Снаряжение морского похода. Бой камчатских дружин с японцами в селении Явинском. Японцев мы ожидали и приготовились их встретить с оружием в руках. Что касается меня, то я хотя и был под сомнением

в отношении дружин, сформированных мною по своему личному почину, но всё же считал, что иначе я и не мог поступить. Не имея никаких разрешений и полномочий, я тем не менее производил расходы на содержание дружин, и немалые, причём расходам я вёл точную запись, оправдываемую соответствующими документами. Я ставил себя в положение ответчика за факт формирования дружин, а что касается вопросов, вытекающих из этого факта, то здесь каждое своё действие я согласовал с законом. Деятельность по организации дружин, кстати, захватила всех петропавловцев, вследствие чего наши «мирные раздоры» как-то улеглись. И во внутренней жизни Петропавловска в виду общего врага воцарился мир и согласие.

Но вот 4-го мая в Петропавловской бухте показались огни парохода.

Нельзя вообразить себе того переполоха, который овладел жителями этого маленького городка при виде приближающихся огней какого-то неизвестного парохода, оказавшегося американским, под названием «Редондо», пришедшим из Сан-Франциско в адрес Камчатского торгово-промышленного общества с представителем этого общества бароном Брюггеном.

Понятно каждому то нетерпение, с каким я и Векентьев всходили на борт прибывшего парохода. Война продолжалась ведь с 27-го января, а мы между тем не имели о ней решительно никаких сведений.

Сообщенные нам г. Брюггеном вести были до крайности печальны. Он сообщил, что война уже проиграна, ибо флот разбит наголову, что русские терпят поражение за поражением на суше, что, когда он выходил из Сан-Франциско, уже была решена капитуляция Порт-Артура, а за нею конференция держав, которая, говорил Брюгген, произведёт раздел русских дальневосточных владений, причём Камчатка отходит к Америке, правительство которой даёт ему, Брюггену, концессию на все его богатства.

Нужно ли говорить о том впечатлении, какое произвели на нас с Векентьевым эти речи Брюггена. Мы ведь были воспитаны под обаянием несокрушимости мощи России. И слова Брюггена прямо обижали нас, как русских людей, заброшенных на незащищенную далекую русскую окраину.

Вот почему и приготовившись, как выше сказано, бороться с японцами, я, по окончании Брюггеном его рассказа о ходе войны, обратился к нему с просьбой не распространять этих рассказов на берегу, так как они внесут только смуту в умы населения.

ВЫПИСКА ПРИКАЗА.

НАЧАЛЬНИКА Петропавловского Уезда
22 * Апреля 1904 года

№ 204

27-го Января сего 1904-го года Россия объявила войну Японии.

Вой западных нижних чинов, льготные и отставные казаки, а равно и волонтеры от населения приглашаются к формированию дружин для поддержания строгого порядка и тишины в Петропавловск и в Уезд.

Распоряжается воинской силой Штабс-Капитан В Е К Е - Н - Ъ Т В - Ъ.

Вой жители, не смотря ни на какое лицо, объявляются чинами и Штабс-Капитану ВЕКЕВЪЗУ полное во всем послушание, обуславливаемое обстоятельствами военного времени.

Приказ сей немедленно объявить по городу под росписку в вой копийхъ полетучкой, послать по войну Уезду.

Взять, братья, въ Бога и Царя.

Поданный подписать Начальник Уезда, Поручикъ Запаса А Сильницкий.

Съ подписать верно:

Начальник Петропавловского Уезда

ПРИКАЗЪ

* 20 * Апреля 1905 года

№ 2

Основываясь приказомъ Г. Военнаго Губернатора Приморской Области отъ 2 Января с. г. № 11 и вселенной инструкции, полученной отъ его превосходительства, объявляя весь Петропавловскій Уездъ на военное положеніе, въ силу чего вой экспансы, какъ запасныхъ, такъ и нижнихъ чиновъ призываются на действительную службу и должны по объявленіи нижнего приказа немедленно представить свои экспансы и билеты нижнихъ классовъ сразу въ распоряженіе копей они и поступать впредь до отправки на сборный пунктъ. должны Сельскія должностныя лица, попавшія запасныхъ чиновъ, не- медленно ихъ отправлять въ сборный пунктъ. Для соединенія за- падного берега сборнымъ пунктомъ назначаются Большеречскіе и Тигильскіе. Для соединенія восточнаго берега отъ с. Карагин- скаго до Усть-Камчатки Усть-Камчатскіе. Для с. распо- ложенныхъ въ близь г. Петропавловска сей посылаю.

[Поданный подписать] Начальник Уезда Леха.

Съ подписаннымъ верно

Выписка из приказа начальника Петропавловского уезда А. П. Сильницкого от 22 апреля 1904 г. о начале войны с Японией. Копия приказа начальника Петропавловского уезда С. М. Леха от 20 апреля 1905 г. об объявлении военного положения [РГАДВ, ф. 1044, оп. 2, д. 55, л. 12, 16]

Ополченческая дружина в Петропавловске, 1905 г. В центре в мундире С. М. Лех. Присутствуют ветераны Петропавловской обороны 1854 г.

Но Брюгген не нашёл нужным снизить к моей просьбе. Наутро из разных источников я стал получать заявления о том, что Брюгген объявил уже Камчатку «под американцем», причём одновременно с этим объявлением он не преминул накинуть два рубля на кулёк муки, чего он не мог сделать без моего ведома и согласия.

Местные обстоятельства обязывали меня «обуздать» Брюггена, но в моём распоряжении не было для этого никаких средств. И Брюгген, уже осведомлённый, что я не так давно был объявлен сумасшедшим, стал вести себя вызывающе, вследствие чего я вынужден был пригласить его в управление, где в присутствии многочисленных лиц и запротоколил его речи с целью привлечения его к ответственности.

«Редондо» ушёл из Петропавловска 9-го мая. С двадцатых чисел мая я уже стал получать донесения с различных пунктов Камчатки о вооружённых столкновениях наших дружинников с японцами. В конце мая у деревни Явина на западном берегу Камчатки высадился с Шумшу отряд японцев под начальством лейтенанта Гундзи. Этот отряд численностью до 150 человек занял сказанную деревню, выбросил на крышу её часовни японский флаг, а затем разослал по Камчатке прокламацию следующего содержания:

«Эта земля принадлежит японскому империи. Кто этого не признает, будет убит».

Пришлось подумать о том, как бы прогнать этот, как говорили камчадалы, «дестант».

Одновременно с получением мною упомянутой прокламации я получил эстафету из Гижиги о том, что там жители вследствие недохода в прошлую навигацию пароходов, голодают, причём были уже случаи голодной смерти. Кроме того, я получил и предписание губернатора о том, чтобы ввиду возможности нападения на наши берега японцев вывезти внутрь страны продовольственные запасы. А у меня между тем в складе, построенном непосредственно на берегу Петропавловской бухты, было до 5 000 пудов муки, крупы, соли, кирпичного чая и прочее.

На петропавловском рейде с осени стояла конфискованная японская шхуна, потерпевшая во Втором Курильском проливе аварию. В самом же Петропавловске находился командир этой шхуны прапорщик запаса Жаба.

Ввиду того, что в момент получения упомянутой эстафеты о голодовке в Гижигинском крае я уже распорядился двинуть дружины селений, расположенных по долине реки Камчатки, в Яви-

но, чтобы прогнать оттуда Гундзи, я нашёл целесообразным дать подмогу камчатским дружинам и из Петропавловска, тем более ценную, что в составе петропавловской дружины находилось много запасных нижних чинов, из коих некоторые участвовали в русско-китайской войне. А затем я считал необходимым послать что-нибудь инородцам западного берега и из товаров за счёт денег, оставшихся от их ясака и, как сказано выше, посланных мною губернатору, причём, конечно, ввиду войны я уже не мог рассчитывать получить из Владивостока товары. А последние в Петропавловске во всяком случае были вдвое дешевле, чем на западном берегу Камчатки.

По этим соображениям я и решился снарядить в морской поход из Петропавловска в Явинское, оттуда в Тигиль, из Тигиля в Гижигу, а оттуда обратно в Петропавловск.

Жаба приступил к конопатке шхуны, к её осмолке, к шитью разорванных осеннею бурей парусов, к исправлению руля и к прочим ремонтным работам. Всё делалось средствами, бывшими под руками. Работа спорилась. И охотников плыть набралось «видимоневидимо», так что пришлось выбирать. Между прочим уже в июне месяце мне пришлось арестовать крестьянина селения Паратунские Ключи Егора Евойловского, убившего по побуждениям ревности человека, и в этом признававшегося. Дозволить ему гулять на свободе я не имел права, держать его под арестом я тоже не мог, так как у меня не было людей для караульной службы. И вот я решился посадить его на шхуну и даже вооружить. «Тебе придётся драться с японцами, — сказал я ему, — вот и искупай свою вину или умирай в бою». И Евойловский, как потом оказалось, вёл себя в бою с японским отрядом, что засел в Явино, выше всяких похвал, за что по моему ходатайству он и был высочайше помилован за своё преступление.

Шхуна с большим грузом казённых припасов, направленных мною в Гижигу, с запасом товаров, приобретённых покупкою в петропавловских магазинах, и с командою в 32 человека вышла из Петропавловска 16-го июня и направилась на западный берег Камчатки. Её плавание, могу сказать уверенно, составляет одну из отрядных страниц истории нашей войны с японцами. Утлое судно, кое-как скреплённое на петропавловских «верфях», отправилось в плавание за тысячи верст, рискуя ежеминутно встретиться с японским судном, а затем имея своей задачей высадить у селения Явинского «дестант» для действия против высадившагося сильного врага. И шхуна блистательно исполнила свою задачу.

Она не только высадила в указанном месте посланных мною дружинников, но и высадила их как раз во время, когда наши дружины уже разведывали расположение японцев. Вслед за соединением петропавловских дружинников, пришедших морем, и дружинников, пришедших сухопутьем, наши напали на японский лагерь.

Нападение было неожиданно. Японцы растерялись. Но всё же они оказали отчаянное сопротивление. В этом столкновении наших дружин с японским отрядом, высадившимся с острова Шумшу, мы потеряли двух убитыми и четырёх ранеными. С японской стороны убито и ранено 32 человека.

Такой результат боя с малыми для нас потерями объясняется тем, что наши дружинники напали на японский отряд скрадом, ползком на животах, причём первый залп по японцам они сделали уже почти в черте самага лагеря, поросшего высоким камчатским шаломайником (папортниковое растение).

Японский начальник Гундзи был взят в плен, японский флаг был сорван, и разбитые японцы бежали на свою шхуну, на которой, пользуясь ветром, и уплыли. Наши провожали шхуну огнём, пока она была в черте досягаемости выстрелов. Полагать надо, что и на шхуне были убитые. А одна шлюпка, на которой спаслись японцы, была потоплена нашими выстрелами, причём погибли и плившие на ней люди, числом до 12 человек. Всего же японцы потеряли до 44 человек.

Бой у селения Явинскаго во всяком случае показал, что сформированные мною дружины не были «буффонадой», тем более, что за лето 1904 года на обоих берегах Камчатки ими было убито до двухсот человек японцев и сожжено десятка два хищнических шхун. Утвердительно могу сказать, что за весь рыболовный сезон 1904 года японцы не вывезли из Камчатки ни одной рыбы, ибо таковую охраняли наши дружинники.

Заслуга ли это, или нет — сказать не могу, хотя полагаю, что на Камчатке честно исполнили долг и не допустили врагов своего отечества пользоваться его рыбными богатствами. Так, по крайней мере, понимал свой я, но не так понимали его другие.

Приезд на Камчатку Гребницкаго. Смещение меня с должности и расформирование дружин. В то время, когда на Камчатке происходили описанные события, американский пароход «Редондо» успел дойти до Сан-Франциско, где г. Брюгген и подал телеграмму в Петербург председателю Камчатского общества (он же и председатель санкт-петербургской биржи) действительному статскому советнику Прозорову о том, что «петропавловский уездный

начальник... по заключению уездного врача сошёл с ума, производит насилия над жителями, терроризировал население, вследствие чего Камчатское общество затрудняется выполнить свои задачи»... заключающийся, добавлю, в том, чтобы на отпущенные казною крупные средства, до двух миллионов рублей, снабдить население Охотско-Камчатского края необходимыми ему припасами.

Г. Прозоров предъявил эту телеграмму покойному министру внутренних дел В. К. фон Плеве, который и телеграфировал в Сан-Франциско находившемуся там в качестве уполномоченного министром внутренних дел и наместником Его Величества на Дальнем Востоке Н. А. Гребницкому следующее:

«Камчатское общество заявило мне то-то (приводится изложенное выше). Тщательно расследуйте дело, и, буде подтвердится, С... желательно вывезти». Нужно добавить, что уездный врач Тюшов, чтобы «крепче было», дал «заключение» и о том, что и помощник мой, Векентьев, нервно разстроен, причём, должен сказать, нервное расстройство Векентьева вытекало из солидарности со мною. И министр Плеве предложил Гребницкому расследовать и относительно Векентьева, котораго тоже, если «подтвердится», было предложено вывезти из Камчатки.

18-го июля, в разгар нашей борьбы с японцами, в Петропавловск прибыл второй американский пароход «Минеола», на борте которого был и Гребницкий.

В момент прибытия парохода Векентьева в Петропавловске не было, ибо он находился внутри страны, ведая дружинами.

Лишь только пароход бросил якорь, как я по обязанностям уездного начальника уже был на борте. Г. Гребницкий встретил меня сурово и величественно, предупредивши, что он имеет полномочия высшего правительства разобрать «все камчатские дела».

— Съезжайте на берег и соберите немедленно в управление вот этих лиц, — сказал он мне, подавая список.

В список вошли аккурат те, которые заседали 9-го апреля.

Поручение Гребницкаго было мною исполнено. И он, придя примерно через полчаса по отдаче якоря в управление, уже застал всех налицо. Сам он пришёл со своим старым сподвижником, ныне покойным Павским, с которым у меня уже было недоразумение по случаю заявления о расхищении им имущества Русанова.

Войдя в управление, Гребницкий обратился к собравшимся со следующими словами:

— Министр внутренних дел телеграфирует мне, что ваш уездный начальник сошёл с ума. Это вы, г. С... а потому, как сумасшедшего,

я с сего момента устранию вас от должности уездного начальника и таковым, — обратился он к присутствовавшим, — я назначаю вас, г. Павский.

Выслушавши этот приговор, я попросил у Гребницкого соответствующий документ и получил упомянутую телеграмму министра внутренних дел. Для меня, по прочтении этой телеграммы, было ясно, что здесь происходит суд волка в овчарне, почему я и счёл излишними какие-нибудь объяснения с Гребницким, ибо таковыя не могли же достигать чего бы то ни было.

Я покорился своей участи и безпрекословно, попросивши Гребницкого опечатать денежную кассу, соболей и бобров, ушёл из управления, причём уходя я слышал приказание Гребницкого казакам:

— Вы, смотрите, не пускайте в управление этого сумасшедшего, а то, чего доброго, он его сожжёт, а там ищи с него.

Когда я вернулся домой, там были казаки, некоторые мои дружинники, которые убеждали мою жену повлиять на меня, чтобы я не покорялся Гребницкому.

— Он, — говорили камчадалы, — не иначе, как подослан японцами...

Сила, во всяком случае, была на моей стороне. И история Камчатки знает много кровавых бунтов, происходивших именно на почве борьбы за соболей и прочую камчатскую драгоценную пушнину. А Гребницкий хорошо был известен населению как самый крупный хищник, как самый безжалостный «кровопивец» алеутов.

И если бы я захотел, я мог бы воспротивиться расправе Гребницкого, допустившего крупную передержку даже в исполнении данного ему поручения. Ему ведь поручалось «тщательно расследовать», а затем уже «вывозить» меня и Векентьева.

Но я, сказать правду, устал уже от постоянного напряжения ввиду интриги насчёт моей психики. И я сам хотел поскорее выехать из Камчатки на свежий воздух, чтобы разобраться и со своей психикой, и со своими делами.

Вот почему я безпрекословно подчинился Гребницкому и не посадил его в карцер, как сажал я в него некоторых петропавловцев.

Как только я ушёл из управления, Гребницкий немедленно распорядился расформировать все камчатские дружины, послать с них «бутафорские ополченческие кресты» и сейчас же всё «привести на мирное положение».

Кресты снимались, выставленные мною сторожевые посты упразднялись, книги и всякия вообще дела по дружинам опечатывались,

причём всем моим сотрудникам было объявлено привлечение их к суду за участие в разбоях в отношении к мирным японцам, приходившим к нам «ловить рыбу».

Были забыты упомянутые выше прокламации, причём Гребницкий, увидевши из бумаг, что мною приняты нешуточные меры в отношении Гундзи, немедленно послал полетучки — остановить наши дружины и вернуть их домой, снявши с них кресты, отобравши казенные ружья и патроны к ним.

Но это гуманное распоряжение, увы, опоздало: ещё накануне произошёл бой наших дружинников с японцами, о котором сказано выше.

И Гребницкому пришлось признать совершившийся факт. Когда ему представлялся пленённый Гундзи, Гребницкий извинился перед ним на английском языке за произошедшее недоразумение, объясняемое единственно психическим расстройством уездного начальника и нервным расстройством его помощника.

Но Гребницкому, так или иначе, всё же пришлось подписаться под боем у селения Явино, пришлось донести о пленении Гундзи, о наших потерях и об отличившихся в этом бою, причём в Петербурге оценили этот факт патриотизма камчадалов так высоко, что Сотников, например, простой унтер-офицер, был произведен сразу в подпоручики (второй офицерский чин, первый — прапорщик. — *Ред.*). Священник села Большерецкого Григорий Коллегов, напутствовавший камчатские дружины в бой с японским отрядом, не имевший решительно никаких наград, сразу получил камилавку (головной убор в виде расширяющегося кверху цилиндра без полей, фиолетового цвета, почётная награда священников. — *Ред.*). Прочие затем дружинники получили знаки отличия военного ордена, некоторые сразу третьей степени, помимо четвёртой.

Донесши в Петербург о бое, подтвердивши моё психическое и Векентьева нервное расстройство и объяснивши тем необходимость вывезти нас из Камчатки, Гребницкий, как выяснилось впоследствии, ни словом не обмолвился о расформировании им дружин...

Впоследствии выяснилось, что ещё до объявления войны в Японии формировалась особая экспедиция на Камчатку под начальством Гундзи, которая взялась занять страну мирным путём. На расходы по снаряжению этой экспедиции, отправленной на Шумшу ещё осенью 1903 года, было ассигновано японским правительством 250 000 иен и японскими патриотами 250 000 иен.

На Камчатке говорили, что львиная доля этих иен была уплачена Гребницкому за создание на Камчатке «мирного положения».

Японцы дорожили своими силами. И посылать их на Камчатку они, видимо, не хотели, а потому и приняли упомянутые «дипломатические меры»...

Вывоз меня и Векентьева из Петропавловска. Гибель «Минеолы». Разделавшись по-свойски со мною, разоруживши страну, Гребницкий приступил к своему «прямому делу», к снабжению края припасами. Но на «Минеоле» между тем не было привезено никаких припасов, что частью подтверждается тем, что в Сан-Франциско не было их освидетельствования консулом, что входило, однако, в неперемнную его обязанность. И причины этого важного упущения объяснены Гребницким в его донесениях как-то сбивчиво, туманно. Донесения эти и поныне имеются, вероятно, в Министерстве внутренних дел.

30-го июня мне и Векентьеву было приказано садиться на пароход. И у меня, и у Векентьева была на руках большая семья, жёны и маленькие дети. У меня трое, у Векентьева двое.

«Минеола», не сгрузивши в Петропавловске решительно никаких запасов, пошла в Охотск, куда и пришла 3-го августа. Тотчас по прибытии на рейд стали снаряжать паровой катер, к которому привязали на буксир шлюпку. На шлюпку посадили нас, меня и Векентьева с семьями, а на катер сели приказчики Камчатского общества. Сели они в пробковых поясах, каковая предосторожность была далеко не лишней, так как нам предстояло переходить грозный охотский бар, а погода между тем стояла свежая.

Лоцман и другия охотские казаки заявили Гребницкому, что плыть теперь через бар опасно, в ответ на что они получили окрик Гребницкаго: «Не ваше дело».

Нас повезли. Скажу одно, что я и до сих пор не понимаю: почему, собственно, мы не потонули?

На гребне высокого вала в самом водовороте бара «лопнул» буксир... Но мы, не знаю уж как, выплыли из пучины невредимыми.

— Бог не выдаст, — говорили мы, выходя на берег, — свинья не съест!

Сошёл я на берег с мыслью, что первый этап моих приключений кончился сравнительно благополучно.

«Минеола» простояла на Охотском рейде два дня, не отпустивши никому решительно ни одного фунта груза. На это жаловались в Петербург и охотские купцы, и охотский уездный начальник Попов. И на это у «Минеолы», вернее, у Гребницкаго, были «свои причины», заключавшиеся в том, что на пароходе не

было ничего, кроме самых необходимых запасов продовольствия для команды.

Из Охотска «Минеола» пошла на западный берег Камчатки. До сентября месяца она «болталась» в виду берега, не приставая, однако, никуда, а затем, 9-го сентября, «Минеола» появилась у Тигиля, где наскочила на «не обозначенный на карте камень» и погибла. Погиб и «казённый груз», погибли «морские командорские бобры и котики», которые, кстати сказать, были отправлены в Америку на пароходе «Редондо». Говорили потом, что «Минеола», старая разбитая бандура, была хорошо застрахована и шла она на Камчатку только затем, чтобы безопасней для людей «наскочить на «не обозначенный на карте камень».

Заслуживает внимания, что в день крушения «Минеолы» в Тигиле появилось английское судно «Альджерейн», которое вообще никогда на западный берег Камчатки не ходит, ибо оно назначается исключительно для охраны командорских бобровых лежбищ.

На «Альджерейн» пересели Гребницкий, барон Брюгген и судовая команда погибшей «Минеолы». И вся эта компания отправилась от «необозначенного на карте камня» во вражескую Японию, откуда проследовала в дружественную нам Америку.

Из Охотска через Якутск в Хабаровск. Когда с «Минеолой» происходила вышеизложенная история, я был на пути из Охотска в Якутск.

Якутский тракт — самый дикий и самый труднопроходимый в мире, особенно при перевале через крутой, обрывистый Становой хребет. Я ехал в компании с якутами. Ехал верхом на сменных лошадях. Трудно передать в настоящем моём рассказе все те затруднения, какие я испытывал в пути, тянувшемся то дремучими, на десятки вёрст, лесами, то непроходимыми болотами, то горными кручами, при виде которых захватывало дух.

Весь путь 1 200 вёрст. Выехавши из Охотска 5-го августа, где впредь до зимнего пути я оставил свою семью, я добрался до Якутска лишь 22-го сентября.

У самого Якутска мне пришлось переправляться через Лену, могучую сибирскую реку, когда по ней уже шла шуга. Сильны были мои ощущения, когда я переплывал охотский бар, но не менее сильны они были, когда я переплывал во время ледохода Лену, ширина которой у Якутска не менее, как я полагаю, двенадцать вёрст. Встретили мы почти на середине реки огромную льдину, которая одним своим прикосновением могла перековырнуть нашу лодку. Но льдина, к счастью, пронеслась мимо.

На левый берег Лены я вступил с радостным чувством. Здесь уже был телеграф, по которому я и мог начать свои объяснения.

В Якутске тотчас по приезде я явился к губернатору Булатову, который, выслушавши моё повествование, предложил мне написать для «Якутских областных ведомостей» об обороне Камчатки от японцев, что я на другой день и исполнил. Эта моя статья прошла не только все сибирские газеты, но из Иркутска она была передана по телеграфу петербургскому агентству и обошла затем всю русскую печать.

В Якутске я должен был остановиться до зимнего пути, и выехал я на Иркутск уже в середине октября. С особым удовольствием вспоминаю я теперь своё путешествие по широкой привольной Лене. Почтовый ленский тракт держат за круговую друг за друга порукою приленские селения, а не один какой-либо почтосодержатель, вследствие чего там никогда нет задержки в лошадах. Везут день и ночь. Очень хороши чистенькие почтовые станции. И никакого затруднения в провизии. Всюду можно достать яйца, молоко, свежую и мороженую рыбу, дичь, мясо. Народ по Лене сытый, зажиточный.

В Иркутск я приехал 9-го ноября. Здесь находился в должности правителя канцелярии иркутского генерал-губернатора мой старый знакомый Л. Н. Гондатти, с которым я познакомился на реке Анадыре, когда он был там окружным начальником, а я ездил туда в качестве чиновника приамурского генерал-губернатора, которому были поручены некоторые дела по Анадырскому краю. Гондатти, ныне томский губернатор, отнёсся ко мне в высшей степени тепло. Он отлично понимал всю мою историю. И, имея связи в Петербурге, он посылал меня из Иркутска туда, чтобы поскорее, без отяжки выяснить вопрос. Для этого он дал мне даже несколько писем к своим петербургским знакомым. Но в Петербург мне так и не удалось попасть.

В тот самый день, когда я собирался выехать из Иркутска в Петербург, иркутский губернатор Моллериус получил из Никольска-Уссурийского от приморского губернатора Колюбакина следующую телеграмму: «В Иркутске пребывает душевнобольной петропавловский уездный начальник С... Он собирается выехать в Петербург. Благоволите распоряжением водворить его в больницу для психически больных».

И меня, конечно, «водворили» бы, если бы не Гондатти. В тот же день, когда была получена в Иркутске цитированная телеграмма, я был освидетельствован в отношении своей психики в порядке,

какой указан для таких случаев в законе. Эта процедура, тяжёлая и унижительная, реабилитировала, однако, мою психику, и приморскому губернатору был послан ответ, что ввиду такой-то его телеграммы, такой-то С... освидетельствован в порядке такой-то статьи, причём он оказался совершенно здоровым.

После этого эксперимента, окончившагося для меня так благополучно, я не рискнул уже ехать в Петербург, ибо у меня не было гарантий, что такую же телеграмму получит енисейский или другой какой попутный губернатор.

А потом «доказывай, что ты заяц, а не верблюд»...

И вот из Иркутска я поехал в Никольск-Уссурийский, уже будучи формально и «в установленном порядке» реабилитированным.

В Никольск я добрался без особых приключений, хотя и ехал в самый разгар движения наших войск на театр войны. Прибыл я в Никольск 1-го декабря, причём губернатор Колюбакин с первых же слов извинился передо мною за свою телеграмму иркутскому губернатору:

— Мне её подсунули с бумагами, — говорил он мне. — А теперь дел такая масса, что где уж перечитывать всякую бумажку...

В Никольске я пробыл недолго, так как была получена телеграмма генерал-губернатора Андреева о немедленном командировании меня в Хабаровск, куда я и прибыл 17-го декабря. 18-го я был принят генерал-губернатором Андреевым, который после продолжительной со мной беседы предложил мне занять мою старую должность редактора официальных «Приамурских ведомостей».

Я согласился, и 1-го января 1905 года об этом был отдан приказ генерал-губернатора.

Таким образом, вывезенный из Камчатки сумасшедшим, я тотчас по прибытии в резиденцию генерал-губернатора был назначен редактором официальной газеты.

Новая командировка на Камчатку. С момента назначения меня на сказанную должность я приступил к даче объяснений по всем своим делам на Камчатке. Суть моих объяснений передавалась по телеграфу в Петербург. В конце концов под влиянием, конечно, петербургских покровителей Гребницкаго, в Хабаровске была получена бумага:

«Теперь, разумеется, С... психически здоров, но из этого вовсе же не следует, что он был здоров и на Камчатке, где были такие тяжёлые условия, что немудрено было и помутиться разумом».

В ответ на это разные мои бумаги и письма, писанные на Камчатке в самый острый период моего «помешательства», по моей о том

просьбе были подвергнуты экспертизе психиатров, которые дали заключение, что все мои бумаги написаны «в здравом уме и в твёрдой памяти».

После этой экспертизы уже не раздавалось голосов в пользу моего безумия при отправлении мною обязанностей петропавловского уездного начальника.

Иные мои действия трактовались уже как просто незаконные. Но я на каждое свое действие представил объяснение, настолько удовлетворивший генерал-губернатора, которым был назначен тогда генерал Хрещатицкий, что в конце концов я был представлен за службу на Камчатке к Анне на шее, каковой орден я и получил.

Казалось бы, что после всего изложенного следовало бы привлечь к ответственности «уполномоченного министром внутренних дел и наместником» Гребницкого, о чём генерал-губернатором и была послана в Петербург соответствующая бумага. Но была война. Пережили Порт-Артур, Мукден, переживали Цусиму.

И Петербургу было не до камчатских дел и дразг.

Я редактировал «Приамурския ведомости», посылал статьи в столичные газеты: в «Новое время», в «Биржевые ведомости», в «Русское слово» и другие.

Семья к этому времени благополучно добралась до Хабаровска, проехавши тот же путь, что проехал и я. Меня это путешествие ввело в неоплатные долги, что и принял во внимание генерал Хрещатицкий, который и приказал выдать мне 3 574 рубля из денег, что были выручены от продажи в начале моей камчатской службы хищнических морских бобров, о которых сказано выше. Эта получка более или менее поправила мои дела, и я стал немного отдыхать от пережитых передряг.

Но мой отдых продолжался недолго.

В Портсмуте велись мирные переговоры. Во время заключённого перемирия японцы дали пропуск на Камчатку нашему военному транспорту, на котором разрешалось отвезти туда запасы продовольствия.

И на этом судне по воле начальства был послан я, между прочим, с поручением обревизовать деятельность камчатской и командорской администрации.

Не преувеличивая, скажу, что гром и молния из безоблачного неба не произвели бы такого впечатления на камчатских обывателей, как моё появление на петропавловском рейде на судне под военным флагом в качестве... ревизора...

Моё положение было очень щекотливым, тем более что я сразу же наткнулся на факт исчезновения из петропавловского денежного сундука казённых 40 000 рублей, совершившагося при следующих обстоятельствах.

30-го июля 1905 года в шесть часов утра на створе Авачинской губы показались два японских военных крейсера. Крейсера шли таким малым ходом, что они стали на якорь лишь около одиннадцати часов.

О появлении крейсеров было немедленно дано знать уездному начальнику Леху, который, убедившись самолично в том, что действительно идут японские крейсера, стал собираться в бегство, а за ним стали бежать из Петропавловска и все жители. Не бежали из него только Гребницкий и приказчики Камчатского общества.

Лех, покидая Петропавловск, несколько раз был в управлении, откуда по его распоряжению были вынесены некоторые дела, морские бобры, упромышленные в этом году. В управлении же стояла несгораемая железная касса, в которой находилось 40 000 рублей казённых денег.

Вот эти-то деньги Лех и «забыл» захватить.

Японцы же, ставши на якорь, стали стрелять из шестидюймовых орудий. Первый выстрел они произвели по зданию управления. Снаряд пронизал всё это ветхое здание, не причинивши, однако, ему особого разрушения. Затем японцы выстрелили несколько раз в гору. Затем они посадили на шлюпки команду, приблизительно в двести человек, которая около часу дня и съехала на берег. Здесь японцы окончательно убедились, что в Петропавловске им не будет никакого сопротивления. И они приступили к мирному занятию — к охоте за пасшимися на городских улицах коровами. Коров они стреляли из ружей. Здесь же, на улице, они потрошили подстреленных коров и свеживали их мясо. Затем в сопровождении офицеров они обходили дома, где к их чести, решительно ничего не тронули.

Зашли японцы и в управление, где, видимо, стали читать дела. Но дела их не заинтересовали, так как многие из них очутились в бухте. Когда японцы съехали обратно на крейсера, казённая касса, по донесению Гребницкого генерал-губернатору, оказалась взломанной. Затем, на другой день, японцы опять съезжали на берег, причём японские офицеры были приглашены Гребницким на обед, на котором, по рассказам, было очень весело.

1-го августа крейсера вышли в море, направившись на Командорские острова, где они тоже сходили на берег, были в управлении,

причём несгораемая касса Командорских островов осталась в полнейшей неприкосновенности.

Возвращение во Владивосток. Разгром Владивостока. Обязанный по букве данного мне поручения расследовать описанные события, особенно произошедшие в Петропавловске, где посещение японских крейсеров сказалось в исчезновении 40 000 рублей казённых денег, я забрал письменные показания очевидцев пребывания японцев в Петропавловске, причём все показания дополняли недоумение, почему собственно Лех «забыл захватить 40 000 рублей» и почему Гребницкий в своём донесении генерал-губернатору, которое мне было известно ещё в Хабаровске, доносил, что «маяк разрушен, касса взломана, деньги целы».

Маяк оказался в полнейшей целости, касса, правда, взломанной, но деньги из нея исчезнувшими.

Я пробыл в Петропавловске две недели, до 20-го октября. 22-го мы были уже на Командорских островах, где простояли сутки, а 24-го октября мы пошли обратно.

Во Владивосток мы пришли 1-го ноября, причём из опасения мин, подходя к городу уже вечером, мы стали в одной из бухт на якорь. Над Владивостоком стояло огромное огненное зарево. Штурман, посланный за пресной водой, возвратился с известием, что во Владивостоке военный бунт, что весь город разграблен и разрушен. В чём было дело, мы не знали. Но дело немного разъяснилось, когда другой офицер, посланный также на берег, привез газету, где был напечатан манифест 17-го октября, и рассказал о происходивших в городе митингах, о брожении среди запасных, требовавших немедленного увольнения их со службы.

Тут же, стоя в бухте, мы узнали о бунте на транспорте «Тобол», об убийстве матросами командира.

2-го ноября на рассвете мы тронулись во Владивосток. Когда нам открылась панорама этого города, мы уже ясно видели дымящиеся остовы домов по Светланской улице, видели двигавшиеся по этой улице войска.

Стали на якорь, и я съехал на берег. Тяжёлую картину представлял Владивосток. Светланская улица, главная артерия города, была сплошь усыпана всевозможными предметами: битым стеклом, рваной бумагой, подгоревшими кусками материи, мукой, крупой, сахарным песком. Всюду стояли войска под ружьём.

Гарцовали казачьи команды. Большинство зданий сгорело. А оставшиеся в целости, как, например, почта, дом Чурина, были закрыты. Всякая жизнь во Владивостоке прекратилась, так что,

пробродивши в городе часа четыре, я так и не мог достать булку, напиться где-нибудь чаю.

Все мои знакомые выехали, кто на Седанку, кто в Никольск, а кто и дальше.

Разгром города озверевшими солдатами был полный и неслыханный. Громили город дико, безумно. Грабили всё, что попадалось под руку, и тут же портили свою добычу и бросали её.

За тысячной толпою пьяных громили шла шайка шакалов, которая подбирала награбленное золото, серебро, драгоценные камни.

5-го ноября я уже был в Хабаровске, а 6-го явился к генерал-губернатору, подавленному владивостокскими событиями...

Само собою разумеется, что он не стал интересоваться камчатскими делами. Было не до того...

— 14 мѣсяцевъ службы на Камчаткѣ — 541

Гарцовали казачьи команды. Большинство зданій сгорѣло. А оставшіяся въ цѣлости, какъ, напр., почта, домъ Чурина, были закрыты. Всякая жизнь во Владивостокѣ прекратилась, такъ что, пробродивши въ городѣ часа четыре, я такъ и не могъ достать булку, напиться гдѣ-нибудь чаю.

Всѣ мои знакомые выѣхали. кто на Сѣданку, кто въ Никольскѣ, а кто и дальше.

Разгромъ города озвѣрѣвшими солдатами былъ полный и неслыханный.

Громили городѣ дико, безумно. Грабили все, что попадалось подъ руку, и тутъ же портили свою добычу и бросали ее.

За тысячной толпою пьяныхъ громили шла шайка шакаловъ, которая подбирала награбленное золото, серебро, драгоценные камни.

5-го ноября я уже былъ въ Хабаровскѣ, а 6-го явился къ генералъ-губернатору, подавленному владивостокскими событіями...

Само собою разумѣется, что онъ не сталъ интересоваться камчатскими дѣлами. Было не до того...

А. Сильницкій.

